

ТРУДЫ

ПОДГОТОВИТЕЛЬНОЙ ПО НАЦИОНАЛЬ-
НЫМЪ ДѢЛАМЪ КОМИССИИ.

МАЛОРУССКІЙ ОТДѢЛЪ.

ВЫПУСКЪ I.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ ПО МАЛО-
РУССКОМУ ВОПРОСУ.

СТАТЬИ: проф. А. Д. Билимовича, проф. П. М.
Богаевского, проф. И. А. Линниченко, проф.
Б. М. Ляпунова, С. Г. Грушевскаго, Н. К. Мо-
гилянскаго, А. И. Савенко, А. В. Стороженко.

ОДЕССА.

Тип. Издательства „Русская Культура“.

— 1919. —

79a

1850

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

№ 7229
БИБЛИОТЕКА
ОДЕССКОЙ 2-й МУЖСКОЙ
ГИМНАЗИИ.

ТРУДЫ

ПОДГОТОВИТЕЛЬНОЙ ПО НАЦИОНАЛЬ-
НЫМЪ ДѢЛАМЪ КОММИССИИ.

МАЛОРУССКІЙ ОТДѢЛЪ.

ВЫПУСКЪ I.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ ПО МАЛО-
РУССКОМУ ВОПРОСУ.

СТАТЬИ: проф. А. Д. Билимовича, проф. П. М. Богаевского, проф. И. А. Линниченко, проф. Б. М. Ляпунова, С. Г. Грушевскаго, Н. К. Могилянскаго, А. И. Савенко, А. В. Стороженко.

ОДЕССА.

Тип. Издательства „Русская Культура“.

— 1919. —

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

№ 8249.
БИБЛИОТЕКА
ОДЕССКОЙ 2-й МУЖСКОЙ
ГИМНАЗИИ.

ТРУДЫ

ПОДГОТОВИТЕЛЬНОЙ ПО НАЦИОНАЛЬ-
НЫМЪ ДѢЛАМЪ КОММИССИИ.

МАЛОРУССКІЙ ОТДѢЛЪ.

ВЫПУСКЪ I.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ ПО МАЛО-
РУССКОМУ ВОПРОСУ.

СТАТЬИ: проф. А. Д. Билимовича, проф. П. М.
Богаевского, проф. И. А. Линниченко, проф.
Б. М. Ляпунова, С. Г. Грушевскаго, Н. К. Мо-
гилянскаго, А. И. Савенко, А. В. Стороженко.

ОДЕССА.

Тип. Издательства „Русская Культура“.

— 1919. —

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

79-a
1850

Складывавшійся вѣками Русскій Государственный строй рухнулъ вмѣстѣ съ Русскимъ государствомъ.

Началось вторично у насъ наше Смутное время, и, какъ тогда въ XVII вѣкѣ, такъ и теперь, отдѣльныя части государства, отдѣльныя области, отдѣльныя національности, постепенно, разными путями, военными и мирными, однѣ помимо своей воли, другія сознательно и добровольно вошедшія въ составъ нашего Государственного союза, стали тянуть врозь.

Кончится наша разруха (а мы вѣримъ, что она окончится скоро), и начнется строительство нашего государства по тѣмъ планамъ, которые каждому обществу диктуетъ время, и живая вода національнаго сознанія не только омоетъ раны, нанесенныя нашему общественному организму ужасной болѣзью большевизма, но и сплотитъ опять въ одно цѣлое отсѣченныя его части.

Если система централизаціи управленія, достигшая своего апогея и доведенная ad absurdum въ эпоху власти большевиковъ, въ планахъ новаго государственнаго строительства должна будетъ уступить мѣсто системѣ децентрализаціи, то тогда возникнетъ тотчасъ рядъ очень важныхъ и нелегко безъ предварительной подготовки рѣшаемыхъ вопросовъ—о раздѣленіи всего государства на отдѣльныя самоуправляющіеся единицы, о территории такихъ единицъ, о степени такого самоуправления, объ отношеніи децентрализованныхъ и самоуправляющихся единицъ къ одному общему правительственному центру и т. д.

Помочь рѣшенію всѣхъ этихъ вопросовъ задача подготовительной по національнымъ дѣламъ комиссіи.

Вслѣдъ за выпускомъ, посвященнымъ вопросу малорусскому, выйдутъ томы трудовъ комиссіи по отлѣламъ—Бѣлорусскому, Литовскому, Латышскому, Польскому, Армянскому, Грузинскому, Татарскому, по вопросамъ о Бессарабіи и Новороссіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
ПРЕДИСЛОВІЕ	1—II.
А. И. Савенко. Къ вопросу о самоопредѣленіи Южной Россіи	1—6.
Проф. П. М. Богаевскій. Присоединеніе Малороссіи къ Московскому царству	7—15.
С. Г. Грушевскій. Краткій очеркъ политической исторіи Украинскаго движенія	16—22.
С. Г. Грушевскій. Украинцы. Центральныя державы и Союзники	23—34.
С. Г. Грушевскій. Единство Русскаго Народа	28—34.
Проф. И. А. Линниченко. Малорусская Культура	35—51.
А. В. Стороженко. Малая Россія или Украина	52—64.
Проф. И. А. Линниченко. Дополненія къ статьѣ А. В. Стороженко	64—69.
Проф. И. А. Линниченко. Русскія начала въ Русской Галиціи	70—79.
Проф. Б. М. Ляпуновъ. Единство Русскаго языка въ его нарѣчіяхъ	80—96.
Проф. Александръ Д. Билимовичъ. Экономическое единство Россіи	97—105.
Проф. Александръ Д. Билимовичъ. Дѣленіе Южной Россіи на области	106—110.
Н. К. Могилянскій. Автономія Новороссіи	111—119.

А. И. Савенко.

Къ вопросу о самоопредѣленіи населенія Южной Россіи.

Коренное русское населеніе Малой Руси или Малороссіи, являющейся исконной и самой древней русской областью и колыбелью русской государственности, не признавая существованія особаго украинскаго народа и считая, что малороссы являются южной вѣтвью единаго русскаго народа, стоитъ, въ лицѣ виднѣйшихъ и образованнѣйшихъ своихъ представителей, на позиціи принципа свободы національнаго самоопредѣленія. И хотя объективныя научныя данныя-историческія, этнографическія, лингвистическія и иныя—съ безспорностью устанавливаютъ національное единство русскаго народа, но если-бы южно-русская вѣтвь русскаго народа отеклась отъ славнаго русскаго имени своихъ предковъ и самоопредѣлила-бы себя украинцами, то съ такимъ явленіемъ пришлось-бы считаться и такъ или иначе пришлось-бы склониться передъ совершившимся фактомъ. Но въ области, такъ называемаго, украинскаго движенія однимъ изъ изумительнѣйшихъ обстоятельствъ является именно то, что коренное населеніе Малой Руси никогда, на протяженіи многихъ вѣковъ, не считало и не считаетъ себя украинцами: оно всегда и неизмѣнно самоопредѣляло себя русскимъ народомъ, и своимъ національнымъ именемъ всегда считало—„русскій“. Это мы видимъ на протяженіи всей многовѣковой нашей исторіи. Представители украинскаго движенія исторію „украинскаго народа“ ведутъ со временъ нашей Начальной лѣтописи и даже Нестора-Лѣтописца именуютъ украинскимъ лѣтописцемъ. А крупнѣйшій идеологъ украинства проф. Мих. Грушевскій доказываетъ въ своихъ ученыхъ трудахъ, что населеніе Поднѣпровья со времени появленія здѣсь восточныхъ славянъ никогда не мѣнялось, и что тотъ самый народъ, который живетъ здѣсь нынѣ, жилъ здѣсь и тысячу лѣтъ назадъ. Посмотримъ же, какъ называлъ себя этотъ народъ на протяженіи тысячелѣтней своей исторіи. Начнемъ съ того, что первый лѣтописецъ Южной Руси Несторъ самоопредѣлялъ себя русскимъ: его лѣтописный трудъ носить такое названіе: „Се повѣсти времянныхъ лѣтъ, откуда есть пошла *русская земля*, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуда *русская земля* стала есть“.

Населеніе Поднѣпровья, жизнь, страданія и подвиги котораго описываетъ Несторъ-Лѣтописецъ, всегда, съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, называло себя „Русь“. Разсказывая, со словъ греческихъ хроникъ, подъ 852-ымъ годомъ, о томъ, какъ „приходиша Русь на Царьгородъ“, Несторъ-Лѣтописецъ говоритъ: «нача ся прозывати *Русская земля*». Въ переговорахъ съ греками князь Святославъ говоритъ: „Азъ Святославъ, князь Русскій... и иже суть подъ мною Русь“. Древнѣйшій нашъ кодексъ (Ярослава Мудраго) называется „Русская правда“. Въ поученіи Владимира Мономаха мы читаемъ: „Азъ, нареченный въ крещеніи Василій, руськимъ именемъ Володимиръ“. Въ 1097 году князья на Любечскомъ съѣздѣ говорятъ: „Почто губимъ Русскую землю“. Изъ преведенныхъ данныхъ ясно видно, что предки наши въ эпоху, охватываемую „Повѣстью временныхъ лѣтъ“, считали себя русскими людьми, а свою родину — русскою землею. Никакихъ „украинцевъ“ они не знали. То же мы видимъ и во всѣхъ послѣдующія эпохи. Авторъ „Слова о полку Игоревѣ“, (произведение XII столѣтія), котораго украинцы зачислили въ украинскіе поэты, скорбитъ о бѣдствіяхъ, постигшихъ *русскую* землю, воспѣваетъ тѣхъ *русскихъ* князей, которые геройски боронили за русскую землю, говоритъ о *русской* славѣ, о *русской* чести и т. д., а населеніе русской земли называетъ „русичами“. Итакъ, на протяженіи всей 4-вѣковой эпохи исторической жизни нашей родины до нашествія татаръ наши предки называли себя русскими и не знали никакихъ „украинцевъ“. Да послѣднихъ тогда и быть не могло, ибо слова: Украина и украинцы — означаютъ: окраина и окраинцы, а древняя Русь, ядромъ которой были княжества Кіевское, Черниговское и Переяславское, была не окраиной русской земли, а самымъ центромъ ея. И только значительно позже, когда, подъ ударами судьбы, Кіевская Русь пала и вошла въ составъ Польско-Литовскаго государства, она оказалась „у края“ этого государства и стала его „Украиной“. Но это было названіе чисто территоріальное, географическое, но ничуть не этнографическое. Въ національномъ же отношеніи населеніе этого края всегда и неизмѣнно считало себя русскимъ. Такъ, самъ Мих. Грушевскій говоритъ, что въ эпоху литовскаго владычества „русская партія сосредоточивается въ Кіевѣ, и Кіевская земля получаетъ значеніе твердыни русской народности“. Великій князь литовскій Ягайло называлъ Кіевъ, „изначальною столицею всѣхъ русскихъ земель“. Въ позднѣйшую эпоху — казацкую — малорос-

сійскіе казаки также никакихъ украинцевъ не знали и называли себя русскими. Малороссійскіе гетманы также считали себя русскими. Въ этомъ отношеніи достаточно сослаться на двухъ знаменитѣйшихъ гетмановъ—Петра Сагайдачнаго и Богдана Хмѣльницкаго. Изъ нихъ послѣдній послѣ побѣды первой войны его съ поляками говорилъ въ Кіевѣ: „Выбью изъ польской неволи весь *Русскій народъ*“. Въ рѣчи своей на Переяславской Радѣ Богданъ Хмѣльницкій, описывая бѣдственное положеніе Малороссіи, жаловался, что поляки хотятъ „искоренить церковь Божію, дабы и *имя русское* не упомянулось въ землѣ нашей“. Малороссійское общество эпохи гетмановъ также всегда и неизмѣнно самоопредѣляло себя русскимъ. Такъ, въ 1632 году въ инструкціи, данной посламъ казацкимъ, отправляемымъ на избирательный сеймъ, сказано: послы должны просить, чтобы „народъ нашъ *русскій* и духовенство наше“ не претерпѣвали бѣды отъ уніатовъ. Въ актѣ избранія Петра Могилы въ митрополиты Кіевскіе говорится о *народѣ русскомъ*, а митрополитъ Кіевскій именуется митрополитомъ *всей Руси*. По договору гетмана Буговскаго съ поляками предусмотрено было образованіе изъ малорусскихъ областей подъ верховной властью Польши автономнаго „великаго княжества русскаго“. Надпись на печати гетмановъ малороссійскихъ гласила: „печать Малой Россіи войска Запорожскаго“.

Итакъ, на протяженіи всей многовѣковой исторіи нашего края коренное населеніе его всегда считало себя русскимъ. Но, быть можетъ, малороссы нынѣ рѣшили отречься отъ своего національнаго имени, отъ славнаго имени своихъ предковъ и нынѣ стали самоопредѣлять себя „украинцами“? Ничуть нѣтъ: коренное населеніе Малой Руси и нынѣ считаетъ себя русскимъ, а навязываемаго ему новаго названія „украинцы“ не знаетъ, какъ не знаетъ и созданнаго въ Галиціи „украинскаго“ языка. Во всякой малорусской деревнѣ крестьяне на вопросъ: кто вы такіе, какого вы народу,—отвѣтятъ: мы—русскіе. То-же самое наблюдается въ народной массѣ и въ отношеніи къ вопросу объ отдѣленіи отъ Россіи: малорусская народная масса всегда стояла и стоитъ за единую Россію и не мыслить существованіе своей родины внѣ единой Россіи. Правда, демагогическая агитація крайнихъ элементовъ, воспользовавшись непреодолимымъ стремленіемъ крестьянъ къ полученію земли, подняла часть темной народной массы лозунгомъ о землѣ и увлекла ее на путь сепаратизма. Но сепара-

тизмъ здѣсь обманно пристегнуть къ аграрному движенію и является контрабандой. Тѣмъ, однако, кто полагаетъ, что крестьяне, поднятые лозунгомъ о землѣ, борются за украинскую самостоятельность, необходимо напомнить, что всего нѣсколько лѣтъ назадъ демагоги изъ Союза русскаго народа, съ архимандритомъ Виталиемъ во главѣ, обѣщаніемъ надѣленія землей подняли сотни тысячъ малорусскихъ крестьянъ на защиту неограниченнаго самодержавія. Поэтому при разсмотрѣніи вопроса о томъ, какъ крестьянское население Малороссіи относится къ лозунгамъ единой Россіи и самостоятельной Украины, необходимо эти чисто-политическіе вопросы тщательно отдѣлять отъ вопроса аграрнаго. И мы видимъ, что когда вопросы государственнаго устройства ставятся передъ крестьянскимъ населеніемъ Малороссіи не въ связи съ аграрнымъ вопросомъ, то результаты получаются совершенно опредѣленные. Такъ, напримеръ, партія украинскихъ самостоятниковъ, выступившая на выборахъ въ Украинское Учредительное Собраніе въ январѣ 1918 г. подъ лозунгомъ „самостоятельности“, потерпѣла во всей Малороссіи самое жестокое пораженіе и собрала совершенно ничтожное число голосовъ. Болѣе вѣскимъ и убѣдительнымъ для рѣшенія вопроса о томъ, какъ въ національномъ смыслѣ самоопредѣляетъ себя населеніе Малороссіи, является голосъ культурнаго класса, сосредоточеннаго, главнымъ образомъ, въ городахъ. Въ этой области дѣла „украинцевъ“ обстоятъ очень плачевно. Сами украинскіе дѣятели признаютъ и часто жалуются, что интеллигенція и вообще весь культурный классъ Малороссіи не сочувствуетъ украинскому движенію и относится къ нему отрицательно. И дѣйствительно, противъ украинизаціи края и противъ отдѣленія Малороссіи отъ единой Россіи подали свои голоса вѣскими, мотивированными заявленіями Кіевская духовная академія, университеты Кіевскій, Харьковскій и Одесскій, Кіевскій политехническій институтъ и другія высшія учебныя заведенія края. Съ протестами противъ украинизаціи выступили также: учительскій союзъ, всеукраинскій родительскій съѣздъ, всѣ три судебныя палаты края (Кіевская, Харьковская и Одесская) и множество другихъ учреждений и организаций. Единственное за все время революціи правильно и свободно избранное представительное учрежденіе Малороссіи — Всеукраинскій Церковный Соборъ (въ выборахъ представителей на этотъ соборъ принимали участіе всѣ православные приходы Южной Россіи) — многократно и рѣшительно высказался противъ украинизаціи и противъ отдѣленія отъ единой Россіи, а когда банды Петлюры и Винниченка овладѣли

Кіевомъ, послѣ чего главные дѣятели Церковнаго Собора были арестованы и Директорія провозгласила отдѣленіе украинской церкви отъ общерусской церкви, то соборъ епископовъ всей Южной Россіи торжественно поклялся хранить вѣрность единой русской церкви и провозгласилъ отлученіе отъ церкви тѣмъ, кто будетъ насильственно этому противодействовать.

Не менѣе показательны результаты выборовъ, одновременно производившихся въ городахъ Южной Россіи по четырехчленной формулѣ. На выборахъ въ городскія думы, производившихся въ 1917 году, въ такихъ центрахъ, какъ Кіевъ, Харьковъ, Одесса, Екатеринославъ, Полтава и др., процентъ гласныхъ, прошедшихъ отъ украинскихъ партій, былъ крайне незначителенъ, а иногда прямо ничтоженъ. Вообще главные городскіе центры Южной Россіи, въ которыхъ сосредоточены массы наиболѣе сознательнаго населенія, много разъ ярко обнаруживали свой русскій характеръ. Такъ, напримѣръ, данныя всеобщей переписи населенія столицы Малороссіи—Кіева, произведенной въ концѣ 1917 года, дали такіе результаты: русскими самоопредѣлило себя 55% всего населенія города, а украинцами — всего 12% населенія. На выборахъ въ Украинское Учредительное Собраніе, произведенныхъ въ январѣ 1918 года, всѣ шесть украинскихъ списковъ, вмѣстѣ взятые, собрали 28% всѣхъ голосовъ, причемъ надо принять во вниманіе, что за украинскіе списки, согласно отданному приказу, голосовало много тысячъ солдатъ, которые въ большемъ числѣ были собраны тогда въ Кіевѣ. Между тѣмъ изъ многихъ русскихъ списковъ одинъ только списокъ русскаго блока (списокъ Шульгина), опредѣленно выступившаго на выборахъ съ лозунгомъ единой, недѣлимой Россіи, собралъ 29½% голосовъ (а если считать только гражданскіе избирательные участки, то 33%), причемъ членомъ Украинскаго Учредительнаго Собранія отъ столицы всей Малой Руси былъ избранъ вождь той партіи коренныхъ мѣстныхъ людей, которая ярко самоопредѣляетъ себя русской,—В.В.Шульгинъ. Еще болѣе ярки и показательны данныя о распространеніи въ Малороссіи русскихъ и украинскихъ газетъ. До занятія Кіева Петлюрой и Винниченкомъ въ Кіевѣ издавалось 6 украинскихъ газетъ. Всѣ онѣ безъ исключенія существовали на казенный счетъ (правительство „гетмана“ Скоропадскаго очень ухаживало за украинцами и усердно прокламировало свою „самостійность“, какъ того требовали нѣмцы). Единственная изъ украинскихъ газетъ, имѣвшая право претендовать на роль общественно-

политическаго органа — „Нова Рада“, незадолго до возстанія Петлюры публично заявила, что вслѣдствіе истощенія средствъ она принуждена прекратить свое существованіе. Но гетманское правительство дало ей субсидію, и газета продолжала издаваться. Всѣ шесть украинскихъ изданій, выходившихъ въ Кіевѣ, по даннымъ Кіевского комитета по дѣламъ печати, печатались въ общей сложности въ количествѣ 45.000 экземпляровъ. При этомъ надо имѣть въ виду, что нѣкоторыя изъ украинскихъ газетъ въ большемъ числѣ разсылались базплатно. Такъ, напримѣръ, газета „Видроження“, органъ военнаго министерства, печатавшійся въ количествѣ 15.000 экземпляровъ, разсылался во всѣ войсковыя части и учрежденія, газета „Селянське Слово“ (9.000 экземпляровъ) разсылалась по селамъ и т. д. Въ то-же самое время газетъ, печатавшихся на русскомъ языкѣ, въ Кіевѣ издавалось 14, и общій тиражъ ихъ, по даннымъ Кіевского комитета по дѣламъ печати, составлялъ 287.400 экземпляровъ. При этомъ надо замѣтить, что въ то время, какъ украинскія газеты, издававшіяся въ Кіевѣ, обслуживали губерніи всей Южной Россіи, русскія газеты г. Кіева обслуживали лишь районъ, тяготящій къ Кіеву (районы, тяготящіе къ Одессѣ, Харькову и другимъ центрамъ, имѣли свою хорошо развитую русскую печать).

Всѣ приведенныя данныя и соображенія позволяютъ утверждать, что населеніе Малороссіи всегда самоопредѣляло и самоопредѣляетъ себя русскимъ, и къ украинству, которое является не націей, а политической партіей, возвращенной въ Австріи и служащей видамъ австро-германской политики, относится явно отрицательно.

А. И. Савенко.

Проф. П. М. Богаевскій.

Присоединеніе Малороссіи къ Московскому царству.

Нашествіе татаръ и связанное съ нимъ опустошеніе Кіевской земли завершили знаменательную эпоху русской исторіи, когда, несмотря на многообразныя противорѣчія въ развитіи общественныхъ силъ того времени, вопреки внѣшнему раздробленію страны на много областей, сложилась идея общаго отечества. Всѣ послѣдующія поколѣнія вспоминали, говоря словами Ключевскаго, Кіевскую Русь, какъ колыбель русской народности, и, сохранивъ въ памяти народной Кіевъ съ его князьями и богатырями, съ его храмами и святынями, любили и чтили его болѣе, чѣмъ всѣ остальные смѣнившія его столицы. Русскій народъ, остановивъ нашествіе на Европу дикихъ татарскихъ полчищъ, былъ вынужденъ сосредоточить свою политическую жизнь въ двухъ центрахъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другого опустѣвшею и утратившею свою государственность Кіевщиною съ тянувшими къ ней на лѣвомъ берегу Днѣпра землями*), а также раздробленною на мелкія княжества Черниговщиною. Одинъ изъ этихъ центровъ сосредоточился на сѣверо-востокѣ въ Суздальско-Московской области, другой—на юго-западѣ въ Галицко-Волынскомъ княжествѣ, ставшемъ въ 1253 г. королевствомъ. И здѣсь, и тамъ сложились русскія государства, управляемые потомками кіевскихъ князей, при чемъ въ документахъ XIV вѣка монархи юго-западной Руси именуютъ себя государями „всей Мапой Руси“. Но, въ то время какъ государство на сѣверо-востокѣ, создавъ Великую Россію, вѣками планомерно осуществляло задачу восстановленія политическаго и національнаго единства всей русской земли, Галицко-Волынское королевство теряетъ политическую самостоятельность уже въ XIV вѣкѣ. Галиція отходитъ подъ власть Польши, а Во-

*) Если нѣкоторые историки и пытаются, въ сущности, безъ основаній умалить степень обезлюденія Поднѣпровья послѣ татарскаго погрома, то никакъ уже нельзя возражать противъ факта выселенія оттуда тѣхъ именно слоевъ населенія, которые являются болѣе активными носителями культуры.

лынъ съ Подолією подъ власть Литвы. Эта послѣдняя, подчинивъ своему господству также и Кіевщину и Черниговщину съ землями въ Сѣверской и Смоленской областяхъ, образуетъ Литовско-Русское государство.

Самое названіе этого государства свидѣтельствуетъ о значительномъ вліяніи на его развитіе присоединенныхъ русскихъ областей, населеніе которыхъ превосходило литовское въ культурномъ отношеніи *). И дѣйствительно, русскіе языкъ, право, нравы вмѣстѣ съ православіемъ такъ глубоко проникли въ его жизнь XIV вѣка, что полное обрусѣніе являлось вопросомъ сравнительно близкаго времени. Къ несчастію два крупныхъ событія роковымъ образомъ отразились на дальнѣйшей судьбѣ русскаго народа на юго-западѣ. Соединеніе Литвы и Польши въ 1386 г. и Люблинская унія 1569 г. утвердили польское вліяніе и связанную съ нимъ католическую пропаганду. Къ тому же польское вліяніе было послѣ 1569 г. тѣмъ шире, что на основаніи Люблинской Уніи къ „Коронѣ польской“ отходили прежнія литовскія владѣнія,—Волинь, Подляхія и Украина (земли Поднѣпровья, образовавшія окраину государства). На окраинной территоріи Польши, особенно, послѣ того какъ король получилъ право (1590 г.**) раздавать тамъ „въ вѣчность“ пустыя земли „людямъ стана шляхетскаго“, пышнымъ цвѣтомъ проявились господство шляхты, пожизненные и наслѣдственные уряды, магдебургское право въ городахъ, крѣпостное вѣи ихъ. Этотъ порядокъ тяжелымъ бременемъ ложился на многочисленныхъ пришельцевъ въ Приднѣпровье, которые непрерывною массою двигались туда изъ центральныхъ областей, принадлежала, по преимуществу, къ русской національности. Религіозный гнетъ въ годы, когда православіе послѣ якобы принятія церковной уніи (1596 г.) стало въ глазахъ польской власти „презрѣнною хлопскою схизмою“, лишь усиливало неприглядное экономическое положеніе зависимыхъ отъ польскихъ знати и шляхты слоевъ русскаго населенія Польши. Понятно, что ихъ влекла надежда найти болѣе благопріятныя условія жизни на огромныхъ пространствахъ окраины государства, надежда, разбиравшаяся при наличности порядка, который, закрѣпляя экономическую зависимость бѣдныхъ отъ богатыхъ и знатныхъ, сохраняя

*) Русское населеніе преобладало надъ литовскимъ и въ численномъ отношеніи.

**) Сеймовая конституція „о раздачѣ пустынь за Бѣлою Церковью“.

гнетъ и преслѣдованія православныхъ, утвердился въ украинныхъ земляхъ, въ Кіевскомъ воеводствѣ, также и въ областяхъ на лѣвомъ берегу Днѣпра.

Но жизненность русской народности была слишкомъ велика. И вотъ, въ теченіи XVII столѣтія складываются силы, обезпечившія ея сохраненіе. Сознывая, что національность живетъ нравственными идеалами, проникающими народное сознаніе, православные русскіе, гонимые поляками за свою вѣру, отождествляли эту вѣру съ русской національностью. Въ 1623 г. православная шляхта обращается къ сенату со словами, что стремиться перемѣнить вѣру русскаго значитъ стремиться къ тому, чтобы на „Руси не было Руси“, что „восточная вѣра не можетъ быть уничтожена иначе, какъ съ уничтоженіемъ народа русскаго“. Защиту православія берутъ на себя не только духовенство, не только наиболѣе образованные представители русскаго населенія Польши и Литвы, религиозно-просвѣтительныя братства, а также и козачество, ряды котораго пополняются широкою волною обиженныхъ и недовольныхъ, преимущественно изъ состава обездоленного русскаго населенія. Знаменательны въ этомъ отношеніи факты записи въ Кіево-Богоявленское братство гетмана запорожскаго Сагайдачнаго „со всѣмъ своимъ войскомъ“, и козацкая клятва на радѣ 1621 г. защищать старую вѣру „ажъ до горла“. Естественнымъ послѣдствіемъ такого положенія явилось возникновеніе еще въ первой четверти XVII столѣтія въ кругахъ интеллигентныхъ защитниковъ православія мысли о „соединеніи Руси съ Русью“^{*)}, т. е., о переходѣ въ подданство московскаго государства^{**)}. Въ то же время невыносимо тяжелыя условія, въ которыхъ находилось православное русское населеніе Польши, заставили козачество добиваться защиты своего правового положенія и бороться съ панами, слѣдствіемъ чего должно было явиться улучшеніе экономическихъ условій жизни угнетенной народной массы. Эта послѣдняя подъ вліяніемъ отмѣченныхъ условій въ первой половинѣ XVII столѣтія, подобно своимъ передовымъ представителямъ, обращаетъ взоры на востокъ, куда въ сторону мос-

*) Слова Андрея Борецкаго, брата митрополита Іова, умершаго въ 1631

**) Сознаніе родственной близости съ Москвою было распространено въ широкихъ кругахъ козачества. Богданъ Хмѣльницкій рассказывалъ Бутурлину слѣдующее: „какъ де онъ еще былъ малъ, и отецъ де его гетмановъ приказывалъ ему: какъ де ты учнешь служить, не моги де себѣ того учинить, что де тебѣ ходить войною на московское государство“.

ковского государства направлялась колонизация, фактически стиравшая уже ранее 1654 г., по словам проф. Василенки, политическую границу между Лѣвобережной Украиной и московским государствомъ.

Во главѣ событий, обеспечивающихъ юридически объединеніе означенной границы, является собранная 8 января 1654 года Переяславская рада, которая провозгласила переходъ населенія польской Украины въ подданство Московскаго царя, иначе, присоединеніе къ Московскому царству территоріи польской Украины. Въ документахъ той эпохи, въ рѣчахъ и въ заявленіяхъ современныхъ ей московскихъ и козацкихъ представителей территорія эта называлась Малою Россією, слова, которыя съ тѣхъ поръ вносятся въ титулъ московскаго царя. Переяславская рада завершила пятилѣтнюю борьбу гетмана Богдана Хмѣльницкаго и возставшаго русскаго населенія польской Украины съ польскимъ правительствомъ. Въ зависимости отъ большихъ или меньшихъ успѣховъ во время борьбы Богданъ Хмѣльницкій получалъ, согласно заключавшимся имъ съ королемъ соглашеніямъ права и привилегіи для козацкаго войска, а также добился нѣкотораго признанія правъ православной церкви. Но проведеніе въ жизнь упомянутыхъ соглашеній было крайне необезпечено и, кромѣ того, въ нихъ не нашли себѣ удовлетворенія надежды на улучшеніе положенія народнои массы, которая не входила въ составъ постоянного козацкаго войска.

Единственнымъ выходомъ изъ создававшагося положенія являлась защита со стороны единовѣрной и единоплеменной Москвы, вѣками помнившей о насущной задачѣ возстановленія политическаго и національнаго единства всей русской земли. Сознавая это, Богданъ Хмѣльницкій настойчиво просилъ царя, чтобы онъ „велѣлъ гетмана и все войско запорожское приняти подъ свою царскую величества высокую руку съ городами и землями“. Послѣ колебаній, обусловленныхъ сознаніемъ, что изъ-за Малороссіи придется воевать съ Польшею, царь Алексѣй Михайловичъ обратился по поводу просьбы Хмѣльницкаго въ октябрѣ 1653 г. къ земскому собору, желая, конечно, заручиться на случай войны поддержкою всей страны. Опираясь на его положительный отвѣтъ, царь согласился присоединить къ Великой Малую Русь и послалъ боярина Бутурлина привести ея жителей къ присягѣ. Московскій бояринъ „со товарищи“, убѣдившись уже во время своего пути по Малой Россіи въ народномъ сочувствіи

предположенному дѣлу, исполнили возложенное на нихъ порученіе, послѣ того какъ 8 января 1654 г. въ Переяславлѣ козацкая рада и мѣщане единодушно высказали желаніе быть подъ „царемъ восточнымъ православнымъ“, „чтобы во вѣки вси едино были“. Къ присягѣ было приведено все населеніе присоединяемой территоріи, а не только представители козацкой власти. Московское правительство придавало этому обстоятельству большое значеніе и согласилось на присоединеніе Малой Россіи, лишь выяснивъ что, въ виду нарушенія польскимъ королемъ его присяги, его подданные стали „вольные люди“ и, въ качествѣ таковыхъ, могли каждый свободно присягать на новое подданство Москвѣ. Такимъ образомъ московское государство, не признавая державности за возставшею частью Польши и рассматривая борьбу козаковъ, какъ „междоусобіе“, принимало новую территорію съ ея населеніемъ въ свой составъ, какъ часть своего государства, распространяя на нее свою московскую государственную власть. Это сознавалъ и Хмѣльницкій, когда говорилъ стольнику Стрешневу: «дай, Господи, здоровъ былъ великій государь нашъ... на своихъ, великихъ преславныхъ государствахъ Россійскаго царствія, и которое ему, великому государю, его царскому величеству, нынѣ Богъ предаетъ!» При такихъ условіяхъ понятно, что Бутурлинъ, — а его гетманъ, повидимому, желалъ захватить въ церкви врасплохъ своимъ неожиданнымъ требованіемъ, присягнуть за царя, — самымъ рѣшительнымъ образомъ отказался это исполнить.

Въ Москвѣ было обращено вниманіе на отношеніе Бутурлина къ вопросу о присягѣ царя. Въ рѣчи, которую боярину Бутурлину долженъ былъ сказать думный дьякъ при объявленіи награды за запорожскую службу, мы читаемъ: „Да гетманъ же говорилъ вамъ и полковниковъ присылалъ, чтобъ за насъ великаго государя и вамъ боярину нашему Василью Васильевичу съ товарищи учинить вѣра на томъ, что ихъ гетмана и войско запорожское полскому королю не выдавать и за нихъ стоять и волностей ихъ не нарушать; да и полскіе де короли подданнымъ своимъ всегда присягаютъ же. И вы бояринъ нашъ Василей Васильевичъ съ товарищи, служа намъ великому государю, гетману говорили и съ полковники приказывали, что въ Московскомъ государствѣ прежнимъ великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ россійскимъ, предкомъ нашимъ, вѣру чинили, также и намъ великому государю всѣмъ государствомъ вѣру чинять наши

государскіе подданные на томъ, что имъ служить и радѣть и и прямить и всякого добра хотѣть; а того, чтобъ за насъ великаго государя кому вѣра чинить, николи не бывало и впередъ не будетъ, потому что повиненъ вѣру давати всякой подданной государю своему; а у предковъ нашихъ, у благочестивыхъ государей царей и великихъ князей, всеа Русіи самодержцовъ, также и у насъ великаго государя того николи не бывало, что за насъ великихъ государей давати вѣра подданнымъ; и они бѣ непристойное дѣло отставили. И у гетмана и у полковниковъ то •отговорили“.

Несомнѣнно что какъ административный порядокъ, такъ и права и привилегіи, предоставленныя малороссійскимъ сословіямъ и городамъ, исходили отъ московской государственной власти. Они къ тому же мало отличались по существу и содержанию отъ таковыхъ же правъ, дарованныхъ въ былое время польскимъ государствомъ, въ составѣ котораго его окраинныя области не пользовались никакою державностью. Совершенно ошибается проф. Грушевскій, утверждая, что предоставленное гетману право международныхъ сношеній является якобы доказательствомъ признанія за нимъ суверенной власти. До нашихъ дней высшіе органы окраинной администраціи пользуются иногда аналогичнымъ правомъ, нисколько не претендуя на „суверенность“. Къ тому же, какъ видно изъ текста статей, принадлежавшихъ посланцамъ Хмѣльницкаго въ Москву, практика дипломатическихъ сношеній съ гетманомъ дѣйствовала и при польской власти, когда область Украина отнюдь не претендовала на какую бы то ни было державность.

Заключая вопросъ о Переяславской радѣ, необходимо самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовать, противъ попытокъ распространенія легенды о договорномъ характерѣ установленнаго въ 1654 г. порядка. Многочисленные документы, отпечатанные въ X томѣ „Актвъ, относящихся къ исторіи Южной и Западной Россіи“, не оставляютъ въ томъ сомнѣнія, что, говоря словами „украинца“ Грушевскаго, „Москва представляла себѣ союзъ не иначе, какъ въ формѣ присоединенія Украины къ московскому государству“, а всѣ условія Москвы были приняты присягнувшими козаками. Въ сравнительно непродолжительный періодъ наибольшаго успѣха возстанія, въ 1649 г., мысли опьяненнаго первоначальной удачею гетмана, „выходили за горизонтъ чисто-козацкихъ интересовъ“ только въ мечтахъ;

Но уже скоро послѣ горделивыхъ заявленій Хмѣльницкаго, которыя, по признанію историковъ, онъ дѣлалъ лишь въ минуты нервнаго подъема, событія приводятъ къ заключенію, сначала Зборовскаго, а затѣмъ Бѣлоцерковскаго соглашеній, при на-личности которыхъ едва ли кто нибудь рѣшится говорить о державности повстанцевъ, принявшихъ условія этихъ соглашеній. Вотъ почему даже самъ Грушевскій вынужденъ признать, что у „самого украинскаго общества мысли о послѣдовательномъ проведеніи принципа автономіи только лишь нарастали и опредѣлялись, а рѣзко ставить ихъ оно не рѣшалось, чтобы не оттолкнуть отъ себя Москву“. Въ послѣднее время (1915 г.) г. Розенфельдъ въ его напечатанной студенческой работѣ высказывается за государственный характеръ Малороссіи въ періодъ времени отъ 1648 и до 1654 годовъ, подводя отдѣльные факты эпохи возстанія подъ недостаточно имъ продуманную формулу Еллинека о возникновеніи государства. Но г. Розенфельдъ упустилъ изъ виду, что онъ прежде всего долженъ бы доказать, что на очерченной имъ территоріи болѣе не признавались державныя права Польши, что населеніе этой территоріи не рассматривалось болѣе, какъ состоящее въ польскомъ подданствѣ, а власть гетмана осуществлялась, какъ первоначальная, а не делегированная. Безспорные факты и документы той эпохи не дали бы возможности доказать все это и, напротивъ, должны бы побудить указаннаго автора вспомнить слова Богдана Хмѣльницкаго, обращенныя имъ, несмотря на недавнія мечтанія, къ польскому королю послѣ заключенія Зборовскаго соглашенія: „У меня въ мысли никогда не было поднимать оружіе противъ вашего величества, государя нашего милостиваго и неповиннаго въ страданіяхъ нашихъ. Мы возстали противъ тѣхъ только, кто презиралъ козаковъ“!..

Порядокъ, установленный въ 1654 г., явился, однако, лишь однимъ изъ моментовъ, опредѣлившихъ юридическое положеніе Малороссіи въ составѣ Россійскаго государства. Вслѣдъ за присягою на подданство въ Переяславлѣ и въ остальныхъ городахъ вновь присоединенной къ Москвѣ территоріи московскому царю пришлось вступить въ войну съ Польшею, которая не считала польскія окраинныя области государствомъ, самостоятельно рѣшающимъ свою судьбу и, начала за нихъ борьбу съ Москвою. И вотъ, въ теченіи ближайшихъ тринадцати лѣтъ въ первоначальныя предположенія вносятся существеннѣйшія

измѣненія. Постоянные раздоры войсковой старшины и широкой народной массы, споры между различными претендентами на гетманство, польскія домогательства и интриги, вмѣшательство шведовъ и турокъ, ошибки московскихъ дипломатовъ и воеводъ, но, несмотря на нихъ, симпатіи простого народа къ Москвѣ и его антипатіи къ Польшѣ—опредѣлили собою исходъ длительной войны. По Андрусовскому перемирію, которому суждено было стать какъ бы миромъ, Польша признала за Москвой право на лѣвобережную Малороссію. Кромѣ того, городъ Кіевъ, предоставленный сначала Москвѣ на два года, остался за нею навсегда, согласно позднѣйшимъ соглашениямъ 1680 и 1686 г.г. Правобережная часть польской Украины, переживъ въ теченіе послѣдующихъ десятилѣтій тяжелую эпоху турецкаго гнета и продолжительныхъ войнъ, нѣкоторое время упорно борясь противъ признанія надъ собою, несмотря даже на заманчивыя обѣщанія державности, польской власти, присоединяется къ Россіи вмѣстѣ съ Волынію и Подоліей уже при Екатеринѣ Великой въ 1793 г.*).

Императрица, гордилась тѣмъ, что она возвратила Россіи ея исконныя владѣнія.

Въ заключеніе должно отмѣтить, что малороссы, благодаря постоянной колонизаціонной волнѣ, двигавшейся еще въ первой половинѣ 17-го столѣтія изъ бывшихъ окраинныхъ областей Польши на востокъ, благодаря массовому уходу отсюда же въ періодъ непрерывныхъ войнъ второй половины 17-го столѣтія, заселили принадлежавшую московскому государству окраинную территорію, которая нынѣ входитъ въ составъ Курской, Воронежской и Харьковской губерній. Эта область получила названіе Слободской Украины, т. е., окраинной московской территоріи, гдѣ поселенцы пользовались нѣкоторыми льготами. Позднѣе уже въ 18 и 19 столѣтіяхъ, когда Россія напряженіемъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ всего русскаго народа завершаетъ свою національно-историческую задачу утвержденія на берегахъ Чернаго моря, естественно заселеніе Новороссійскаго края наиболѣе близко къ нему живущими малороссами, хотя туда же направляется колонизація и изъ другихъ частей государства.

*) Здѣсь имѣются въ виду территоріи Московскаго Царства и Россійской Имперіи, заселенныя путемъ колонизаціи, а также территоріи, присоединенныя при Екатеринѣ Великой и позднѣе въ 1815 г. (Волынь, Подолія, Побужье, Хелмска земля).

Въ административномъ отношеніи Слободская Украина всегда находилась въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ лѣвобережная Малороссія, сосѣдняя съ ней, гдѣ московское правительство и послѣ заключеннаго съ Польшей Андрусовскаго мира сохранило права и привилегіи, дарованныя еще при Богданѣ Хмѣльницкомъ. Правда, гетманъ Самойловичъ пытался добиться распространенія этихъ правъ на Слободскую Украину, но онъ встрѣтилъ отказъ. Москвѣ рано пришлось задуматься надъ значеніемъ установленнаго ею въ Малороссіи административнаго порядка. „Черкашенинъ“, говоритъ Соловьевъ, сталъ въ Москвѣ синонимомъ измѣнника. Къ тому же—при рѣзкомъ антагонизмѣ въ Малороссіи между старшиною и демократическимъ козачествомъ, при постоянномъ стремленіи городовъ, духовенства, шляхты получить обезпеченіе и расширеніе своихъ привилегій—въ присоединенныхъ къ Москвѣ областяхъ какъ бы утверждается „война всѣхъ противъ всѣхъ“. Русская государственная власть, особенно въ эпоху, когда при Петрѣ Великомъ, и послѣ него, выдвигаются общегосударственныя задачи, требующія объединенія всѣхъ народныхъ силъ, оказывается вынужденной, считаясь съ общегосударственнымъ интересомъ, отмѣнить порядокъ, установленный при иныхъ условіяхъ и, конечно, не вѣчный. Такимъ образомъ, послѣ цѣлаго ряда реформъ лѣвобережная часть Малороссіи превращается въ 1802 году актомъ той же русской государственной власти, которая опредѣляла ея юридическое положеніе въ 17-омъ и 18-омъ столѣтіяхъ, въ губерніи Черниговскую и Полтавскую. Большая часть остающейся затѣмъ территоріи, заселенной въ настоящее время малороссами, въ развитіи своего правового положенія не была связана съ распространеніемъ на нее правъ и привилегій, дарованныхъ въ 1654 году присоединенной тогда къ Московскому царству Малой Россіи.

Проф. П. Богаевскій.

С. Г. Грушевскій.

Краткій очеркъ политической исторіи украинскаго движенія.

Несмотря на весьма частыя завѣренія украинскихъ общественныхъ круговъ объ аполитичности украинскаго движенія и объ стремленіи украинцевъ исключительно къ культурнымъ цѣлямъ, чисто политическая физіономія украинскаго движенія стала вырисовываться уже довольно давно.

Даже уже такія давнія общества, какъ, на примѣръ, Кирилло-Мееодіевское братство, въ которомъ видную роль играли Шевченко и Костомаровъ имѣли уже опредѣленные политическіе идеалы. Чѣмъ ближе къ нашему времени,—тѣмъ яснѣе становится политическая программа украинства. Федеративное переустройство Россіи, національно-территориальная автономія Малороссіи становятся боевыми лозунгами украинцевъ и часто за этими лозунгами, все еще пока не отрывающимися отъ единства Россіи, начинаетъ проглядывать новая сторона украинскаго движенія, съ такой полнотой выявившаяся уже только въ наши дни. Эта новая сторона, по весьма понятнымъ соображеніямъ тщательно маскировалась, и вообще слѣдуетъ отмѣтить, что украинская дѣятельность всегда велась какъ-бы въ двухъ этажахъ. Въ верхнемъ шла научная и литературная работа, въ нижнемъ—подпольная: политическая и сепаратистическая. Верхній этажъ, официально представляющій собой украинство, обыкновенно отрекался отъ всякой связи съ нижнимъ и отъ ответственности за него, въ особенности, если до общества доходили какія-нибудь случайныя свѣдѣнія объ интенсивной подпольной политической работѣ нижняго этажа, компрометирующія официальное украинство. Такимъ образомъ создалась особая „украинская“ система общественной дѣятельности; съ одной стороны торжественныя официальныя заявленія о самомъ невинномъ характерѣ украинскаго движенія, и съ другой—тайная работа,

направленная, въ единеніи съ нѣмцами, къ уничтоженію государственной мощи Россіи и къ ея раздѣленію.

Къ первой русской революціи и въ послѣдующее время эта скрытая сторона украинскаго движенія начинаетъ обнаруживаться для вдумчиваго наблюдателя все съ большей полнотой. Уже даже со стороны представителей русскаго либерализма, склоннаго вообще разсматривать украинство только какъ культурное явленіе, начинаютъ раздаваться предостерегающіе голоса. Въ русскихъ повременныхъ изданіяхъ появились статьи П. Б. Струве, проф. А. Л. Погодина и нѣкоторыхъ другихъ дѣятелей либеральнаго лагеря, указывающія на политическіе элементы въ украинскомъ движеніи, развитіе которыхъ угрожаетъ единству и мощи Россійской Имперіи. Еще больше разоблачала украинцевъ русская національная печать, уже давно призывавшая русское общество къ активной борьбѣ съ украинскимъ сепаратизмомъ. Больше другихъ въ этомъ отношеніи сдѣлали газеты Юго-Западнаго края, въ особенности «Кіевлянинъ», лучше и ближе знакомыя съ національнымъ вопросомъ въ Малороссіи и потому уже давно предупреждавшія о грядущей украинской опасности. Неудача революціи 1905 г. заставила выявившіяся украинскія политическія партіи уйти въ подполье и на поверхности общественной жизни остались только культурно-просвѣтительныя организаціи, которыя должны были демонстрировать лояльность украинскаго движенія. Политическая сторона украинскаго движенія въ этомъ періодѣ выразилась въ организаціи въ 1-ой и 2-ой Государственныхъ Думахъ украинскихъ громадъ, опредѣленно выставившихъ требованіе нац.-территоріальной автономіи Малороссіи и въ болѣе или менѣе открытомъ выявленіи нѣсколькихъ украинскихъ политическихъ группъ и партій.

Такъ обнаружилось существованіе „Революційної Української Партіи“ (т. наз. Эруписты), распавшейся потомъ на Укр. Соц.-Дем. Раб. Партію и партію укр. соц.-революціонеровъ и еще нѣсколькихъ провинціальныхъ, главнымъ образомъ, группъ украинскихъ радикаловъ-демократовъ, автономистовъ-федералистовъ и т. п. Все это были небольшіе политическіе кружки, совершенно не имѣвшіе связей съ широкими народными слоями и сильныя только своимъ фанатизмомъ и таинственными, основательно законспирированными, связями съ нѣмцами, уже подготавливавшими въ то время грандіозный, европейскій

взрывъ 1914 г., въ которомъ берлинскими и вѣнскими режиссерами была отведена украинцамъ весьма видная роль. Но объ этомъ скажемъ въ другомъ мѣстѣ.

Въ непосредственно до военный періодъ украинскія социалистическія партіи окончательно ушли въ подполье, и политическое украинское движеніе было представлено почти исключительно „Товариствомъ украинскихъ поступовців“ сокращенно называвшемся „Туп“. „Туп“ группировалъ вокругъ себя круги украинскихъ литераторовъ и ученыхъ, а также нѣкоторыхъ чиновниковъ, преимущественно петроградскихъ, московскихъ и кievскихъ, хранившихъ подъ маской чиновничьей лояльности украинскія сепаратистическія тенденціи.

„Туп“омъ были инсценированы по соглашенію съ к-дой и трудовой фракціями выступленія по украинскому вопросу въ Государственной Думѣ, онъ же, принимая черезъ своихъ членовъ дѣятельное участіе въ русскихъ политическихъ организаціяхъ и въ прессѣ, много содѣйствовалъ сентиментально-благожелательному и несерьезному отношенію русскихъ прогрессивныхъ круговъ къ украинскому движенію. Война застала украинцевъ достаточно подготовленными.

Съ одной стороны продолжались официальные завѣренія въ вѣрности Россіи и общимъ цѣлямъ союзниковъ (см. напр. ст. въ одномъ изъ послѣднихъ передъ закрытіемъ номеровъ „Рады“, ст. С. П. Шелухина въ 7—8 Укр. Жизни за 1916 г. стр. 60 и мн. др.), но съ другой—велась иная болѣе реальная работа.

Позволимъ себѣ на ней нѣсколько остановиться, т. к. именно въ ней обнаружались уже ясно интересующія насъ стороны украинскаго движенія. Еще до войны всеукраинскій студенческій съѣздъ, собравшійся въ Галиціи, принялъ резолюцію объ отдѣленіи Малороссіи отъ Россіи и присоединеніи ея къ Австріи. Еще въ 1913 г. уличныя манифестаціи въ Кіевѣ въ Шевченковскую годовщину носили опредѣленный антирусскій и антигосударственный характеръ. Война все это выявила ярче. Въ Галиціи украинскими партіями, дѣйствовавшими всегда въ контактѣ съ русскими украинцами, были образованы украинскія добровольческія дружины „сѣчевыхъ стрѣльцевъ“ (играющихъ такую видную роль въ настоящихъ событіяхъ), которые подъ желто-голубымъ знаменемъ сражались въ первыхъ рядахъ противъ русскихъ войскъ. Въ Германіи прочно обосновался пресловутый „Союзъ освобожденія

Украины (см. о немъ: Современный Миръ, ст. Алексинскаго, К. Мысль № 203, 1918 г., Кіевлянинъ № 151, 1917 г., Народная Воля № 59, 1917 г. и др.) созданный эмигрантами изъ Россіи и галичанами (Скоропись — Іолтуховскій, Меленевскій, Жукъ, Вл. Дорошенко, Н. Залѣзнякъ, Дм. Донцовъ) и располагавшій громадными средствами, щедро предоставленными нѣмцами. Дѣятельность союза главнымъ образомъ состояла въ распространѣніи обширной агитаціонной литературы, въ которой проводилась мысль о созданіи съ помощью нѣмцевъ самостійной Украйны и въ пропагандѣ среди военно-плѣнныхъ малорусскаго происхожденія, выдѣленныхъ въ особые концентраціонные лагеря и поставленныхъ въ гораздо лучшія условія, чѣмъ остальные плѣнные.

Изъ нихъ потомъ формировались полки т. наз. „синежупанниковъ“, которые должны были выступить съ оружіемъ въ рукахъ противъ Россіи и не выступили только потому, что у насъ вспыхнула революція. Эти полки появились въ Малороссіи, только въ началѣ 1918 года виѣстѣ съ нѣмцами по приглашенію Центр. Рады и вскорѣ самими же нѣмцами были разоружены передъ самымъ гетманскимъ переворотомъ. Украинцы въ Россіи не отставали отъ дѣйствовавшихъ за границей. Велась разлагающая пропаганда въ гвардейскихъ полкахъ (см. напр. „иллюстрирована історія України“ М. С. Грушевскаго, послѣднее изданіе) наводнялись земскіе и городскіе комитеты (въ особенности Ю. З. фронта) украинскими дѣятелями, которые, укрываясь тамъ отъ воинской повинности, использовали ихъ также для своей агитаціи и достигли въ этомъ отношеніи во время войны, опредѣленнаго успѣха.

Тѣмъ временемъ назрѣвала революція. Старый режимъ упалъ почти безъ всякихъ усилій со стороны революціонеровъ. Имъ только пришлось воспользоваться удачнымъ стеченіемъ обстоятельствъ. Въ особенности повезло украинцамъ, для которыхъ, при безтолковомъ попустительствѣ русскихъ партій, открылись широкіе горизонты. И украинцы широко воспользовались представившимися возможностями. Чѣмъ слабѣе становилась Россія, тѣмъ смѣлѣе становились украинцы, въ своихъ измѣническихъ сепаратистическихъ устремленіяхъ. И когда Россія, захваченная агентами Германіи - большевиками, агонизировала, украинцы совершали надъ умирающей родиной ликующій каннибальскій танецъ, съ лютой ненавистью обнаглѣвшаго трусливаго хама.

Начинался новый кровавый періодъ Малороссіи, періодъ пресловутой Ц. Рады, провозгласившей самостійную Украину и заключившей Брестскій миръ.

Въ основу организаціи Ц. Рады была заложена одна изъ самыхъ грандіознѣйшихъ мистификацій общественнаго мнѣнія, т. е. украинцы имѣли дерзость выдавать Ц. Р. за свободно и непри-
нужденно избранный органъ политической воли малороссійскаго народа.

На самомъ дѣлѣ начало Ц. Р. въ мартѣ 1917 г. было положено лазаретной комиссіей при украинскомъ клубѣ „Родина“ (La Famille) и членами кіевской организаціи Т. У. П. (см. Н. Рада, № 43, 1918 г.). Въ этомъ составѣ Ц. Р. просуществовала до Украинскаго Нац. Конгресса 6—8 апр. 1918 г., на который съѣхались никѣмъ не выбранные украинскіе дѣятели изъ Кіева, главнымъ образомъ, и отчасти изъ провинціи. Дальше составъ Рады былъ еще пополненъ Всеукраинскими Радами (совѣтами) солдатскихъ, крестьянскихъ и рабочихъ депутатовъ. Затѣмъ туда вошли представители т. н. „меньшинствъ“ представленныхъ исключительно социалистами. Такимъ образомъ въ образованіи Ц. Рады было весьма мало чего нибудь напоминающаго собою свободное волеизъявленіе населенія Малороссіи. Это былъ органъ созданный краевыми политиками и въ конечномъ итогѣ могущій представлять только ихъ.

Дѣятельность Ц. Р. хорошо извѣстна. Она оказалась совершенно безсильной организовать порядокъ въ странѣ и создать боеспособную армію. Небольшія большевистскія банды овладѣли Малороссіей съ изумительной легкостью и тогда на сцену выступилъ настоящій режиссеръ всего этого траги-фарса—Германія. Большевики были изгнаны приглашенными украинцами нѣмецкими войсками и Ц. Р. была снова утверждена въ Кіевѣ. Но нѣмцы очень скоро присмотрѣлись къ Центральной Радѣ и, убѣдившись, что она представляетъ изъ себя только кучку авантюристовъ, безцеремонно разогнали ее, совершивъ т. наз. гетманскій переворотъ въ апрѣлѣ 1918 г. при помощи нѣкоторыхъ землевладельческихъ и промышленныхъ круговъ.

Гетманщина — это была просто перемѣна декораций. Сущность была та же—германская оккупация. Въ предателѣ и измѣнникѣ Скоропадскомъ, жалкомъ подобіи своего излюбленнаго героя, Мазепы, нѣмцы нашли не менѣе вѣрнаго слугу, чѣмъ въ Ковалевскомъ, Винниченкѣ, Голубовичѣ и т. п. Бездарное и рабо-

лѣпствующее передъ нѣмцами, гетманское правительство оказалось также неспособно къ управленію, какъ и правительства Ц. Р.:—Генеральный Секретаріатъ и Рада народныхъ министровъ. Посылкой карательныхъ отрядовъ, составляемыхъ главнымъ образомъ изъ нѣмцевъ, и безтолковой соціальной политикой, оно озлобило крестьянство и еще усилило не выболѣвшій въ Малороссіи большевизмъ. Разгромъ Германіи и революція въ ней рязвали руки украинскимъ соціалистическимъ партіямъ, образовавшимъ еще при гетманщинѣ Украинскій Національный Союзъ — та же въ сущности Ц. Р., только безъ проф. М. С. Грушевскаго и безъ національныхъ меньшинствъ. Во главѣ союза стоялъ Винниченко.

Лишь только союзъ увидѣлъ что гетманъ со своимъ правительствомъ пытаются найти пути сближенія съ союзниками и отходятъ отъ общей программы онъ рѣшилъ воспользоваться недовольствомъ, накопившимся въ народѣ противъ гетманскаго правительства и нѣмцевъ и организовалъ при поддержкѣ полка сѣчевыхъ стрѣльцовъ, стоявшихъ въ Бѣлой Церкви, возстаніе въ ноябрѣ 1918 г. Возстаніе было удачнымъ, т. к. на призывъ охотно откликнулись большевистскія народныя массы, а гетманское правительство осталось изолированнымъ, т. к. русскіе патріотическіе элементы не хотѣли поддерживать его, памятуя о его нѣмецкой оріентаціи и объ измѣнѣ Россіи. 14 дек. 1918 г. войска повстанцевъ, руководимыя Петлюрой, взяли Кіевъ и вскорѣ туда пріѣхала и Директорія, выбранная еще въ началѣ возстанія Нац. Союзомъ изъ дѣятелей бывшей Ц. Рады. Однако Директорія, подобно средне-вѣковому волшебнику, вызвала къ жизни силы, съ которыми справиться не смогла. Народныя массы, примкнувшія къ ней, шли за ея аграрной демагогіей, а отнюдь не за ея національной программой, которой была одушевлена только небольшая кучка сѣчевыхъ стрѣльцовъ.

И это обнаружилось съ удивительной ясностью, когда на сцену выступили *tertius gaudens*—большевики. Договоръ, заключенный съ большевиками о невмѣшательствѣ ихъ въ украинскія дѣла (см. рѣчи Винниченко на трудовомъ конгрессѣ) былъ быстро нарушенъ большевиками, которые и стали завоевывать „самостоятельную“ Украину съ той-же легкостью, какъ и въ 1917—18 г.

Что могла противопоставить имъ Директорія? Въ военномъ отношеніи почти ничего, т. к. всѣ ея войска переходятъ сразу на сторону большевиковъ, а небольшими отрядами сѣчевыхъ

стрѣльцовъ можно только продлить агонію. Въ области соціаль-
ныхъ мѣропріятій она также уступала большевикамъ, т. к.
въ сущности проводила ту-же большевистскую политику, только
менѣе выдержанную и энергичную, ибо украинцы собственно
говоря, оказались тѣми же большевиками, только третьяго
сорта по сравненіи съ большевиками изъ Великороссіи. Не
помогло и соединеніе съ Галичиной, точнѣе сказать — присое-
диненіе къ Галичинѣ хотя слѣдуетъ отмѣтить, что, если Дирек-
торія и держится еще, то только благодаря галичанамъ и галиц-
кимъ войскамъ. Большевистская опасность заставила Директорію
отказаться отъ звонкихъ фразъ о нейтралитетѣ и требованій объ
очищеніи союзниками Южной Россіи. Теперь она молить союз-
никовъ о помощи, зная хорошо, что никто изъ 30.000.000
населенія Малороссіи и пальцемъ не шевельнетъ для спасенія
всѣмъ надобвшихъ уже за время революціи болтливыхъ директоровъ
съ ихъ большевистской программой и никому не нужной
самостійной Украиной.

С. Г. Грушевскій.

С. Г. Грушевскій.

Украинцы, центральныя державы и союзники.

Въ русской прессѣ давно уже можно было встрѣтить указанія на то, что нѣмцы поддерживаютъ украинское движеніе. Въ свою очередь украинцы это категорически отрицали, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ прокламируя свою вѣрность Россіи.

Война и революція обнаружили украино-нѣмецкія связи уже съ полной очевидностью.

Формированія сѣчевыхъ стрѣльцевъ въ Галиціи, дѣятельность Союза освобожденія Украины въ таборахъ военнопленныхъ въ Австріи и Германіи, рвеніе галиційскихъ украинцевъ—все это указывало на то, что украинцы въ великой европейской борьбѣ становятся на сторону центральныхъ Державъ.

Это особенно характерно выражено въ телеграммахъ, посланныхъ Союзомъ освобожденія имп. Вильгельму по случаю взятія Холма и Луцка. Телеграммы эти въ полномъ смыслѣ слова носили вѣрнопопданническій характеръ. (Кіевская Мысль, № 222, 1917 г.).

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что нѣмцы искали и нашли союзниковъ въ украинцахъ.

Раздѣленіе Россіи путемъ созданія самостійной Украины открыто обсуждалось въ Австріи и Германіи. Стоитъ только указать на дѣятельность извѣстнаго П. Рорбаха, котораго сами нѣмцы называли иронически „авторомъ Украины“. При германскомъ генеральномъ штабѣ было специальное отдѣленіе, занимающееся украинскими дѣлами.

Одинъ изъ виднѣйшихъ австро-украинскихъ дѣятелей митрополитъ Андрей Шептицкій 15 августа 1914 года подавъ австро-венгерскому правительству цѣлый проэктъ о предполагаемомъ военномъ, правовомъ и церковномъ устройствѣ

русской Украины на случай занятія ея австро-венгерскими войсками (К. Мысль № 166, 1917 г.) Нѣкоторыя изъ предположеній этой записки теперъ уже осуществлены.

Во время войны украинцы въ Россіи стремились доказать, что они ничего общаго не имѣютъ съ нѣмцами и только уже во время революціи обнаружили связи украинцевъ изъ Россіи съ союзомъ освобожденія Украины, галицкими стрѣльцами и т. п.

Паденіе временнаго правительства окончательно развязало руки украинцамъ. Немедленно была послана делегація въ Брестъ, заключившая тамъ сепаратный миръ и пригласившая кромѣ того нѣмцевъ ввести свои войска въ Малороссію для изгнанія большевиковъ. За это нѣмцы должны были получить и получили хлѣбъ, сахаръ и др. продукты первой необходимости, которые дали возможность имъ значительно отсрочить свой разгромъ и которые вывозились изъ страны, далеко не имѣющей ихъ въ избыткѣ и въ то время, когда вся остальная Россія умирала уже отъ голода.

Послѣ прихода нѣмцевъ въ Малороссію дружескія украино-нѣмецкія связи перестали скрываться. И въ заявленіяхъ премьер-министра Голубовича и другихъ министровъ, а также и общественныхъ украинскихъ дѣятелей уже открыто говорилось о старинной нѣмецко-украинской дружбѣ, даже дѣлались экскурсы въ области исторіи, обсуждались планы болѣе тѣснаго политическаго и экономическаго союза съ Германіей.

Отъ официальныхъ лицъ не отставала и пресса, писавшая о Германіи всегда въ самомъ дружескомъ тонѣ (См., напр., ст. Донцова, Н. Рада № 158, 1918 г., А. Шульгина Н. Рада, № 53—54; Н. Воля № 19, 1918 г., Видрождення № 140, 1918 г. и мн. др.)

Разгонъ Ц. Рады нѣсколько охладилъ украинскихъ социалистовъ, но воля Германіи для нихъ по прежнему оставалась *suprema lex* и дружескія отношенія не прекратились.

Вскорѣ послѣ разгона Ц. Р. въ украинскомъ клубѣ состоялся банкетъ, на которомъ присутствовалъ гетманъ и высшіе представители Германіи при украинскомъ правительствѣ, и гдѣ были сказаны украинскими общественными дѣятелями изъ круговъ социалистовъ—федералистовъ рѣчи о союзѣ Украины и Германіи.

„Наши дорогіе гости“, „союзники наши“ — вотъ обычные эпитеты, прилагаемые украинцами къ германцамъ и встрѣчающіеся буквально на каждомъ шагѣ.

Президіумъ Нац. Союза постоянно ѣздилъ, то къ германскому послу, то къ генеральному консулу Тию и на этихъ со-

вѣщаніяхъ рѣшались вопросы внутренней и внѣшней политики Укр. Державы. Даже самое возстаніе Петлюры и Винниченко, вышедшее, какъ извѣстно изъ нѣдръ Нац. Союза, происходило при попустительствѣ нѣмецкаго военнаго командованія, какъ это потомъ обнаружилось съ полной очевидностью.

Ярую германофильскую оріентацію обнаруживали всегда и гетманъ съ его правительствомъ (см. напр., заявленіе гетмана сотруднику газ. „Голосъ Києва“, Н. Рада № 115, рѣчь ген. Рогозы, „Свободной Мысли“ № 3, 1918 г. и др.).

Иное отношеніе было у украинцевъ къ союзникамъ. Вполнѣ увѣренные въ окончательной побѣдѣ Германіи и не подозревая даже, что въ этой борьбѣ они поставили „не на ту лошадь“, украинцы не стѣснялись въ выраженіяхъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Побѣду союзниковъ они связываютъ съ ненавистнымъ имъ возстановленіемъ Россіи (ст. Шульгина въ № 54 Н. Рады). Н. Воля (№ 3, 1918 г. въ ст. „злочинство“) говоритъ о дѣятельности агентовъ Антанты, которымъ не удастся разорвать дружескія связи между Германіей и Украиной. Виродження (№ 101, 1 авг. 1918 г.) пишетъ, что убійство Эйхгорна совершено агентами Антанты. Та же газета (№ 77, 1918 г.) называетъ Англію наибольшей политической интриганкой и виновницей міровой войны. Она же обвиняетъ союзниковъ въ сожиганіи посѣвовъ въ Новороссіи. „Н. Рада“ (№ 119, 1918 г.) обвиняетъ все согласіе въ имперіализмъ. В. Винниченко въ № 369 за 1918 г. Роб. Газ. въ самыхъ крѣпкихъ выраженіяхъ призываетъ украинцевъ стать единымъ національнымъ фронтомъ въ борьбѣ противъ Москвы и Англіи.

Намѣчающійся разгромъ центральныхъ державъ произвелъ большое смятеніе въ умахъ украинцевъ. Сначала они все же вѣрили, что этотъ разгромъ будетъ не такъ рѣшителенъ и что Германія еще будетъ достаточно сильной, чтобы поддержать украинскую державность.

Поэтому въ статьяхъ, появившихся въ официозной „Виродження“, с.-д. „Роб. Газетъ“ (ст. П. Дідушка, секретаря Нац. Союза, бывшаго потомъ секретаремъ Директоріи), „Новой Радѣ“, органѣ соц.-федералистовъ, „Нар. Волѣ“, газетѣ селянской спилки говорилось объ имперіализмѣ и несправедливости союзниковъ, о жестокихъ притѣсненіяхъ, чинимыхъ Германіи и т. д.

Однако, чѣмъ яснѣе вырисовывалась окончательная побѣда союзниковъ, — тѣмъ тревожнѣе становились украинцы. Стали

раздаваться голоса о необходимости искать пути примиренія съ союзниками, стали дѣлаться попытки въ этомъ направленіи и всюду упорно стали проводить мысль, что союзникамъ выгодно существованіе самостоятельной Украины по политическимъ, экономическимъ и всякимъ другимъ соображеніямъ.

Но на самомъ ли дѣлѣ это такъ и кому дѣйствительно выгодно существованіе самостоятельной Украины: союзникамъ или нѣмцамъ.

Одинъ изъ видныхъ нѣмецкихъ государственныхъ дѣятелей сказалъ какъ то, что даже разгромъ Германіи будетъ искупленъ, если удастся сохранить самостоятельность украинской державы и расчлененіе Россіи.

И дѣйствительно, ослабленной войной Германіи самостоятельная Украина можетъ очень и очень пригодиться. Выгоды эти суть прежде всего выгоды экономическія и политическія. Черезъ союзную и связанную экономическими нитями Украину Германія получаетъ новую дорогу на Ближній Востокъ (см. объ этомъ ст. Н. Шаповала предсѣдателя Укр. Нац. Союза въ „Н. Волѣ“ за октябрь и ноябрь 1918 г.).

А если къ Украинѣ будетъ присоединена Кубань и Черноморье, то и къ Средней Азіи. Союзная Украина будетъ экономической базой, питающей Германію во всякомъ военномъ ея предпріятіи, (а кто станетъ отрицать, что такія предпріятія невозможны), и которой ей такъ недоставало въ настоящей войнѣ.

Велики и политическія и даже чисто военныя выгоды. Еще въ октябрѣ—ноябрѣ текущаго года Д. Донцовъ въ „Новостяхъ Дня“ и А. Никовскій въ „Новой Радѣ“ разрабатывали проэктъ организаціи Черноморско-Балтійскаго союза, состоящаго изъ Финляндіи, Латвіи, Литвы, Бѣлоруссіи, Украины, Черноморщины, Крыма и Кубани, который долженъ отдѣлить азиатскую Москву отъ остальной Европы. Если бы такой союзъ состоялся дѣйствительно, то онъ могъ бы быть могучей поддержкой Германіи, совершенно обезопасивъ ея восточный фронтъ. Даже одной самостоятельной Украины, безъ осуществленія проэктируемаго союза, было бы достаточно, чтобы развязать руки Германіи на Востокъ и устремить всѣ ея силы на западъ.

Такой союзъ самостоятельной Украины и Германіи совершенно неизбеженъ, т. к. только въ Германіи можетъ найти независимая Украина опору противъ завоевательныхъ стремленій

Великоросіи, которая совершенно неустраимы, и съ другой стороны только самостійная Украина съ ея хлѣбными запасами, донецкимъ углемъ и черноморскимъ побережьемъ дастъ Германіи возможность снова попытать счастья въ военной борьбѣ.

Всѣ выгоды отъ независимости Украины для Германіи— это невыгоды для союзниковъ и въ первую очередь для Франціи и Англіи, т. к. кто станетъ утверждать, что Германія не будетъ стремиться къ реваншу и что черезъ нѣкоторое время опять не сможетъ вспыхнуть новая европейская война. Отсюда ясно, что только единая и великая Россія, находящаяся въ тѣсномъ союзѣ съ державами Согласія, можетъ быть достаточно сильной сдержкой для Германіи, что только она одна обновленная и укрѣпленная можетъ обезпечить Европу отъ новыхъ нападеній со стороны Германіи и дать ей такимъ образомъ столь необходимый миръ и покой.

С. Г. Грушевскій.

С. Г. Грушевскій.

Единство Русскаго Народа.

Украинскіе ученые давно уже пытаются опровергнуть единство русскаго народа, утверждая, что малороссы, или, какъ они говорятъ,—украинцы представляютъ изъ себя не одну изъ трехъ вѣтвей русскаго народа, а совершенно отдѣльный славянскій народъ, въ этическомъ отношеніи сильно отличающійся отъ великороссовъ и имѣющій свой особый языкъ и свою старую культуру.

Отрицается ими также и наличие общерусской культуры, которую они разсматриваютъ, какъ культуру только великорусскую, чужую и навязываемую малороссамъ.

Если бы все это могло быть доказано, и если бы коренное населеніе Малороссіи въ самомъ дѣлѣ опредѣлило себя „украинскимъ“, то позиція украинцевъ дѣйствительно сдѣлалась бы очень выгодной и трудно оспариваемой.

Однако несмотря на всѣ старанія и все рвеніе украинскихъ ученыхъ и политиковъ, дѣло обстоитъ совершенно иначе. Многомилліонное русское населеніе, заселяющее собою громадное пространство Европы и Азіи, хотя и представляетъ значительное разнообразіе мѣстныхъ особенностей, все же является единымъ русскимъ народомъ, часто ошущью, инстинктивно сознающимъ и утверждающимъ свое національно-культурное и государственное единство.

Остановимся нѣсколько подробнѣе на различныхъ сторонахъ единства трехъ вѣтвей русскаго народа. Связываетъ ихъ прежде всего общность происхожденія и общность языка.

Антропологическое изслѣдованіе живого русскаго населенія различныхъ эпохъ устанавливаетъ, что имѣющіяся колебанія не настолько значительны, что бы можно было говорить о какомъ нибудь отдѣльномъ „украинскомъ“ типѣ. Наоборотъ, имѣющіяся варіаціи настолько несущественны, что единство русскихъ племенъ въ антропологическомъ отношеніи остается неопровергнутымъ. Попытки украинскаго ученаго Ф. Волко доказать противное не дали серьезныхъ результатовъ.

Группа восточно-славянскихъ племенъ, усвоившая и принявшая отъ варяговъ-скандинавовъ имя „Русь“ и сдѣлавшая это имя вскорѣ своимъ общенациональнымъ именемъ, представляла собой на зарѣ русской исторіи, при нѣкоторыхъ мѣстныхъ различіяхъ, все же единый народъ, какъ увидимъ дальше, понимавшій это свое національное единство. Различныя условія исторической жизни, о которыхъ было бы слишкомъ долго здѣсь распространяться, могли только къ сравнительно позднему времени выдѣлить, болѣе или менѣе рѣзко, изъ общей массы русскаго народа три крупныхъ подраздѣленія, три племени: великорусское, малорусское и бѣлорусское.

Въ частности, знаменитый русскій историкъ В. О. Ключевскій даже находитъ, что собственно говоря, о малороссахъ, какъ объ отдѣльной вѣтви русскаго народа, можно говорить только съ 15 вѣка. (см. В. О. Ключевскій, Лекціи по русской исторіи, т. I стр. 348).

Различія эти между названными тремя вѣтвями русскаго народа, въ особенности при наличіи общаго происхожденія, языковаго, религіознаго, культурнаго и государственнаго единства, не были настолько глубоки и сильны, чтобы создать три отдѣльные народа. Если и можно употреблять терминъ „народъ“, примѣнительно къ великороссамъ, малороссамъ и бѣлороссамъ, то только видовое подраздѣленіе русскаго народа.

На этой точкѣ зрѣнія всегда стояли лучшіе представители русской и западно-европейской науки и между прочимъ и такіе, украинофилы, какъ академикъ А. Шахматовъ и Коршъ. Такъ напримѣръ упомянутый академикъ А. А. Шахматовъ, являющійся однимъ изъ самыхъ выдающихся русскихъ ученыхъ, писалъ слѣдующее: „Русскій языкъ распадается на три главныхъ нарѣчій: великорусское, малорусское, и бѣлорусское“ (А. А. Шахматовъ. Введеніе въ курсъ исторіи русскаго языка, Петроградъ 1916 г. стр. 3). Трѣмъ главнымъ русскимъ нарѣчіямъ соотвѣтствуетъ дѣленіе русскаго племени на три отрасли—великорусскую, бѣлорусскую и малорусскую (ibid стр. 9).

За индивидуальными чертами, опредѣляющими великорусскій, малорусскій и бѣлорусскій языкъ, мы видимъ тѣ общіе признаки ихъ, по которымъ эти языки должны разсматриваться, какъ части общаго языка русскаго (ibid стр. 17). Извѣстный знатокъ академикъ И. И. Срезверскій, говоря о различіяхъ великорусскаго, малорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій, отмѣчаетъ что они своимъ не

сходствомъ ни мало не нарушаютъ единства русскаго языка и русскаго народа. Это сходство по его мнѣнію, вовсе не такъ велико, въ особенности если сравнить его съ разнообразіемъ мѣстныхъ говоровъ и діалектовъ въ другихъ языкахъ, напримѣръ, въ языкахъ итальянскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и др.

Умѣстно здѣсь будетъ отмѣтить еще также и то обстоятельство, что малорусское нарѣчіе опредѣлилось, какъ извѣстная группа южно-русскихъ говоровъ, также уже въ довольно позднюю эпоху, не раньше конца XIV в., когда снова стали усиленно заселяться опустошенныя (княжескими междуусобицами и кочевниками) южно-русскія земли.

Въ особенности объединяетъ эти три главные русскія нарѣчія, а также всѣ многочисленные русскіе говоры, наличіе единого общерусскаго литературнаго языка. Русскій литературный языкъ, хотя въ основу его легло мѣстное московское нарѣчіе, воспринялъ въ себя чрезвычайно много южно-русскихъ элементовъ. Въ 17 и 18 вѣкахъ Южная Русь посылала въ Великороссію множество педагоговъ, дѣятелей литературы, проповѣдниковъ, ученыхъ и т. д. Эта полоса южно-русскаго вліянія очень сильно отразилась на выработкѣ русскаго литературнаго языка. Такъ напримѣръ, одинъ изъ первѣйшихъ создателей русскаго лит. языка, М. В. Ломоносовъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ южно-русскихъ грамматикъ и вообще литературы южной Руси.

Все это долженъ былъ признать между прочимъ и новѣйшій историкъ „украинской“ культуры И. Огіенко (см. соотвѣт. мѣста Исторіи украинской культуры). Громадный вкладъ, который сдѣлали малороссы въ общую сокровищницу русской литературы, стоитъ здѣсь упомянуть хотя-бы имя только одного такого гиганта русской литературы, какъ Н. В. Гоголь, служить лучшимъ доказательствомъ того, что русскій литературный языкъ одинаково близокъ и дорогъ всѣмъ русскимъ племенамъ, общимъ достоинствомъ которыхъ онъ и является. Малороссы могутъ считать его своимъ съ такимъ же основаніемъ, какъ и великороссы.

И вообще вся русская культура, которой такъ справедливо гордится русскій народъ, это единственное достоинство, котораго не лишена наша измученная родина, есть культура всѣхъ трехъ русскихъ вѣтвей, которыя одинаково упорно трудились надъ ея созданіемъ. Вкладъ малороссовъ въ общерусскую культуру, въ самыхъ различныхъ отрасляхъ, громаденъ. Упоминаемый уже мною историкъ „украинской“ культуры И. Огіенко цѣлые десятки

страницъ своей книги посвящаетъ творческой инициативѣ малороссовъ въ дѣлѣ созиданія русской культуры, не подозревая даже, что этимъ длиннымъ перечнемъ онъ какъ разъ утверждаетъ наличие и единство общерусской культуры, самое существованіе которой украинцы берутъ подъ сомнѣніе.

Правда, малороссы имѣютъ нѣкоторыя особенности въ языкѣ, въ бытѣ и т. д., но всѣ эти особенности отнюдь не нарушаютъ единства русской культуры, которая, подобно брилліанту, улучшающему свой блескъ отъ храненія, становится еще болѣе многогранной и многоцвѣтной отъ плодотворнаго развитія этихъ мѣстныхъ различій, такъ какъ все это объемлется однимъ грандіознымъ синтезомъ-великой русской культурой.

Русскій народъ въ самыя различныя эпохи и въ самыхъ различныхъ положеніяхъ никогда не утрачивалъ сознанія себя, какъ единаго цѣлаго, какъ націи. Для доказательства этого перелистаемъ страницы русской исторіи. Уже вчитываясь въ древнерусскія лѣтописныя своды, говоритъ знаменитый русскій историкъ В. О. Ключевскій (см. стр. 110), „вы чувствуете себя какъ бы въ широкомъ общерусскомъ потокѣ событій образующемся изъ сліянія крупныхъ и мелкихъ мѣстныхъ ручьевъ“. Дѣйствительно слова „Русь и Русскій“, такъ часто употребляемыя въ древнихъ лѣтописяхъ и прилагаемыя ко всѣмъ русскимъ областямъ, ко всему русскому народу, имѣютъ для древнихъ лѣтописателей какъ бы священное значеніе. Эти слова въ древнерусскомъ сознаніи какъ бы символизируютъ собой то государственное, національное и религіозное единство, которое съ такимъ трудомъ и съ такимъ упорствомъ закрѣплялось уже и въ тѣ времена, на зарѣ русской государственности. Украинцевъ же древнія лѣтописи совершенно не знаютъ. Вотъ на удачу взятые примѣры изъ древне-русскихъ лѣтописныхъ сводовъ.

Говоря подъ 898 г. о восточно-славянскихъ племенахъ, лѣтописецъ отличаетъ ихъ языковъ единство „а языкъ Слѣвянскій имъ одинъ“ (см. Лѣтопись по Лавретьевскому списку, изд. 1897 г. стр. 28), (а языкъ Слѣвянскій у нихъ одинъ). На Любечскомъ съѣздѣ въ 1097 г. князья говорили: „почто губимъ русскую землю... отсель имемся по едино и блюдемъ Русскыѣ земли“ (ів. стр. 247) (Зачѣмъ губимъ русскую землю... будемъ съ этихъ поръ воедино и будемъ беречь русскую землю).

Въ томъ же 1097 г. князь Василько говоритъ: „дамобо налѣзу себѣ славу, а любо голову свою сложу за русскую землю“ (ів. стр. 257) или добуду себѣ славу, или голов/ сложу за русскую землю.

Въ проявленіяхъ горячаго патріотизма и глубокой любви къ русской землѣ отъ князей не отставало и простое населеніе.

Кіевляне послали сказать князю Владимиру въ 1097 г.: „молимся, княже, тебѣ и батема твоима, не мозѣте погубити Русьскыѣ земли, аще бо възмете рать межу собою, погании имуть радоватися, и возьмутъ землю нашу, ище бѣша стряшими отци ваши и дѣды ваши трудомъ великимъ и хробѣствомъ, побарающе по Русской земли, ины земли приискиваху, а вы хотите погубити землю Руськую“ (ів. стр. 254) (молимъ, тебя, князь и твоихъ братьевъ, не погубите русскую землю; если будете воевать между собою, то поганые (кочевники-половцы) будутъ радоваться и возьмутъ землю нашу, которую трудомъ великимъ и храбростью собрали отцы и дѣды ваши, борясь за русскую землю и другія земли присоединяя, а вы хотите погубить землю русскую). Князь Владимиръ, выслушавъ это, расплакался и сказалъ: „поистинѣ отцы наши и дѣды наши зблюли землю Русьскую, а мы хотимъ погубить“ (ів. стр. 257). (По истинѣ отцы наши и дѣды наши сберегли русскую землю а хотимъ ее погубить).

Это сознаніе національнаго единства побудило автора геніальнаго „Слова о Полку Игоревѣ“ обращаться съ пламенными, звенящими какъ мѣдъ, призывами къ русской славѣ и русской чести. Оно же побудило малороссійскаго гетмана и общерусскаго патріота Богдана Хмельницкаго стремиться выбить изъ польской неволи весь русскій народъ и оно же воодушевляло московскаго книжника горделивыми размышленіями о Москвѣ, какъ о собирательницѣ и хранительницѣ русскихъ земель и покровительницѣ всего православнаго міра.

И теперь на нашихъ глазахъ, это мощное сознаніе національнаго единства русскаго народа собираетъ подъ трехцвѣтнымъ знаменемъ, символомъ общерусскаго единства развѣвающимся надъ русской добровольческой арміей, многочисленныхъ представителей во всѣхъ трехъ русскихъ племенъ, своею кровью скрѣпляющихъ и цементирующихъ величественный храмъ новой Россіи.

Не есть ли эти тысячи добровольно погибшихъ молодыхъ жизней, эта рѣками пролившаяся благороднѣйшая кровь лучшее доказательство единства русскаго народа?

Какъ мы видѣли единство трехъ вѣтвей русскаго народа утверждается общностью происхожденія, языка, культуры сознаніемъ національнаго единства. Уже перечисленнаго достаточно,

чтобы съ полнымъ основаніемъ говорить объ единномъ русскомъ народѣ, но сверхъ того нельзя здѣсь не упомянуть о религіозномъ единствѣ и объ объединительномъ началѣ русской государственности.

Православная вѣра, которую и теперь исповѣдуетъ громадное большинство русскаго народа, уже на протяженіи почти тысячи лѣтъ, крѣпко связывала въ одно цѣлое и паломника Кіевской губерніи, идущаго на богомолье въ Соловки или къ Троице-Сергіевской Лаврѣ, и тульскаго или рязанскаго мужика, идущаго за тысячи верстъ поклониться кіевскимъ святынямъ.

Страдая отъ польскихъ іезуитовъ, всѣми силами защищаясь отъ навязываемой имъ Уніи, малороссы всегда крѣпко держались за свою православную русскую вѣру, отождествляя ее съ русской народностью. Эта православная вѣра заставляла также и московскихъ людей соглашаться на долгую борьбу съ сильной тогда Польшей для освобожденія жителей Малой Руси, которыхъ они воспринимали прежде всего, какъ единовѣрцевъ. Она же мощно побуждала Богдана Хмельницкаго и малороссійское казачество волисть подѣ царя восточнаго православнаго.

Часто, когда русская земля, раздробленная, униженная, казалась на краю гибели только религіозное единство русскаго народа было какъ-бы якоремъ спасенія. Вспомнимъ начало 17 в., смутное время, когда наиболее мощно звучали голоса патріарха Гермогена и келаря Троицко-Сергіева монастыря Авраамія Палицина, призывавшіе къ возсозданію русскаго народа.

И стоитъ только теперь обратить вниманіе на тѣ усилія, которыя прилагаютъ украинцы, чтобы разорвать религіозную связь между Малой и Великой Русью, не останавливаясь даже передъ арестами и насиліями надъ архипастырями, чтобы стало ясно какую большую объединительную роль играетъ православная вѣра—символь религіознаго единства русскаго народа.

Однимъ изъ наиболее существенныхъ по своимъ результатамъ объединяющихъ началъ является образованіе русскаго государства. Совмѣстная государственная работа русскихъ племенъ содѣйствовала, по справедливому замѣчанію акад. А. А. Шахматова (см. стр. 77, 78) стиранію этнографической и діалектической обособленности. Сначала южно-русскій центръ,—кіевская государственность, а затѣмъ Московское царство, созданное упорнымъ государственнымъ геніемъ великорусскаго племени, неудержимо тянули къ себѣ отдѣльныя русскія области, побѣждая не-

умолимо всѣ центробѣжныя и сепаратистическія тенденціи. Совмѣстная борьба съ общими врагами—печенѣгами и половцами, татарами, литвой, поляками и нѣмцами, спаивала русскія племена и области въ одинъ народно-хозяйственный организмъ, сознающій себя какъ національное цѣлое.

Въ частности Малороссія, всегда стремившаяся къ единенію съ остальной Россіей и осуществившая это свободнымъ самоопредѣленіемъ своего народа на Переяславской радѣ 1654 г., срослась потомъ въ общемъ процессѣ государственнаго строительства съ Великороссіей такими тѣсными узами, что нельзя ее никакъ изъять изъ культурнаго-этнографическаго и экономическаго единства Россіи. Созданіе нѣмцами „Украины“ заставляетъ теперь кровью истекать обѣ страны, представляющія одинъ цѣльный организмъ.

Проф. И. А. Линниченко.

Малорусская культура.

I.

Население Русского государства складывается из целой массы народностей всевозможного происхождения, как славянского, так и инородческого. Одни из них (Грузины, Армяне, Татары, Поляки) имели когда то самостоятельную государственность, свою самостоятельную культуру, как всякая культура, слагавшаяся под чужими влияниями народов более культурных.

Племена более сильные и талантливые с течением времени выходили на собственную дорогу—усвоив себе общие элементы чужих, более высоких, культур, начинали в культурном отношении развиваться самостоятельно, создавая новые культурные типы, внося самобытные черты в искусство, литературу, науку.

Во избежание недоразумения сделаем необходимую оговорку: еще наш древний летописец из Георгия Амартола усвоил себе положение: „Коемуждо языку овѣмъ законъ испсанъ есть, другимъ же обычая; зане незаконнымъ отечествию мнится“.

Культуру, какая ни на есть—государственное (в широком смысле) устройство, искусство, мы найдем у всех народов. Вопрос только о сравнительной ценности таких первобытных культур.

Многие народы дальше первого детского лепета в этом отношении не пошли—они в своих песнях, обрядах, мирозерцании, начатках искусств, застыли на целые века в формах первобытных, не развивавшихся. Войдя в состав какого нибудь государственного союза с значительно более высокой культурой, такие племена в культурном отношении в нем растворяются, воспринимая его государственность, подражая его искусству, литературе, науке.

Местные особенности остаются в глубинах народного быта, и то только тогда, когда по территориальным, или иным, условиям племя остается в своих пределах и сравнительно мало имеет общения с другими провинциями государства; самобытность часто

очень архаическая, интересующая главнымъ образомъ этнографовъ, остается здѣсь въ костюмахъ, пѣсняхъ, повѣрьяхъ, жилищахъ архаическаго типа, первобытномъ искусствѣ и т. д. Интеллигенція такихъ племенъ входитъ въ составъ интеллигенціи всего государства, воспринимаетъ его болѣе обработанный языкъ съ его научной терминологіей, нивеллируется въ школахъ общихъ для всего государства, особенно среднихъ и высшихъ.

Участвуя въ общей творческой работѣ интеллигенціи всей страны (а впередъ культуру двигаетъ вѣдь только интеллигенція), представители отдѣльныхъ племенъ вносятъ въ общее дѣло и свои племенные особенности, но въ той же мѣрѣ, въ какой, напримѣръ, вносятъ ее отдѣльныя лица одной и той же народности, въ силу большей или меньшей талантливости.

Такой совмѣстной работой разноплеменной интеллигенціи одной націи образуется опредѣленный ея культурный типъ, и въ такомъ смыслѣ мы говоримъ о культурѣ французской, нѣмецкой, итальянской, русской. Частное, личное, мелко-племенное, растворилось въ общемъ, или лучше сказать, *создало это общее, этотъ общій типъ.*

Не забудемъ еще и того, что въ націяхъ, составленныхъ изъ разныхъ племенныхъ единицъ, происходитъ и физическій симбіозъ; не говоря о томъ уже, что *pater est quem nuptiae demonstrant*, совмѣстное сожительство отдѣльныхъ племенъ физически такъ ихъ перемѣшиваетъ, что только въ рѣдкихъ случаяхъ можно говорить о совершенно безпримѣсной чистотѣ *племеннаго* типа. Вѣдь Пушкинъ съ его африканской кровью, Лермонтовъ съ его шотландскими, Л. Толстой съ его м. б. нѣмецкими предками, Жуковский сынъ турчанки—чисто русскіе по духу народные геніи. И еще замѣчаніе очень важное. Крупныя задачи всевозможнаго характера—государственныя и культурныя, только дружной работой крупныхъ государственныхъ организаций и могутъ достигаться, и если онѣ уже начали создаваться, *то стремленіе перейти опять къ первобытной кустарной работѣ принесетъ культурѣ большой ущербъ.*

Лозунгъ самоопредѣленія національностей—орудіе обоюдоострое, помимо того, что пущенъ то онъ въ самое послѣднее время въ ходъ тѣми, кому такъ нужно было расчлененіе русскаго государства, раздробленіе единой большой силы, дѣйствовавшей въ одномъ направленіи, на мелкія теченія съ дѣйствіями единичными, центробѣжными—какъ семь столѣтій назадъ, такъ и теперь, отсутствіе единства дѣйствія погубило государство.

Еще Константинъ Аксаковъ патетически восклицалъ: „Каждый народъ пусть сохранитъ свой народный обликъ, только тогда онъ будетъ имѣть человѣческое выраженіе. Если отнять у человечества его личныя и народныя краски, это будетъ какое то официальное, казенное, форменное человечество, но къ счастью оно невозможно. Нѣтъ, пусть свободно и ярко цвѣтутъ всѣ народности, въ человѣческомъ мірѣ, только онѣ дадутъ дѣйствительность и энергію общему труду народовъ. Да здравствуетъ каждая народность“.

Что культура только выиграетъ, ставъ многогранной, въ этомъ сомнѣнія быть не можетъ; какъ каждому отдѣльному человѣку должны быть предоставлены всѣ способы для развитія его личныхъ способностей. такъ не должно ставить помѣхъ и народному культурному развитію.

Но одни племена, предоставленные самимъ себѣ, благодаря ли малой талантливости, благодаря ли условіямъ матерьяльной жизни, благодаря ли малой энергіи, склонности къ инертности, не способны безъ чужой прививки, толчка извнѣ, чужой указки, чужой матерьяльной помощи болѣе энергичныхъ и богатыхъ матерьяльно, пойти далеко въ своемъ развитіи культурномъ, и будетъ ли въ интересахъ общей міровой культуры оставить такихъ безпомощныхъ дѣлать безнадежныя попытки подняться выше того уровня, надъ которымъ возвыситься они самостоятельно не въ силахъ? Неужели мы должны серьезно считаться съ узкимъ семейнымъ шовинизмомъ, мелкими мѣстными самолюбіями, для которыхъ *не сущность, а внѣшность, этикетка*, выше всего, съ тѣми, кто предпочитаетъ первое мѣсто въ своемъ медвѣжьемъ углу второму мѣсту въ крупномъ центрѣ и живетъ наполовину, не развивая, до возможныхъ предѣловъ, своихъ силъ, а поэтому и не принося той пользы своимъ, которую бы они могли принести имъ, двинувшись сами дальше?

Такіе узкіе шовинисты лишены не только историческаго, но и всяческаго чутія. Они бы хотѣли передѣлать исторію, они во всемъ всегда готовы обвинять кого угодно, но только не самихъ себя — историческія условія, неблагоприятное стеченіе обстоятельствъ, чужую алчность. Чего бы мы только не достигли, еслибы насъ не сковали въ желѣзныя цѣпи, еслибы намъ дали возможность свободно развиваться!

А тутъ рядомъ другіе, поставленные въ еще болѣе тяжелыя условія, выбились изъ нихъ на самостоятельный путь, создали

государство, искусство, науку—и вотъ они объявляются виновными въ неудачахъ тѣхъ, кто на такой путь своими силами выбиться не могъ, обвиняются тѣми, кому эти сильные въ ихъ критическую минуту подали руку помощи и пригласили для общей совмѣстной работы.

И нигдѣ въ мірѣ такая зависть не играла столь опасной роли, какъ среди славянскихъ племенъ, и эту зависть разжигали умѣло и систематически тѣ сосѣди, которымъ казалось всегда опаснымъ соединеніе и усиленіе славянства, и эта зависть мѣшала славянамъ соединиться въ одно цѣлое, такъ какъ *свои же*, постоянно проповѣдуя это сліяніе, въ то же время, какъ напр., наивнѣйшій изъ славянскихъ поэтовъ, Шевченко, или полякъ Мицкевичъ, своими же руками клали колоды между спицъ славянской колесницы. Тотъ-же поэтъ, молившійся,

Щобъ усі Славяне стали

Добрими братами

И синами сонця правди,

въ массѣ своихъ произведеній проповѣдуютъ ненависть къ катамъ москалямъ, точно сговорившись съ польскимъ поэтомъ, призывавшимъ славянъ къ единству, а своимъ совѣтовавшимъ бороться съ братомъ москалемъ, не гнушаясь никакими средствами „измѣна—оружіе рабовъ“.

И вотъ фактъ, совершенно неслыханный—мѣстные шовинисты, такъ долго оплакивавшіе денаціонализацію своего народа подъ чужимъ игомъ, обвиняютъ подавшихъ имъ въ трудную минуту руку помощи въ борьбѣ съ чужеземнымъ игомъ, въ томъ, что тѣ помогли имъ *опять стать русскими*, чего они же добивались столѣтіями, и чего собственными силами сдѣлать не могли!

Не напоминаетъ ли это старую басню—спасенный отъ нападенія звѣря упрекаетъ спасителя за то, что онъ испортилъ шкуру животного, едва не растерзавшаго охотника? Впрочемъ забывать добро, ненавидѣть тѣхъ, кто его проявилъ, явленіе очень частое.

Post factum начинаютъ отрицать значеніе оказанной услуги—мы бы и сами де выпутались безъ вашей помощи. Въ этомъ комичномъ бахвальствѣ двѣ психологическія черты—оскорбленное чувство слабаго, нежелающаго прослыть слабымъ, и боязнъ, что за помощь придется чѣмъ нибудь отплатить...

Наши узкіе шовинисты, неспособные видѣть дальше крошечнаго горизонта, открывающагося имъ съ высоты кукольной

колокольни своего прихода, закрываютъ глаза на все историческое прошлое южно-русскаго племени. Въ какомъ состояніи было это племя въ эпоху воссоединенія значительной его части (сначала лѣвобережной Малороссіи, потомъ юго-западнаго края) съ другими вѣтвями общерусскаго племени?

Оно находилось *на краю полной денационализаціи*. Лидеры народа, его высшіе классы, переходятъ повально изъ за матеріальныхъ выгодъ и удовлетворенія своему честолюбію въ лагерь польскій, даже такіе, какъ кн. Острожскіе, чуть не владѣтельные князья, перекрещиваются въ католицизмъ, воспринимать цѣликомъ чужой языкъ, чужой бытъ, входятъ въ ряды шляхты польской.

Народъ теряетъ свою вѣру, свой языкъ — литературный языкъ Малороссіи XVI—XVIII в. это какой то ублюдокъ изъ языковъ южно-русскаго, церковно-славянскаго и особенно польскаго съ примѣсью значительнаго гротеска ученаго макаронизма.

Теряютъ свои старыя правовыя институціи, замѣняемые польскими, денационализируются и въ бытъ.

Еретики (православные) теряютъ и свои гражданскіе права — уряды доступны только правовѣрнымъ католикамъ. И вотъ вы, узкіе шовинисты, съ слабой памятью, все это забыли.

Вы забыли о тѣхъ безконечныхъ суппликахъ, которыя русское населеніе находившихся подъ польскою властью русскихъ земель вѣчно посылало въ Москву, прося о защитѣ своей вѣры, своихъ правъ. Вы забыли и то, что Москва, Москали, т. е. такіе же Русскіе, но сложившіеся уже въ сильное государство, не оставались глухими къ этимъ суппликамъ, что русское правительство постоянно обращалось къ польскому съ своими демонстраціями по вопросамъ этихъ суппликъ, и что правительство польское должно было съ ними считаться.

Вы забываете, сколько разъ измученные преслѣдованіями южноруссы посылали въ Москву делегатовъ умолять сѣверовосточныхъ русскихъ освободить ихъ отъ польскаго гнета.

Вы забываете, что соединеніе лѣвобережной Малороссіи съ русскими московскими произошло добровольно, когда временные успѣхи возставшаго казачества смѣнились неудачами, когда населеніе увидало невозможность добиться освобожденія собственными средствами.

Вы забываете, что остальные южныя и югозападныя русскія

области отошли къ общерусскому тѣлу усиліями русскаго государства, что это возсоединеніе населеніемъ южнорусскихъ областей было привѣтствовано какъ освобожденіе отъ чужеземнаго гнета.

Вы забываете, что возсоединившись съ остальной Русью, южноруссы получили обратно свою вѣру, свой языкъ—т. к. языкъ русскій литературный — *не языкъ одной великорусской вѣтви русскаго народа, а результатъ вѣковой работы всѣхъ ея вѣтвей.*

Вы забываете, что даже архаическое (вы его теперь считаете демократическимъ — это въ модѣ — это лозунгъ лѣвыхъ партій интернаціональнаго происхожденія, а наипаче made in Germany) устройство административно-правовое долго продолжало жить въ Малороссіи, пока оно не пошло въ разрѣзъ съ одной стороны съ общими государственными интересами, а съ другой перестало удовлетворять народъ.

Когда то вы это понимали. Одинъ изъ самыхъ убѣжденныхъ украинофиловъ, извѣстный историкъ проф. В. Б. Антоновичъ, большую часть своей жизни посвятилъ освѣщенію того гнета, въ которомъ подъ Польшею жилъ южнорусскій народъ, и вы горячо сочувствовали его работѣ.

Но васъ, легко воспримчивыхъ, васъ, какъ галлы *gerum povarum studios*, скоро легко было убѣдить—(а объ этомъ очень старались сначала ваши прежніе господа, не разъ затѣвавшіе политическія возстанія, къ участию въ которыхъ приглашали и васъ, не надѣясь на одни собственныя силы, а потомъ и закордонные волки въ овечьей шкурѣ) — что вы изъ одного рабства перешли въ другое, гораздо худшее, рабство, что москали для васъ каты, а вы изъ воли попали въ тюрьму. Они старались перестроить вашъ старый мажорный побѣдный гимнъ

Гей не дивуйте,
на минорную плаксивую іереміаду

Ужъ больше літъ двісти
Якъ козакъ в неволі
По надъ Дніпромъ ходить,
Викликае доли

.....
Не выйду, казаче,
Не выйду, соколе,
Ой рада б я выйти,
Сама у неволі;

Гей, у неволі,
У ярми,
Під Моськовським караулом
У тюрми.

(Сочинено польськимъ поетомъ Богданомъ Залѣсьскимъ), а
вашъ наивнѣйшій поэтъ, авторъ „Гайдамаковъ“, забывъ (скорѣе
плохо ее знавъ) исторію родного края, wspominaєть вмѣстѣ съ
пріятелемъ полякомъ идиллію, какъ въ старину козаки

Братались з вольними Ляхами,
Пишались вольними степами,
В садах кохалися, цвілі
Неначе ліліи, дівчата,
Пишались синами маті,
Синами вольними.

Васъ стараются убѣдить, что крѣпостническая Москва закрѣ-
постила вольное населеніе Малороссіи, что она убила такой
идеально-демократическій строй, какъ свободное устройство Сѣчи
Запорожской и вы закрываете глаза и на ужасы крѣпостного права
въ Польшѣ, и на рабское положеніе посполитыхъ крестьянъ въ
той гетьманщинѣ свободной, которую такъ воспѣвалъ Шевченко,
и въ которой старшина давно еще до Екатерины закрѣпостила
крестьянъ.

И вотъ вы теперь горько жалуєтесь, что васъ ограбили въ
конецъ, обобрали, сняли ваши старыя, свободно и гордо держав-
шіяся на плечахъ роскошныя одежды, и одѣли въ однообразную
сѣрую московскую сермягу.

У васъ, по вашимъ словамъ, украли все, пышно расцвѣтшую
культуру, стоявшую безконечно выше бездарной культуры мос-
ковской, все, до вашего исконнаго имени включительно — ваше
старое имя *Русь*, когда то славное во всемъ мірѣ, украли и
присвоили себѣ ваши тюремщики—каты москали. И вы пренаивно
забываете, что это имя по происхожденію не ваше — а чужое,
и что еще въ сѣдую древность оно изъ названія племенного, на-
званія племени, чуждаго намъ, стало терминомъ политическимъ,
еще въ лѣтописную эпоху распространившимся на всѣ наши
восточно-славянскія племена.

Вы не можете простить своимъ, что возсоединившись съ
остальною Русью, южно-русскій народъ сталъ на совмѣстную ра-
боту съ своими же соплеменниками, членами одного національно-
государственного союза.

Вы не можете простить своимъ, что они, заставъ въ общерусскомъ государствѣ уже сложившійся литературный языкъ, въ выработкѣ котораго *принимали участіе и раньше*, языкъ уже способный выражать всѣ тонкости мышленія, языкъ имѣвшій и научную терминологию, приняли участіе въ дальнѣйшей его выработкѣ до его нынѣшняго высокаго совершенства и стали пользоваться имъ для выраженія своихъ мыслей, которыхъ не могли бы выразить на полученномъ вами въ наслѣдство макароническомъ жаргонѣ. Неужели усвоеніе общаго литературнаго для всей страны языка означаетъ денаціонализацию отдѣльныхъ племенъ, да еще притомъ такъ тѣсно родственныхъ, какъ южноруссы съ великороссами?

Почему такой вопросъ никогда не возникалъ во Франціи съ ея нарѣчіями мѣстными (провансальское, бретонское), въ Германіи съ ея *plattdeutsch*, въ Италіи съ ея безконечнымъ числомъ нарѣчій? Развѣ здѣсь дѣло въ количествѣ населенія, говорящаго на мѣстныхъ нарѣчіяхъ?

Развѣ кто нибудь заставлялъ силою обращаться къ изученію общелитературнаго русскаго языка?

Нѣтъ, южно-русская интеллигенція добровольно, „никимъ же мучима“, сама обратилась къ общерусскому литературному языку, дававшему ей средство общенія не только съ очень уже разившейся русской, но и съ *мировой* культурой, и только эта духовная необходимость, а не какое либо принужденіе, привела ее къ вступленію въ ряды общерусскихъ дѣятелей на всѣхъ путяхъ культуры, прежде всего въ литературу.

Не характерное ли въ самомъ дѣлѣ явленіе, что кумиръ южноруссовъ, москвофобъ Шевченко, поэтъ на мѣстномъ языкѣ, свои прозаическія произведенія пишетъ на общерусскомъ литературномъ языкѣ?

Какъ всѣ эти Рязанцы, Саратовцы, Орловцы, Нижегородцы, такъ и южноруссы, соединившись съ общерусскимъ тѣломъ, работаютъ дружно въ общей культурной работѣ всего русскаго народа, и мы бы никогда не кончили, еслибы стали доискиваться происхожденія каждаго русскаго писателя, художника, ученаго—одинъ великороссъ, другой малороссъ, третій бѣлороссъ—но всѣ они одинаково *Русскіе*, и міръ знаетъ теперь *русскую* науку, *русское* искусство, *русскую* музыку, и ему безразлично, изъ какого уголка необъятной Руси вышли эти дѣятели—ихъ произведенія проникнуты однимъ общимъ *русскимъ* духомъ, во многихъ отношеніяхъ очень своеобразнымъ.

Такъ, впрочемъ, вездѣ на свѣтѣ, во Франціи, Англіи, Германіи, Италіи, въ національно сложившихся единицахъ. Но вотъ это то и выводитъ изъ себя узкихъ шовинистовъ, кричащихъ истерично „Zdrada“ (измѣна).

Для нихъ важнѣе всего *этикетка*. Ихъ узкое самолюбіе требуетъ надъ каждымъ художественнымъ, научнымъ, литературнымъ, произведеніемъ не общей надписи *made in Russia*, а частный—*made in Ukraina* (название Малая Русь имъ претитъ, такъ какъ если есть Малая Русь, то значить есть и Великая, а для нихъ это название — или умаление ихъ значенія, или могло бы повести къ смѣшенію ихъ съ великороссами, такъ, по ихъ утверженію, немилосердно ограбившими ихъ въ отношеніи имени и лучшихъ своихъ людей, якобы отрекшихся отъ своей національности—т. е. изъ малоруссовъ ставшихъ общеруссами)!

Что такое *made in Ukraina* въ отношеніи произведеній литературныхъ и научныхъ при условіи составленія ихъ на нарѣчій мѣстномъ—однострунномъ инструментѣ—привело бы авторовъ такихъ произведеній съ одной стороны къ полной невозможности точно и ярко выразить свои мысли научныя и литературныя, а если бы это и удалось, то при невозможности заставить міръ изучать мѣстныя нарѣчія (а и крупныхъ языковъ уже слишкомъ много въ мірѣ), такія произведенія или обречены были бы на полную неизвѣстность, или все равно для ознакомленія иноземцевъ пришлось бы переводить ихъ на иные языки, хотя бы даже на языкъ русскій литературный,—объ этомъ не думаютъ эти звонари своей маленькой колокольни.

И вотъ мы приходимъ послѣ всего сказаннаго къ отвѣту на поставленную нами себѣ задачу — существовала ли особенная самобытная малорусская культура, и существуетъ ли она въ настоящее время?

Вспомнимъ слова нашего великаго критика „національное не есть синонимъ простонароднаго. Національное не въ повѣрхьяхъ, обрядахъ, а въ твореніяхъ гениевъ народныхъ“, въ Фаустѣ „Евгеніи Онѣгинѣ“. И прибавлю — Фаустъ не просто докторъ, отвлеченіе, міровой типъ, а *нѣмецкій* докторъ, какъ и Маргарита прежде всего *нѣмка*; Евгений Онѣгинъ вѣроятно лучше чѣмъ по русски говорившій по французски, воспитанникъ французскаго *abbé*, все же остается русскимъ барченкомъ, какъ и одѣтая по послѣдней модѣ прибывшей изъ Парижа *Madame* и надушенная

послѣднимъ сгі Парижской парфюмеріи все же осталась Русской Таней—Русской помѣщицей дочерью.

Въ произведеніяхъ геніевъ національныхъ міровыя идеи неизбѣжно одѣваются въ мѣстныя одѣянія, мѣстныя краски. То что въ нихъ велико—это мірового значенія идеи, мѣстныя краски только дѣлаютъ образы понятнѣе, [живѣе, *но не они составляютъ сущность великихъ произведеній*, сущность ихъ —не краски, а идеи.

Стараясь доказать самобытность Малорусской культуры, ея soi disant историки (въ родѣ Огіенки) прибѣгаютъ къ очень неудачному и невѣжественному приему относить всю нашу древнюю культуру за счетъ исключительно одного народа малорусскаго. И любопытно то, что украинскіе писатели, такъ превозносящіе малорусскую культуру, не въ состояніи выяснить себѣ самаго понятія культуры. Они никакъ не могутъ сообразить, что въ понятіи *культура* самымъ существеннымъ, доминирующимъ образомъ, входятъ понятія *развитія, движенія впередъ*.

Мы уже раньше указали на преемственность культуръ—однѣ, болѣе совершенныя, оплодотворяютъ менѣе развитыя, какъ прививки высшихъ культурныхъ породъ облагораживаютъ и улучшаютъ породы болѣе грубыя, менѣе цѣнныя. Одни народы способны, да и то очень относительно, только усваивать чужое, другіе не только его усваиваютъ, но и перерабатываютъ въ новыя качественно цѣнности.

Первой такой прививкой къ нашей архаической грубой культурѣ было прививка византійская; она пришла къ намъ вмѣстѣ съ христіанствомъ и дала первый толчокъ къ развитію нашему во всѣхъ отношеніяхъ (искусству, наукѣ, правовому сознанию, даже государственному устройству) не только въ Кіевѣ, но и по всей Руси—въ далекомъ Новгородѣ, въ Смоленскѣ. Но развитіе нашей старой первобытной культурѣ шло медленно, отъ нея у насъ притомъ осталось очень мало памятниковъ — нѣсколько архитектурныхъ, нѣсколько литературныхъ. И древнѣйшіе изъ этихъ памятниковъ — *не свои, а почти цѣликомъ чужіе*, ихъ создавали чужіе мастера, призванные къ намъ (храмъ Десятинный, Софійскій соборъ, Новгородскій соборъ, Владимірскій)—въ созданіи ихъ *свои* участвовали только трудомъ элементарнымъ, механическимъ, между тѣмъ какъ вся сторона *идейная* (т. е. культурная) принадлежитъ иноземцамъ.

Историки искусства, какъ и историки литературы, употребили много труда, чтобы отыскать въ нашихъ старыхъ памятникахъ слѣды *самобытнаго* (а не исключительно подражательнаго) нашего русскаго творчества, и результаты такихъ изысканій очень скудны. Памятники юридическіе или представляютъ собою простую рецепцію (какъ постановленія права каноническаго), или запись первобытныхъ кутюмовъ, какъ и *leges barbarorum*, въ которыхъ тоже не удастся найти слѣдовъ болѣе развитыхъ (чужихъ) правовыхъ нормъ.

Конечно, самобытное можетъ привлекать своего только какъ *свое*, независимо отъ его достоинствъ, (а очень узкіе шовинисты готовы свое плохое предпочитать чужому хорошему), но всѣхъ остальныхъ самобытность интересуетъ только со стороны ея внутренней цѣнности; въ ней ищутъ *новыхъ* словъ въ искусствѣ, наукѣ, литературѣ; и это новое не потому и тогда цѣнно, когда оно ново, а когда это новое и на самомъ дѣлѣ культурно-цѣнное, плюсъ въ мировую культуру.

Щирые поклонники самобытности *quand même* неумѣренными восторгами передъ своимъ, подражаніемъ не только устарѣвшему, но и мало цѣнному въ культурномъ отношеніи, замедляютъ ходъ культурнаго развитія въ родной странѣ. Они являются *plus royalistes que les rois même* и, требуя исключительно воспроизведенія старыхъ формъ, сковываютъ свободный полетъ художественнаго творчества. Они не могутъ понять, что для художника свое и чужое только матерьялъ, претворяемый имъ въ нѣчто новое.

Только *талантъ* представляетъ тотъ горнъ, съ высокой температурой, въ которомъ химически видоизмѣняется вложенное въ него содержимое. У бездарностей температура слишкомъ низка, чтобы матерьялъ химически видоизмѣнять — разнородное по составу лежитъ тамъ рядомъ и перемѣшивается только механически — не давая новыхъ соединений.

Лишь только схваченные за горло нѣмцы для своего спасенія провозгласили устами нашихъ большевиковъ принципъ самоопредѣленія народовъ, украинофилы, какъ галиційскіе, такъ и наши, выпустили цѣлыя митральезы брошюръ и книгъ съ доказательствами необычайно пышнаго расцвѣта малорусской культуры, развитіе которой было въ самомъ ея апогеѣ придавлено желѣзной пятой катовъ москалей.

Но увы! На этихъ книгахъ и брошюрахъ оправдалось классическое: *parturiunt montes, nascitur ridiculus mus*. Даже больше—

произведения эти во очію доказали съ одной стороны отсутствіе *самобытной* (самостійной) украинской культуры и *par contraste* богатство и огромное значеніе охаянной ими культуры общерусской (для нихъ, въ силу частью невѣжества авторовъ, частью въ силу ихъ шовинистической тенденціи — культуры только великорусской), и причина, почему это вѣтъ русского народа ничего оригинальнаго и культурно-цѣннаго не выработала, заключается не въ преградахъ, которыя были поставлены его свободному развитію, а въ чемъ томъ то другомъ.

Новѣйшіе *quasi* историки малорусской культуры начинаютъ очень широковъщательно, громкими и горделивыми эмфазами — восторгами передъ величіемъ и своеобразностью малорусской культуры — величіе это выразилось въ пѣснѣ, орнаментѣ, архитектурѣ, правѣ, церкви, формѣ письма, обычаяхъ, языкѣ, литературѣ наукъ, поэзій, философіи — однимъ словомъ рѣшительно во всѣхъ проявленіяхъ культурнаго творчества.

Но, увы! переходя къ изложенію добытковъ этой культуры, ея горячіе поклонники или не могутъ ничего сказать объ отдѣльныхъ проявленіяхъ этой великой культуры, или проявляютъ въ своемъ изложеніи поразительное невѣжество, или подсовываютъ подъ продукты культуры якобы малорусской произведенія чужія, созданныя индѣ.

По словамъ этихъ щирыхъ поклонниковъ всего малорусскаго, пѣсни малорусскаго народа выше пѣсенъ всѣхъ народовъ, съ ними можетъ сравниться развѣ только пѣсня сербская. Но что эта пѣсня осталась только народной, что музыка малорусская не развилась, мѣстные композиторы или только примитивнѣйшимъ образомъ ее гармонизируютъ, или какъ покойный, Н. В. Лісенко, очень мало двинули ее впередъ, объ этомъ ни слова.

Восхищаясь очень примитивнымъ орнаментомъ малорусскихъ кустарныхъ произведеній, историки малорусской культуры не подозреваютъ, что орнаментъ этотъ далеко не самобытенъ, что онъ привнесенъ въ Малороссію съ Балканскаго полуострова и изъ южной Германіи.

Одни историки малорусской культуры мѣстной архитектурѣ посвящаютъ всего только строчку: „она мало изслѣдована, но отличается оригинальностью“. (Огіенко). Другіе стараются найти въ малорусской церковной архитектурѣ черты самобытности, свѣше всякой мѣры превознося ея превосходство передъ неуклюжими грубыми и безвкусными храмами Московскими (Василія

Блаженнаго они конечно не знают), но знают только нѣсколько церквей малорусскаго типа, и не знают того, что церкви эти сколокъ съ церковей Галицкихъ, а формы тѣхъ въ свою очередь заимствованы съ запада.

Малорусскаа литература XVII—XVIII в. разумѣется въ представленіи такихъ quasi—историковъ стоитъ необычайно высоко, и конечно безмѣрно выше литературы Московской.

А что первая находилась подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ литературы польской, была прямо таки ея сколкомъ, не давъ ничего своего оригинальнаго, объ этомъ конечно ни слова.

Переходя къ XIX вѣку, историки малорусской культуры¹⁾ съ рѣдкой смѣлостью, заявляютъ, что лишь только національное возрожденіе докатилось до Малороссіи, она сразу стала на твердую народную почву, и литература ея оказалась на уровнѣ великихъ міровыхъ культуръ—въ твореніяхъ писателей, не только западной, но и русской литературѣ абсолютно неизвѣстныхъ — Глѣбова, Руданскаго, Свидзинскаго, Коцюбинскаго, Мирнаго, Кухаренко, Гулакъ-Артемовскаго, Стефаника, Бордуляка, и такихъ, что извѣстны лишь нашимъ присяжнымъ знатокамъ литературы, но по значенію своему могутъ быть отнесены только развѣ къ *dii minoris* (да и нѣкоторые изъ нихъ писали больше на языкѣ общерусскомъ—Гребенка, Квітка Основьяненко, Кулишъ).

Лучшія произведенія міровой литературы, по словамъ историковъ литературы малорусской, почти всѣ переведены на языкъ малорусскій. (Все краше з світової літератури вже перекладено на нашу мову), а это то все заключается въ нѣкоторыхъ драмахъ Шекспира, переведенныхъ Кулішемъ, Иліадѣ, Одиссеѣ и Антигонѣ, (Огієнко¹⁾) но вѣроятно знанія малорусскихъ историковъ литературы дальше этихъ произведеній и не идутъ.

И наука украинская можетъ быть поставлена, по словамъ историковъ малорусской культуры, наравнѣ съ западной наукой,—но тутъ положеніе историковъ стало болѣе затруднительнымъ—найти ученыхъ, писавшихъ на языкѣ малорусскомъ было невозможно, пришлось перечислять писавшихъ исключительно на языкѣ общерусскомъ²⁾, или зачислить въ ученые малорусскіе

1) Огієнко—Українська Культура, 111.

2) Въ історії літератури принципъ иной—тамъ перечисляються тільки писавшіє на языкѣ малорусскомъ, почему Гоголь, отшепенецъ, ни строчки на мѣстномъ нарѣччі не писавшій, къ малорусскимъ писателямъ не относится.

не малороссовъ по происхожденію (Антоновича—поляка, Орлая, Петрова), но, увы! списокъ этотъ учеными міроваго значенія не блещетъ.

Вотъ и весь балансъ великой самобытной малорусской культуры.

И вотъ такимъ образомъ барды великой и самобытной малорусской культуры, ея quasi историки, очутились въ положеніи очень комичномъ. Они ея *не нашли*, и не нашли по той простой причинѣ, что не умѣли (или не хотѣли) ея искать. То, что для нихъ представляетъ культуру самобытную—первобытныя этнографическія архаическаго типа *особенности въ общекультурномъ отношеніи малоцѣнныя*.

А между тѣмъ они проглядѣли все культурно—цѣнное, что создано малороссами, и проглядѣли потому, что на немъ нѣтъ *этикетки*. Это цѣнное—*русская культура, русское искусство, русская наука, русская музыка*, созданныя *совмѣстнымъ трудомъ главнымъ образомъ двухъ вѣтвей русскаго народа великорусскаго и малорусскаго* (при участіи конечно и другихъ живущихъ въ Россіи національностей, усвоившихъ русскій языкъ и нашу культуру).

И въ то время, какъ одна вѣтвь нисколько не беспокоится о томъ, что бы на предметахъ нашей культуры стояло—на однихъ *made in great Russia*, а на другихъ—*made in Russia little*, мѣстные украинскіе шовинисты кричатъ караулъ, насъ ограбили, *наше* выдаютъ за чужое.

Я люблю украинскую ночь, люблю малорусскую пѣсню, садокъ вишневыи коло хаты, но я люблю ихъ какъ туземецъ, какъ *свое родное*, безотносительно къ ихъ цѣнности—это *свое*, всей своей совокупностью вошедшее съ дѣтства въ мое сознаніе, оно срослось съ нимъ, оно мнѣ ближе и понятнѣе чужого, болѣе красиваго, эффектнаго, цѣннаго. Я люблю его *сердцемъ*, а не разумомъ, сознаніемъ.

Но украинская ночь стала всемірно извѣстной только по рисункамъ поэтическимъ Пушкина и перенесенная на палитру Куинджи. Народная пѣсня наша стала извѣстна міру только въ произведеніяхъ Глинки, Даргомыжскаго, Чайковскаго, Мусоргскаго, Римскаго-Корсакова, когда сырой матерьялъ получилъ обработку въ таинственномъ *горни таланта*, гдѣ одно кристаллизовалось въ цѣнные алмазы, другое отпало въ шлакъ.

Мы изучаемъ языки высоко-культурныхъ націй—французовъ, англичанъ, нѣмцевъ, итальянцевъ, для того, чтобы пріобщиться къ ихъ культурамъ. Языкъ русскій стали изучать на Западѣ только тогда, когда на немъ появились произведенія *міровыхъ* геніевъ—Пушкина, Гоголя, Достоевскаго, Толстого, Тургенева.

А для чего иностранецъ сталъ бы изучать малорусскій языкъ? Мы, говорятъ ширые украинцы, создадимъ великую культуру на нашемъ родномъ языкѣ. Но вѣдь пока на этомъ языкѣ нѣтъ ни одного произведенія мірового значенія, вѣдь какъ ни раздували славу батька Тараса, онъ все же остается лишь поэтомъ народнымъ, близкимъ и понятнымъ только своимъ—и мірового значенія имѣть не можетъ, поэтомъ такъ сказать этнографическимъ. А для того, чтобы читать въ подлинникѣ порнографію какого нибудь Винниченка—члена украинской директоріи, лепетъ разныхъ Маковѣевъ *et tutti quanti*, имена коихъ Ты только, Господи, вѣси, для этого едва ли кто рѣшится взять на себя трудъ изученіе языка малорусскаго, а тѣмъ болѣе жаргона Галиційскаго.

Дядя Чичикова былъ человѣкомъ умнымъ—онъ обѣщаль племяннику завѣщать ему свои двѣсти душъ, но только тогда, когда Чичиковъ пріобрѣтетъ собственнымъ трудомъ своихъ двѣсти. Всякое искусство интересуется міръ только тогда, когда оно изъ сферы безсознательной, исключительнаго подраженія, переходитъ въ сферу *творчества идейнаго*. Общерусское искусство, общерусская наука, русская музыка, уже находятся въ этой стадіи, это уже *новое слово*, и постолько оно интересуется міръ. А новымъ оно стало, пройдя горнила родныхъ талантовъ, воспринявшихъ мировую культуру, но не потерявшихъ отличительныхъ свойствъ своей національности русской—въ которой слились всѣ вѣтви нашего русскаго народа.

Еще одно послѣднее сказаніе.

Замѣчу, что въ малорусской вѣтви русскаго народа одно *общерусское* качество развито сильнѣе, чѣмъ у двухъ другихъ его вѣтвей, а одна способность, присущая вѣтви великорусской, у вѣтви малорусской, если не совершенно отсутствуетъ, то развита въ очень слабой степени. Это первое качество—*восприимчивость*; большое развитіе его у вѣтви малорусской зависитъ отъ меньшей сравнительно съ великороссами подвижности малоросса, большей обезпеченности его жизни; природа на одинаковыхъ по размѣру участкахъ земли даетъ ему больше, чѣмъ великороссу, и ему приходится меньше копошиться, не такъ не-

устанно трудиться, какъ жителю сѣверовостока, онъ такъ сказать привыкъ получать больше готоваго отъ природы, и потому менѣе склоненъ къ изобрѣтательности, происхождение которой лежитъ въ необходимости, въ желаніи пополнить силами природы недочетку личныхъ средствъ. Беря готовое у природы, малороссы болѣе великороссовъ склонны такое же готовое брать у человѣка.

Русскій народъ весь отличается замѣчательной воспріимчивостью. Воспріимчивость качество очень цѣнное, это залогъ прогресса. На первыхъ стадіяхъ развитія народъ воспринимаетъ сначала внѣшнія стороны чужихъ культуръ, какъ болѣе яркое, болѣе бросающееся въ глаза *par contraste* съ своимъ, болѣе понятное еще не окрѣпшему сознанію, малоопытности въ разборкѣ своего и чужого. На эту внѣшность съ жадностью бросаются неофиты—имъ кажется, что подражая до мелочей чужому одѣянію, они войдутъ тотчасъ въ число тѣхъ избранныхъ, что представляются имъ образцомъ всего новаго, лучшаго. Достаточно вспомнить нашъ XVIII в. и его галломанію. Ее высмѣивали не одни старовѣры, тяжелодумы, сроднившіеся съ своимъ, а и тѣ (достаточно указать на Н. И. Новикова), кто прекрасно понималъ родную отсталость и значеніе добытковъ чужой культуры.

Но условія этой воспріимчивости были иныя на сѣверо-востокѣ и юго-западѣ. Тамъ стимулы были только идейные и экономическіе, здѣсь къ нимъ присоединился и стимулъ политическій.

Здѣсь усвоеніе чужой культуры было условіемъ гражданскаго и политическаго полноправія, политической необходимостью.

Усвоеніе чужой культуры одними и отстаиваніе своего въ его *statu quo* другими, и было причиною, почему юго-западъ въ культурномъ отношеніи не развился самостоятельно, не создалъ самостоятельной культуры, оставшись при старыхъ архаическихъ формахъ культуры древне-русской, унаслѣдованной отъ древняго и средняго періодовъ нашей общей жизни.

Съ возсоединеніемъ юго-запада съ сѣверо-востокомъ исчезла и необходимость усвоенія чуждаго народной жизни и отстаиванія своего, въ его неподвижной стадіи; юго-западъ вошелъ въ колею общерусской политической и культурной жизни и *создалъ одинъ типъ культуры общерусской*—необходимость въ созданіи культуры мѣстной, сепаратной, сама собою отпала. Замѣчу еще, что при гипертрофіи воспріимчивости малорусская вѣтвь русскаго народа отличается атрофіей чувства *государственности*, сознанія государственнаго, и еще извѣстный знатокъ малорусской исторіи,

кіевскій профессоръ В. Б. Антоновичъ, котораго никто изъ щирыхъ украинцевъ не заподозритъ въ москалефильствѣ, въ концѣ своей жизни съ грустью признался, что малороссы народъ не государственный, они потому въ XVII ст., когда для этого явилась возможность, и не создали государства, что у нихъ это чувство государственности не было такъ развито, какъ у привычныхъ къ сплоченію великоруссовъ.

И лучшее доказательство этому попытки послѣдняго времени созданія въ Малороссіи самостійной государственной единицы *ad maiorem gloriam* Австро-Германіи.

Франція, Італія, Германія, только тогда стали сильны, когда отдѣльныя ихъ части государственно и культурно слились въ одну націю, и такое соединеніе было результатомъ глубокаго и *сознательнаго* развитія чувства государственности, яснаго сознанія необходимости такого сплоченія во имя интересовъ *всей націи*.

Наше расчлененіе на самостійныя республики результатъ сознанія *не нашего, а чужого*, выгодъ не нашихъ, а вражескихъ. Отстаивающіе вивисекцію единой Руси частью жалкіе честолюбцы, частью подкупленные провокаціонные агенты. А народъ къ политическимъ вопросамъ совершенно индифферентенъ, въ лозунгъ самостійная Украина онъ слышитъ одно ей понятное — *рапет et circenses*.

Ужъ если щирые украинцы, враги сознательные и наивно безсознательные не только ненавистнаго имъ Москаля, но и якобы возлюбленной своей Украины, такъ влюблены въ нѣмца, пусть вспомнятъ знаменитую троицу нѣмецкаго философа Гегеля, его формулу силлогизма — положеніе, отрицаніе, и новое высшее положеніе. А это высшее въ исторіи народовъ — *нація*. Отдѣльныя части выдѣляются въ самостоятельныя единицы, когда на это есть глубокія органическія причины — такъ выдѣлилась теперь Чехія, Сербія, Юго-Славія. Но здѣсь у насъ, въ Малороссіи, все — языкъ, бытъ и религія, культура, общность всѣхъ экономическихъ условий, неотразимо влекутъ всѣ вѣтви русскаго народа къ тѣсному единенію, единственному прочному залогу мощности всего русскаго организма и благосостоянія каждаго отдѣльнаго члена великаго въ прошломъ и, дастъ Богъ, еще великаго въ будущемъ Русскаго Народа.

Проф. И. А. Линниченко.

Малая Россія или Украина *).

Походъ татаръ на Русь въ XIII-мъ вѣкѣ былъ предпріятіемъ планомѣрнымъ. Превосходная шпіонская организація непрерывно освѣдомляла татарское правительство о политическихъ и объ экономическихъ обстоятельствахъ не только на Руси, но также въ Венгріи и Польшѣ,—въ тѣхъ странахъ, куда предполагали устремиться татары. Татарскіе шпіоны направляли иногда въ нужную сторону мѣстныя дѣла враговъ; напр., въ Венгріи они счумѣли возбудить междоусобіе и натравить на короля Бѣлу его подданныхъ, чтобы ослабить сопротивляемость венгровъ. Татары шли побѣждать навѣрняка.

Силы русскихъ князей, ослабленныя автономными стремленіями земель и городовъ, не могли, конечно, оказать татарамъ организованнаго стойкаго отпора. Татары быстро подчинили себѣ Русь: „все князи Русіи въ воли татарской покорени“, по выраженію лѣтописи. Главный ударъ былъ нанесенъ старому русскому центру, Кіеву. Французскій ориенталистъ Каенъ находитъ этому причину въ проискахъ агентовъ Венеціи, которая видѣла въ Кіевѣ торговаго соперника, урывавшаго у нея часть выгодъ отъ снабженія европейскими товарами Дальняго Востока. Кіевъ и все Приднѣпровье были обращены въ пустыню. Францисканскій монахъ изъ Перуджіо Іоаннъ де-Плано-Карпини, посланный папою къ татарскому хану въ 1246 г., т. е. шесть лѣтъ спустя послѣ Батыева нашествія, проѣхалъ юго-западную Русь отъ Владимира—Волинскаго до Кіева и затѣмъ вдоль Днѣпра до пороговъ, откуда свернулъ на востокъ въ Азію. Вотъ какъ онъ выразилъ свое впечатлѣніе отъ видѣннаго:

*) Статья А. В. Стороженко была напечатана въ журналѣ „Малая Русь“, Кіевъ 1918 г. № 1. Въ виду того, что № 1 этого журнала составляетъ уже теперь библиографическую рѣдкость, перепечатаемъ ее цѣликомъ, дополнивъ разборомъ нѣкоторыхъ другихъ статей, посвященныхъ тому же вопросу, статей, по ихъ разбросанности въ мѣстныхъ изданіяхъ, оставшихся неизвѣстными—автору.

«(Татары) пошли противъ Руссіи и произвели великое избиеніе въ землѣ Руссіи, разрушили города и крѣпости и убили людей, осадили Кіевъ, который былъ столицей Руссіи и послѣ долгой осады они взяли его и убили жителей города; отсюда, когда мы ѣхали черезъ ихъ землю, мы находили безчисленныя головы и кости мертвыхъ людей, лежавшія на полѣ; ибо этотъ городъ былъ весьма большой и очень многолюдный, а теперь онъ сведенъ почти ни на что: едва существуютъ тамъ двѣсти домовъ, а людей тѣхъ держать они въ самомъ тяжеломъ рабствѣ. Подвигаясь сюда, они сраженіями опустошили всю Руссію».

Покоривъ Русь, татары заняли своими ордами юго-восточные ея рубежи, отъ Волги до Днѣстра, и вклинились около Рылска и Воргола, Ахматовыми слободами, между Русью Приднѣпровскою и Русью Залѣсскою, т. е. лежавшею отъ Кіева за Брынскими или Брянскими лѣсами. Заглохли, залегли, опустѣли и травой поросли отъ одной Руси къ другой дороги прямоѣзжія, некольныя. Получилось двѣ Руси.

Вѣсти о расщепленіи Руси достигли вскорѣ до византійскаго императора и до вселенскаго патріарха константинопольскаго, у котораго въ іерархическомъ подчиненіи пребывалъ митрополитъ Кіевскій и всея Руси. Обоимъ приходилось сноситься съ Русью по дѣламъ церковнымъ.

Византійскіе греки замѣняли въ имени Русь звукъ У звукомъ О и называли русскихъ народомъ Россъ или Россами а страну ихъ—Россіей. Этому находятъ два объясненія: или греки по ученому домыслу, отождествляли Русь съ упоминаемымъ у пророка Езекииля народомъ Рошъ, или они переняли свое произношеніе отъ какого-нибудь тюрко татарскаго племени, напр. отъ хазаръ, ибо У тюрко-татарами выговаривается иногда какъ О. Греческое произношеніе въ именахъ Россъ и Россія, какъ ученое, принятое образованными людьми, было усвоено самою Русью и удержалось въ имени РОССІЯ до нашихъ дней.

Когда Русь, или по гречески Россія, распалась надвое, явилась необходимость отличать одну Русь отъ другой какимъ нибудь опредѣленіемъ. Византійцы воспользовались готовыми географическими терминами: страна Малая или Великая, унаслѣдованными ими отъ классической древности.

Древне греческіе и римскіе писатели опредѣляли страну, какъ *Малую или Меньшую* (въ сравнительной степени), не потому, что она занимала незначительную площадь, но, главнымъ

образомъ, въ томъ смыслѣ, что она являлась исконнымъ мѣсто-
 пребываніемъ или прародиной одного народа или нѣсколькихъ
 родственныхъ племенъ,—въ смыслѣ, такъ сказать, первоначаль-
 наго народнаго и государственнаго ядра. *Великими* назывались
 у классическихъ географовъ страны, колонизованныя населеніемъ
 изъ *малыхъ*, иначе говоря разросшіяся изъ нѣдръ страны-
 матери. Огромный передній выступъ на западѣ азіатскаго мате-
 рика, омываемый водами четырехъ морей: Чернаго, Мраморнаго,
 Архипелага и Средиземнаго, назывался Малой Азіей, какъ
 колыбель азіатскихъ народовъ, откуда „разсѣялъ ихъ Господь по
 всей землѣ“, по библейскому выраженію. Великой Греціей на-
 зывались греческія колоніи въ Сициліи и южной Италіи, по
 берегамъ Тарентскаго залива. Кельтское племя Бриттовъ населяло
 первоначально полуостровъ Арморика въ нынѣшней Франціи. Когда
 часть бриттовъ перебралась на сосѣдній островъ („bello illato ibi
 permanserunt atque agros colere coeperunt“, по выраженію Ю.
 Цезаря), то старую родину ихъ стали называть Малой Британіей
 (Britannia minor, нынѣ франц. Бретань) а новыя колоніи на
 островѣ—Великой Британіей (Britannia maior). Въ средніе вѣка
 по греко-римской традиціи, окрестности Кракова (позднѣйшія
 воеводство Краковское, Сандомирское и Люблинское) какъ древ-
 нѣйшее средоточіе польскаго племени, назывались Малой Польшей
 (Minor Polonia); Великая Польша (Major Polonia), — позднѣйшія
 воеводства Познанское и Калишское — являлись продолженіемъ
 польскихъ поселеній по р. Вартѣ на сѣверъ, къ Балтійскому морю.

Итакъ, освѣдомившись о происшедшемъ раздѣленіи Руси,
 патриархъ и императоръ начали называть искони имъ извѣстную
 Кіевскую, Приднѣпровскую, Русь — *Малою*, а Русь Залѣсскую,
 вновь представшую ихъ умственному взору,—Русью—*Великою*.
 Въ предѣлахъ Малой Россіи были расположены епархіи: Галицкая,
 Владиміръ-Волынская, Холмская, Перемышльская, Луцкая, Туров-
 ская (1347 г.). Въ Малой Россіи лежалъ г. Кіевъ, гдѣ издревле
 пребывалъ глава русской церкви, митрополитъ Кіевскій и всея
 Руси—(1354 г.). Императоръ Іоаннъ Кантакузенъ, обращаясь къ
 князю Любарту Гедиминичу и убѣждая его не домогаться
 учрежденія особой митрополіи малороссійской, говорилъ: „Ты
 знаешь, что такъ было установлено и указано съ той поры, какъ
 народъ русскій позналъ Бога и просвѣтился святымъ крещеніемъ,
 дабы былъ одинъ митрополитъ, кіевскій, для всей Россіи, какъ
 для Малой такъ и для Великой“.

Византійская терминологія привилась и на Руси. Галицко-Владимірскій князь Юрій II (+25. III. 1340 г.) въ латинской грамотѣ къ великому магистру нѣмецкаго ордена Дитриху отъ 20 Октября 1334 г. называетъ себя: *Dei gratia natus dux totius Russiae mporis* т. е. Божією Милостію прирожденный князь всея Малаы Руси.

Польскій король Крзиміръ III, Великій, овладѣвъ галицко-волинскими землями въ греческомъ письмѣ къ константинопольскому патріарху Филофею (1370 г.) усвояетъ себѣ титулъ короля Ляхи и Малой Руси.

Прошло три вѣка. Название „Малая Россія“ прочно держалось среди книжныхъ людей. Въ то же время русскій народъ не отказывался отъ своего народнаго имени и открыто называлъ себя русскимъ, когда представлялась къ тому надобность. Вспомнимъ, напр., одно мѣсто изъ Лямента (плача) Львовскаго ставропігiального братства (1609 г.): „Утяжени естесмо мы, *народъ Рускій*, отъ народа Полского ярмомъ надъ Египъскую неволю, же насъ лечъ безъ меча але горѣй нѣжъ мечемъ съ потомствы вгубляютъ, заборонивши намъ пожитковъ и ремесль обходовъ вшелякихъ, чимъ бы только человекъ живъ быти моглъ, того неволенъ русинъ ту у *рускомъ* Львовѣ“.

Топографическое название *Малая Россія* начало повторяться очень часто съ конца XVI-го вѣка, когда подъ давленіемъ воинствующей Уніи, русскіе поданные польскаго короля возобновили болѣе тѣсныя связи съ православнымъ греческимъ Востокомъ и когда такіе русскіе націоналисты, какъ Іовъ Борецкій, Іоаннъ Вишенскій и Петръ Сагайданный, выступили на защиту православія, пробудили южнорусское народное самосознаніе и дали починъ воссоединенія Руси.

Митрополитъ Миръ-Ликійскихъ Матфей пишетъ Львовскому братству, что ему даны патріархомъ константинопольскимъ полномочія относительно церковныхъ дѣлъ въ Малой Россіи и въ Московскомъ Царствѣ (1606 г.).

Авторъ „Зачапки“, направленной противъ Скарги, обращался съ своей рѣчью къ „благочестивымъ и православнымъ христіанамъ Малое Россіи“.

Патріархъ Теофанъ, уѣзжая изъ Кіева въ январѣ 1621 г., посылалъ въ грамотѣ свое благословеніе всѣмъ благочестивымъ христіанамъ въ Малой Россіи.

Исаія Копинскій подписался: епископъ и ексарха Малой Россіи (1625 г.) когда отправлялъ письма къ Михаилу Федоровичу и къ патріарху Филарету съ посланцами, которымъ поручилъ устно выразить этимъ лицамъ готовность православныхъ малороссіянъ признать надъ собою власть московскаго Царя.

По мѣрѣ паденія русскихъ началъ въ Галичинѣ и на Волыни названіе *Малая Россія* передвигалось постепенно къ Кіеву и на лѣвый берегъ Днѣпра.

Послѣ Переяславской Рады, въ грамотѣ Алексѣя Михайловича къ гетману Богдану Хмѣльницкому и ко всему войску Запорожскому о рожденіи царевича Алексѣя, отъ 9 февраля 1654 г., впервые появляется въ титулѣ московскаго царя древнее имя, данное греками исконной, первоначальной, Руси, „откуда есть пошла Русская земля“: царь титулуется „всея Великія и Малыя Русіи“ самодержцемъ. По выраженію переяславскаго протопопа Григорія Филоновича Бутовича, „Господь Богъ исполнилъ желаніе православія нашего еже совокупитися воедино Малой и Великой Россіи подъ единою великодержавнаго благочистиваго царя восточнаго рукою“.

Послѣ заключенія 26 апрѣля 1686 года такъ называемаго вѣчнаго мира между Россіей и Польшей названіе *Малороссія* закрѣпилось преимущественно за лѣвобережной ея частью и зя Кіевомъ съ окрестностями еще считавшимися за Россіей,—между р.р. Ирпенемъ и Стугной. На печати войска запорожскаго времени Мизепа (1690 г.) выгравирована, вокругъ традиціоннаго изображенія казака съ мушкетомъ, надпись: „Печать Малой Россіи Войска Его Царскаго Величества Запорозкого“.

Подъ именемъ Малороссіи страна пережила правленіе гетмановъ, реформы Екатерины II и Александра II. Всѣ учрежденія и законодательныя положенія, для нея предназначенныя, носили названіе малороссійскихъ, вплоть до малороссійскаго генераль-губернаторства, упраздненнаго въ 1856 г., и до малороссійскаго положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, 1861 г.

Параллельно этому, со времени вѣчнаго мира Россіи съ Польшею 1686 г., на правомъ берегу Днѣпра вырисовывается польская украинна, т. е. пограничная провинція или область польскаго королевства. Авторъ писанной по-латыни около 1660 года. Исторіи казацко-польской войны Самуилъ Грондскій объясняетъ:

„margo enim polonice kray; inde Ukraina, quasi provincia ad fines regni posita, что значить: „латинское margo (граница, рубежъ) по польски *край*, отсюда Украина, какъ бы область, расположенная у края королевства“.

Слова *украина*, въ качествѣ нарицательнаго, въ значеніи пограничья, пограничной мѣстности или области, и въ русскомъ, и въ польскомъ языкѣ вошло въ обиходъ съ очень давняго времени.

Въ Ипатьевской лѣтописи оно встрѣчается впервые подъ 1187 г. въ разсказѣ о походѣ на половцевъ, задуманномъ русскими князьями Святославомъ Всеволодовичемъ, Рюрикомъ Ростиславовичемъ и Владиміромъ Глѣбовичемъ. Половцы, предупрежденные черными клобуками, что „идутъ на ня князи Рустии“, бѣжали на противоположный отъ князей берегъ Днѣпра. Между тѣмъ наступила весна, и ледъ на Днѣпрѣ покрылся полыньями. Переправа сдѣлалась невозможною. Русскіе князья вынуждены были возвратить по домамъ. „На томъ бо пути разболѣся Володимерь Глѣбовичъ болѣстью тяжкою, ея же скончася. О немъ же *украина* много постана“. Смыслъ послѣднихъ словъ лѣтописи совершенная ясенъ: смерть Владимира Глѣбовича оплакивала не вся Русь, а пограничная ея область, которую онъ, какъ пограничный переяславскій князь, защищалъ отъ нападеній половцевъ.

Подъ 1213 г. та-же Ипатьевская лѣтопись сообщаетъ объ отобраніи Данииломъ Романовичемъ, княземъ галицкимъ, пограничныхъ съ поляками русскихъ городовъ, покоренныхъ передъ тѣмъ польскимъ королемъ Лешкомъ Казимировичемъ. „Данииль ѣха съ братомъ и прия Берестий, и Угровескъ, и Верешинъ, и Столпѣ, Комовъ, и всю Украину“. Не можетъ быть сомнѣнія что *украина* значить здѣсь: пограничная отъ поляковъ область Руси. Такимъ образомъ, въ приведенныхъ мѣстахъ Ипатьевской лѣтописи имѣемъ два пограничья тогдашней Руси: на востокъ отъ половцевъ, и на западѣ отъ поляковъ.

Но вотъ мѣсто Ипатьевской лѣтописи (1189 г.), гдѣ говорится уже о границахъ Галицкаго княжества: Ростиславъ Берладникъ „ѣха исъ Смоленска вборзѣ, и приѣхавшю же ему *ко украинѣ Галичкѣй*, и взя два города Галичкыи и оттоле поиде къ Галичю“. Аналогичное употребленіе слова *украина* находимъ и въ Первой Псковской лѣтописи. „И пришедъ тайне и взяша *съ украины* нѣколько Псковскихъ соль“ (1271 г.). „И посемъ Андрѣи съ Полочаны *изъ своея украины* пригнавше, (безъ вѣсти) повоеваше нѣколько селъ Воронежской волости“ (1348 г.).

Отъ существительнаго *украина*—пограничье, прилагательное *украинный* — пограничный; житель пограничья — *украинянинъ* или *украинникъ*. Напр. „приказали есмо своимъ *украиннымъ* княземъ... и инымъ своимъ княземъ и намѣстникомъ волостелемъ и всѣмъ своимъ *украинникомъ*“. (Отв. в. к. Ив. Вас. пап. гр. 1503 г.). „И почаша Ляховѣ ввевати около Холма и не взяша ничто же; избѣгли бо ся бяхуть въ городъ, занѣ вѣсть бяхуть подали имъ Ляховѣ *украинянь*“, т. е. русскіе жители окрестностей Холма, предупрежденные живущими на пограничьи поляками о наступленіи польскаго войска, сбѣжались въ Холмъ и, такимъ образомъ, избѣжали плѣна (Ип. 1268 г.).

Пересматривая сборники русскихъ и польскихъ актовъ за XV, XVI и XVII в., мы можемъ найти сотни примѣровъ употребленія приведенныхъ словъ въ указанномъ смыслѣ. Въ Московскомъ государствѣ существовали *украины* (пограничья) Мещерскія, Мордовскія, Рязанскія, Тульскія, Смоленскія, Литовскія. Великій князь Василій Ивановичъ, напр., пишетъ; „нашъ недругъ Жигимонтъ, король польскій, послалъ войско къ *украинному* пригородку къ Опочкѣ, а наши воеводы ноугородскіе съ ноугородскими людьми стояли въ нашемъ *украинномъ* городѣ на Лукахъ на Великихъ оберегали нашихъ *украинъ*“ (1517 г.). Особенно часто слово *украина* употребляется въ смыслѣ границы Московскаго государства съ татарской степью.

Литовскій великій князь Алдксандръ пишетъ валашскому воеводѣ Стефану IV „И тымы разы, ажъ Богъ дастъ, подближаемся тамъ *подъ украины* къ тымъ нашимъ панствомъ и оттутъ дастъ Богъ, выправимъ и шлемъ Тебѣ нашихъ пословъ“ (1496 г.).

Въ Польшѣ были свои *украины*—пограничья. Очень часто тамъ гдѣ можно бы ожидать слова *ukraina*, стоятъ *ugranicze* или *rogranicze*, что ясно показываетъ значеніе слова. Стефанъ Баторій разсылаетъ универсалы „*Wszystkim wobec i kazdemu z osobna, starostom, podstarosciem, dzierzawcom, Ksiazetom, panom i rycerstwu na ukrainie ruskiej, kijowskiej, wolynskiej, podolskiej i bractawskiej mieszkajecem*“ или „*Wszem wobec i kazdemu z osobna z starost naszych ukrainnych* (1578—1580 г.г.). У Стрыйковскаго находимъ слѣдующія мѣста: 1) *Albricht, mistrz Pruski, siestrzeniec Krolewski, czynie szkody na ukrainie Polskiej i Zmodzkiej ziemi* 2) *Pieniadze dawano potym z skarbu rotmistrzom jezdnyim ipieszym na ukrainie Moskiewska i tatarska*“. Рѣчь идетъ о пограничьи между польскою и жмудскою землей и о рубежахъ со стороны Москвы и татаръ.

Верещинский, бискупъ кievскій, озаглавливаетъ свою книжку!
„Droga pewna do predszego i stadnieyszego osadzenia w Ruskich Krainach pustyn Królestwá Polskiego iakotcz względem droznieyszej obrony wszystkiego ukrainnego polożenia od nieprzyjaciol krzyza swetego“. Въ этнографическомъ отношеніи Верещинскій считаетъ Кіевъ и прилегающее къ нему Приднѣпровье — землей русской (Ruska zlemie), но въ текстѣ книжки часто называетъ эту страну *украиной* вслѣдствіе ея положенія у края польскаго королевства, на пограничьи отъ татаръ.

Въ русскомъ языкѣ значеніе слова *украина*, въ смыслѣ пограничья, далекой и опасной пограничной области, удержалось до позднѣйшаго времени, въ особенности въ произведеніяхъ народной словесности, какъ южно-русской, такъ и сѣверно-русской. Въ разныхъ вариантахъ извѣстной пѣсни о Морозенкѣ рисуются такія картины:

Ой за ричкой за быстрою бѣется Морозъ изъ ордою,
Винъ бѣется, рубається, винъ у тее кохається.
Въ суботеньку проты недили изъ ордою стаяся,
А въ недилю проты понедилка въ неволю попався.
Ой вывели Морозенка на Савуръ—могилу,
Поглядае, Морозенко та на свою украину.
Ой ще своя украина, якъ макъ процвитае,
А чужая украина, якъ листь спадае.
Воны-жъ його а не были, а не въ чверти рубили,
Ой тильки зъ його молодого та живцемъ сердце взяли:
Прощай, прощай, то Морозенку, ты найславный казаче.
Ой за тобою, та Морозенку, та вся украина плаче.

Изъ контекста совершенно ясно, что *украина* здѣсь съ одной стороны — русскій пограничный край, „святорусскій берегъ“, который Морозенко защищалъ отъ татаръ, — онъ кажется Морозенку столь же прекраснымъ какъ цвѣтущій макъ: — съ другой стороны — край татарскій, нагоняющій на казака тоску и уныніе, какъ мрачный осенній день, когда падаетъ съ деревьевъ листь. Конецъ пѣсни совершенно совпадаетъ съ концомъ лѣтописнаго разсказа о смерти переяславскаго князя Владиміра Глѣбовича: тамъ: „о немже украина много постана“, здѣсь: „Ой за тобою та Морозенку, та вся украина плрче“. Князя и казака жители пограничья оплакивали въ первомъ случаѣ, какъ защитника отъ половцевъ, во второмъ отъ татаръ.

Въ „Древнихъ російскихъ стихотвореніяхъ собранныхъ Киршею Даниловымъ“, слово *украина* встрѣчается все въ томъ же значеніи.

Издавеча, издавеча во чистомъ полѣ,
Какъ *далѣе того на украинѣ*,
Какъ ѣдетъ, поѣдетъ добрый молодецъ,
Сильный могучъ богатырь Добрыня,
А Добрыня вѣдь—то, братцы, Никитѣвичъ.
И съ нимъ вѣдь ѣдетъ Торопъ слуга.

Второй примѣръ:

Въ Сибирской *на украинѣ*:
Во Даурской сторонѣ,
Въ Даурской сторонѣ—
А на славной на Амуръ рѣкѣ.

Очень любопытно, что великій русскій стилистъ И. С. Тур-геньевъ, обладавшій особеннымъ чутьемъ языка, нашелъ возможнымъ употребить слово *украина* въ его исконномъ, древнемъ значеніи.

Повѣсть „Бригадиръ“ начинается такъ: „Читатель, знакомы ли тебѣ тѣ небольшія дворянскія усадьбы, которыми, двадцать пять, тридцать лѣтъ тому назадъ, изобиловала наша великорусская *украина*?“

Тѣмъ временемъ въ Польшѣ шелъ процессъ перехода имени *украина* изъ нарицательнаго въ собственное. Чуть ли не первый шагъ въ этомъ направленіи сдѣлалъ французскій инженеръ Лавассеръ-де-Бопланъ, 17 лѣтъ пробывшій на польской службѣ въ южно-русскихъ степяхъ. Какъ иностранецъ, онъ лишенъ былъ, конечно внутренняго языковаго чутья и возможности понимать истинный смыслъ чуждыхъ ему словъ. Воеводства кievское, брацлавское и подольское, слывшія въ обиходной польской рѣчи *украиной*—пограничьемъ, онъ объединилъ въ одну страну l'Ucranie. Онъ описалъ ее въ сочиненіи, посвященномъ королю Яну Казимиру, и изобразилъ на картахъ. „Я осмѣливаюсь“,—пишетъ онъ въ посвященіи,—предложить В. К. В. описаніе этой обширной пограничной Украины, находящейся между Московіей и Трансильваніей“. Какъ инженеръ, Бопланъ не вникалъ въ историческіе и этнографическіе вопросы и не доискивался, какъ называлась искони эта страна.

По слѣдамъ Боплана пошли польскіе ученые и просто образованные люди, тѣмъ болѣе въ такую пору, какъ конецъ XVII го вѣка, когда русско-польскій вопросъ споръ склонялся не

въ пользу поляковъ. Поляки исторически стремились заглушить русскую стихію въ русскихъ людяхъ, сдѣлавшихся, волею судебъ, поданными польскаго короля. Теперь, когда часть Руси отпала отъ Польши по вѣчному миру 1686 г. и соединилась съ единс-
вѣрцами и единоплеменниками, стремленія поляковъ стали еще настойчивѣе. Они обрадовались случаю затереть самое имя Малой Россіи въ своихъ предѣлахъ и замѣнить его именемъ Украины. Мало по малу это имя прочно прикрѣпилось къ кievскому во-
еводству, получившему послѣ 1686 г. свой административный центръ въ Житомирѣ, но продолжало имѣть чисто топографическое значеніе. Сомнѣній въ принадлежности къ русской народности жителей Украины еще не возникало въ польскомъ обществѣ. Ми-
нуло сто слишкомъ лѣтъ, прошли ужасы гайдамачины, настали раздѣлы Польши, и вотъ когда польскіе ученые заговорили объ особой украинской національности. Имъ хотѣлось доказать, что русскихъ нѣтъ въ границахъ погибшей Польши, и что Екатерина II напрасно приказала вычеканить на медали въ память раздѣловъ: „отверженная возвратихъ“. Берлинскій профессоръ Александръ Брюкнеръ утверждаетъ, что впервые высказалъ взглядъ объ от-
дѣльности украинцевъ отъ русскихъ графъ Янъ Потоцкій въ книгѣ на французскомъ языкѣ, изданной въ 1795 г. подъ заглавіемъ: „Fragments historiques et geographiques sur la Scythie, la Sarmatie et les slaves“. Существованіе украинскаго народа графъ Потоцкій относить къ глубокой древности и причисляетъ къ украинцамъ лѣтописныхъ полянъ, древлянъ, тиверцевъ и сѣверянъ. Извѣстный основатель Кременецкаго лица Фаддей Чацкій въ книжкѣ: „O naswiska Ucrainy i poczatku kosakow“—выводитъ украинцевъ отъ *укровъ*, которые были будто бы дикой славянскою ордою (*horda barbarzynskich Slowican*), пришедшей на Днѣпръ изъ Заволжья въ первые вѣка по Р. Х. Выдумки польскихъ ученыхъ проникли на лѣвый берегъ Днѣпра въ умы образованныхъ малороссіанъ, но здѣсь встрѣтили горячій отпоръ со стороны автора „Исторія Руссовъ“ появившейся въ началѣ 1800-хъ годовъ и пріобрѣтшей вскорѣ чрезвычайную популярность въ Малороссіи. „Съ сожа-
лѣніемъ должно сказать“, пишетъ онъ—„внесены нѣкоторыя нелѣпости и клеветы въ самыя лѣтописи Малороссійскія, по нещастію, творцами оныхъ природными Русскими, слѣдовавшими по неосторожности безстыднымъ и злобнымъ Польскимъ и Ли-
товскимъ баснословцамъ. Такъ, напримѣръ, въ одной ученой исторіикѣ выводится на сцену, изъ древней Руси или нынѣшней

Малой Россіи новая нѣкая земля при Днѣпрѣ, называемая тутъ Украиной, а въ ней заводятся Польскими королями Украинскіе казаки, а до того будто бы сія земля была пуста и необитаема, и казаковъ въ Руси не бывало. Но видно г. писатель таковой робкой исторійки не бывалъ нигдѣ изъ своей школы и не видалъ въ той странѣ, называемой имъ Украиной, русскихъ городовъ, самыхъ древнихъ и по крайней мѣрѣ гораздо старѣйшихъ отъ его королей Польскихъ“.

Къ сожалѣнію, голосъ В. Г. Полетики, предполагаемаго автора „Исторіи Руссовъ“, скрывшагося подъ именемъ архіепископа Георгія Конискаго, мало кѣмъ былъ услышанъ. Польскія вліянія разными, едва уловимыми путями проникали въ чисто-русскую общественную жизнь. Самъ великій Пушкинъ поддавался обаянію Мицкевича:

Онъ между нами жилъ,
Средь племени ему чужого, злобы
Въ душѣ своей къ намъ не питалъ онъ, мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Онъ посѣщалъ бесѣды наши. Съ нимъ
Дѣлились мы и чистыми мечтами,
И пѣснями (онъ вдохновенъ былъ свыше
И съ высоты взиралъ на жизнь).

Мицкевичъ мыслилъ Малую Русь—Украиной польскаго королевства, гибель котораго жгучею скорбью пронизывала патріотическое сердце поэта. Естественно, что и въ пѣсняхъ Пушкина, вылившихся въ пору общенія съ Мицкевичемъ, встрѣчаются такіе стихи:

За то завидныхъ жениховъ
Ей шлетъ Украина и Россія.
.....
Украина глуха волновалась.
.....
Храня суровость обычайну,
Спокойно вѣдалъ онъ Украйну
.....
Стыдясь, отвергъ вѣнецъ Украйны.
.....
О, еслибъ вѣдала она,
Что ужъ узнала вся Украйна.
.....

Но независимой державой,
Украинѣ быть уже пора.

.....
Тиха украинская ночь.

.....
Теперь приводятъ эти стихи, какъ доказательство, что Пушкинъ признавалъ существованіе особой страны—Украины—и отдѣльной отъ русской народности украинской, Но въ той же „Полтавѣ“ можно найти и иные стихи:

Предъ бунчукомъ и булавой
Малороссійскаго владыки.

.....
И Малороссіи печальной освобождались ужъ полки.

.....
Выбирая то или другое имя — Малороссіи или Украина, — поэтъ руководствовался, главнымъ образомъ, требованіями стихосложенія. Сущность его историческаго взгляда другая: онъ любовался тою единою и могучею Русью, какую выковала историческая ея судьба.

И въ искушеніяхъ долгой кары,
Перетерпѣвъ судьбы удары,
Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

Въ первой четверти XIX-го вѣка появилась особая „украинская школа польскихъ ученыхъ и поэтовъ, давшая чрезвычайно талантливыхъ представителей. К. Свидзинскій, С. Гоцинскій, М. Грабовскій, Э. Гуликовскій, Б. Залесскій, и многіе другіе продолжали развивать начала, заложенныя гр. Я. Потоцкимъ и Э. Чацкимъ, и подготовили тотъ идейный фундаментъ, на которомъ создалось зданіе современнаго намъ украинства. Всѣми своими корнями украинская идеологія выросла въ польскую почву.

Теперь воздухъ насыщенъ украинскимъ туманомъ. Но все-таки глядитъ отовсюду Малая, исконная, Русь, и сіяетъ золотыми куполами Кіевъ. А старый кіевлянинъ М. А. Максимовичъ говоритъ такъ: „Никуда не идетъ Россія отъ востока до запада, отъ сѣвера и полудня своего, для молитвы и святыхъ воспоминаній, кромѣ Кіева. Цѣлыя тысячи Русскихъ, отложивъ житейское попеченіе, идутъ набожно поклониться первымъ праведникамъ—святымъ угодникамъ Печерскимъ и святой главѣ равноапостольнаго просвѣтителя Россіи; идутъ побывать на тѣхъ святыхъ

мѣстахъ, откуда идетъ Русская земля, — у той величественной рѣки, гдѣ приняла она святое крещеніе,—на тѣхъ горахъ и удоляхъ, гдѣ раскрывалась богатырская юность ея, и гдѣ древняя жизнь Руси оставила намъ неистлѣнныя мощи первыхъ поборниковъ нашего православія, да живое олово преданія—въ завѣтъ будущаго своего величія... И нигдѣ такъ живо не чувствуешь древняго величія Руси, какъ въ Кіевѣ, глядя на его святыя храмы, высоты прекрасныя. Источникъ нашей древней жизни Кіевъ есть и главное мѣсто живѣйшихъ о ней воспоминаній, главный хранитель нашего прошедшаго“.

По новѣйшимъ діалектологическимъ изслѣдованіямъ, русскій языкъ имѣетъ 19 говоровъ; отличающихся другъ отъ друга и произношеніемъ звуковъ, и словарными особенностями. Повторилось бы столпотвореніе вавилонское, ести бы на основѣ подбора въ каждомъ изъ говоровъ несходнаго съ другими и пополненія недостающаго изъ иностранныхъ языковъ образовалось 19 литературныхъ языковъ и 19 мѣстныхъ литературы. Всякая культура сдѣлалась бы невозможною.

О неограниченномъ господствѣ нарѣчій мечталъ только Копитаръ, который ненавидѣлъ Россію и всегда отзывался о ней рѣзко и несправедливо, не желая ей успѣховъ не только въ подвигахъ военно-политическихъ, но даже въ области литературы и науки. Мечты Копитара не сбылись, и пока живъ еще великій и богатый литературный русскій языкъ, то наши надежды не потеряны. Украинскій туманъ долженъ разсѣяться, и русское солнце взойдетъ.

А. Стороженко.

О названіи „Украина“ существуетъ уже нѣсколько работъ въ литературѣ Русской, Польской и Малорусской.

Въ польскомъ журналѣ „Rús“ этому вопросу посвящены статьи Равиты-Гавроньскаго „Nezwa Ukrainy, je j poczatek i charakter (на болѣе раннее сочиненіе Чацкаго, о nazwisku Ukrainy i poczatku kozakow—указываетъ въ текстѣ А. В. Стороженко).

Авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1. Названіе Украина въ хронологическомъ порядкѣ означаетъ первоначально только *пограничную полосу земли*, лежащую вдоль границы татарской и волынской, или на пограничьи воеводствъ Кіевского, Брацлавскаго и Подольскаго; такимъ образомъ въ номенклатурѣ Рѣчи Посполитой была не одна украина

а нѣсколько (Андрей Любенецкій говоритъ о трехъ украинкахъ—литовской, польской и кievской еще въ началѣ XVII ст. Бернардъ-Ваповскій говоритъ объ Украинѣ Подольской. Еще яснѣе (ибо на языкѣ польскомъ) выражается законодатель въ актѣ сейма 1585 г. „propozycie byly... azeby, w celu obrony od Tatar, ukrainy Padołskieј potknac i zamkow nabudowac“. Название Украина со временемъ расширяется отъ понятія пограничья до понятія цѣлой провинціи, и эти два понятія такъ перемѣшиваются, что иногда трудно ихъ различить.

Въ такомъ двойномъ значеніи употребляетъ это название еще въ первой четверти XVII в. Станиславъ Жулкевскій, гетманъ Б. К.; онъ знаетъ еще Украину Кіевскую, хотя подъ этимъ названіемъ понимаетъ уже не пограничье только, а цѣлую обширную провинцію.

Старовольскій еще въ половинѣ XVII ст. говоритъ о плодородіи *Подольской* Украины.

2. Название Украина не включаетъ въ себя никакого понятія этнографическаго. Правда, мы встрѣчаемъ название „украиники“, „люди украинные“, „подданные пограничные“, но это обозначеніе относится не къ понятію народности, а только мѣстожителства (р. 44—45).

Въ 1917 г. въ Винницѣ издана брошюрка „Д-ръ Богданъ Барвінскій. Звідки пішло імя Україна“. Авторъ начинаетъ съ заявленія, „что съ того времени, какъ народъ Московскій (sic) присвоилъ себѣ историческое имя нашего народа: Русь, Русскій, это имя не можетъ уже быть исключительно собственностью нашего народа. Но онъ самъ нашелъ себѣ новое название столь же древнее, какъ и прежнее—свои земли сталъ называть Украиной, а себя народомъ украинскимъ“.

И вотъ авторъ всячески старается доказать, что название Украина терминъ не географическій, а этнографическій, что это имя замѣнило старое название Русь, для доказательства этого положенія не останавливается ни передъ какими передержками, вкривь и вкось толкуя совершенно ясныя показанія источниковъ.

Ему кажется, что населеніе Малороссіи, чтобы его не смѣшивали съ ненавистной Москвой, Московщиной (для щирыхъ украинцевъ это слово бранное), дало себѣ новое этнографическое имя. Но съ авторомъ случилось тоже самое, что съ древнимъ еврейскимъ пророкомъ. Только въ обратномъ смыслѣ—тотъ поѣхалъ проклинать, а сталъ благословлять. Этотъ рѣшилъ бла-

гословить Малороссовъ новымъ народнымъ именемъ, доказывающимъ отличіе народа южно-русскаго отъ народа Русскаго сѣверо-востока, а приводитъ факты, убѣдительношмъ образомъ доказывающіе единоплеменность Русскаго народа на всей огромной территоріи нашего государства.

Такъ авторъ приводитъ прозкъ раздѣла Польши 1657 г. „А договорено ся де у Богдана Хмельницкаго съ Ракоцею Венгерскимъ на томъ: города по Вислу рѣку и въ которыхъ жили *русскіе люди* благочестивые и церкви были“ А. Ю. и Зап. Россіи, т. III, р. 557).

Приводя статьи, на которыхъ Дорошенко поддался „турскому“ (турецкому) салтану, г. Барвинскій выбрасываетъ изъ документа очень существенное мѣсто: въ 9-ыхъ. Русскій народъ раздѣлился нынѣ въ различныя страны людей, *а держитъ едину вѣру; и ту же со Греки не токмо въ сихъ странахъ, но и иныхъ предѣлахъ и по границахъ* (А. Ю. и Зап. Россіи т. IX р. 167).

Въ томъ же актѣ (р. 169) могъ бы прочесть письмо архимандрита Кіево-Печерскаго монастыря Иннокентія Гизеля къ великому государю: „Что ваше царское пресвѣтлое величество изволило о насъ богомольцевъ своихъ и о сей святой Лаврѣ, и о всѣхъ православныхъ въ *Малой Россіи* церквахъ Божіихъ и о всемъ православіи на сѣздахъ и на договорахъ промыслъ и оберегованіе незабочно и прилежно творити, смиренно припадающе, бью челомъ... не восхоцетъ насъ и всея свытыя лавры и всего въ *Малороссіи* православавія предати“...

Изъ сего слѣдуетъ совершенно ясно 1), что по происхожденію жители Малороссіи считали себя такими же русскими, какъ и жители всѣхъ областей, заленныхъ народомъ русскимъ, вѣры православной. 2) Что названіе Украина равносильна наименованію Малая Русь—эти термины употребляются постоянно, какъ синонимы.

3) Что термины Украина и Малая Русь термины не этнографическіе, а исключительно географическіе.

Жители губ. Тульской называютъ себя Туляками, Самарской—Самарцами, Русскіе Сибири—Сибиряками, Московской—Москвичами, Для ученыхъ пошиба Барвинскаго изъ такого чисто географическаго обозначенія вытекало бы, что это представители разныхъ племенъ, а не Русскіе по происхожденію.

Г. Барвинскій очевидно актовъ Южной и Западной Россіи какъ слѣдуетъ не читалъ, иначе онъ бы нашелъ въ нихъ, (т. IX р. 168, полъ 1669 г.) письмо Петра Дорошенка къ архіепископу Черниговскому Лазарю Барановичу слѣд. содержанія:

„Напомянуть милость твоя изволилъ, что *лучше бѣ Россія не дѣлилась*, а подѣ единымъ православнымъ монархомъ пребывала; не о чемъ иномъ и я теплѣ учелъ бы промыслити, только чтобъ дѣло въ отчизнѣ успокоити подѣ властію православнымъ въ единомъ совѣтѣ, *а не врозни украиннѣ пребывати*“.

Но такое чрезвычайно характерное заявленіе гетмана малорусскаго такимъ сепаратистамъ, какъ г. Барвинскій конечно, не на руку, и онъ его въ актахъ не замѣтилъ разсчитывая быть можетъ, что и другіе его тамъ не найдутъ.

Наконецъ, укажемъ еще одно мѣсто источника, которое привелъ и самъ г. Барвинскій—это инструкция Петра Дорошенка посольству Запорожцевъ:

„Митрополиту Кіевскому, абы того, котораго всѣ духовные и свѣцкіе Русскаго Православнаго Украинскаго Народу станы з Гетманомъ и войскомъ и войскомъ Запорожскимъ волною Елекцією оберуть пастыремъ потвержано“.

Г. Барвинскій выводитъ изъ этого „тожсамость імен Русь і Украина“. Да, но не въ томъ смыслѣ, котораго онъ здѣсь напрасно ищетъ,—а въ смыслѣ *народа Русскаго*, живущаго въ области Украины. Повторяемъ опять—одинъ терминъ племенной, другой географическій, территоріальный.

Какъ и почему понятіе пограничья (границы Русскихъ Земель) получило значеніе болѣе обширной территоріи скажемъ нѣсколько ниже.

Совершенно не научны, а съ филологической стороны даже поразительно невѣжественны статьи и доклады С. П. Шелухина о названіи Украина. Въ подтвержденіе своихъ историческихъ и узко-шовинистическихъ тенденцій Шелухинъ пытается доказывать, что названіе Украина происходитъ отъ слова кроить, отдѣлять: «слово Украина произошло отъ слова „краяти“ „украйти“ кроить, рѣзать, отъ большого куска откроить, которое употребляется напр., въ свадебныхъ пѣсняхъ, относящихся еще къ дружинному періоду.

„Дружко коровай крае
золотій ножикъ має“.

его названіе Украина означаетъ, что то отдѣльное, самостоятельное, ни отъ кого независимое. О нелѣпости такого производства распространяться нечего,—выходило бы, что, кто-то еще въ очень отдаленныя времена, предсказалъ отдѣленіе, самостійность, Малороссіи (то, чего такъ добиваются г.г. Шелухины). Польша, напр., такъ дорожившая богатыми (медомъ и млеко́мъ), текущими русскими землями, сама де названіемъ „Украина“ отдѣлила ихъ отъ себя. Замѣчательно, что г. Шелухинъ не нашелъ въ своемъ нелѣпомъ толкованіи происхожденія названіе Украина поддержки даже у лицъ, научный авторитетъ которыхъ стоитъ въ его глазахъ выше облака ходячаго, у проф. Грушевскаго и проф. Крымскаго. Но увы оба ему измѣнили и оказались на сторонѣ его противниковъ.

Вотъ что пишетъ проф. Грушевскій (Исторія Украины-Русь т. I р 2, прим. 1-ое) въ староруськихъ часахъ слово „Україна“ уживается въ загальнѣмъ значенніи погранича (Ипат. літ. 439, 447, 490, 586). Въ XVI в. назва спеціалізується прикладаючися до середняго Подніпровья, що з кінцем XV в. стає таким небезпечним, в виимкові обставини поставленим, на вічні татарські напади виставленим пограничем. З сим іменем вв'язується понятя про ті виимкові обставини, в яких починають крісталізуватися ферменти народної опозиції, і воно пріростає вкінці до сих остатніх.

Тоже самое говоритъ и филологическій авторитетъ г. Шелухина проф. Крымскій, „Украиною попереду звалась не вся малоруська земля, а самі пограничні краї, которі були близчі до половців, а потім до татар, ті краї де потім була казачина“ (украинская грамматика, выпускъ 1-ый, р. 21).

Разбору статей Шелухина мы посвятили двѣ статьи: „Что такое Украина“ и „Еще одно послѣднее сказанье“ (отповѣдь на отвѣтъ Шелухина, оставшагося глухимъ къ самымъ неопровержимымъ доказательствамъ) въ «Одес. Нов.» за 1908 годъ 7/IX и 24/IX (отвѣтъ г. Шелухина мнѣ въ «Од. Нов.» 14 сентября 1908 г. къ вопросу о названіи «Украина».

Въ отвѣтъ г. Шелухину мы указали, какимъ путемъ названіе пограничья, границы, съ теченіемъ времени расширилось до понятія области («Од. Нов.» 7 сентября 1908 г.); мы встрѣчаемъ въ источникахъ названія—украина польская, литовская, московская, псковская и т. д., и это названіе обозначало только одно—порубежье, пограничье, пограничные города, пограничныя мѣста.

Такимъ образомъ названіемъ Украина всегда обозначалось только граничная область (марка) какого-нибудь государства (Польшы, Литвы, Москвы), какой-нибудь земли.

Самостоятельное значеніе для обозначенія цѣлаго края это наименованіе получило лишь въ 17 ст., и мы можемъ опредѣлить путь этого территоріальнаго расширенія и спеціальнаго при-мѣненія названія «Украина».

Польское правительство строило рядъ концентрическихъ крѣпостей на южныхъ и юго-восточныхъ границахъ государства —города украинные. Когда мѣстность впереди этихъ крѣпостей, какъ уже болѣе безопасныхъ отъ татарскихъ набѣговъ, стала заселяться, выдвигался впередъ новый рядъ такихъ же концентрическихъ, тоже украинныхъ, крѣпостей и т. д. Такимъ образомъ вся обширная мѣстность отъ перваго ряда такихъ крѣпостей и до послѣдняго стала называться украинной (предикать), или просто „украиной“.

И вотъ, несмотря на всѣ старанія, ни г-г. Шелухину, Барвинскому и всѣмъ какіе ни на есть, самостійникамъ, найти народности, племени украинскаго, отличнаго по происхожденію отъ народа русскаго, не удалось.

Какъ древле Поляне, Сѣверяне, Новгородцы, Вятичи, Радимичи, Дулѣбы, Кривичи, Древляне, Дреговичи, всѣ одинаково, гдѣ бы они ни жили, составляли отдѣльные кланы (tribus) одного общерусскаго народа, такъ и теперь Малороссы, Великороссы и Бѣлороссы отдѣльныя вѣтви одного народа Русскаго.

Я понимаю еще чужихъ, враговъ, сѣющихъ котору (вражду) среди насъ для своихъ личныхъ цѣлей; въ борьбѣ теперь стали пользоваться всѣми средствами, матеріальными и моральными для побѣды надъ непріателемъ, до удушливыхъ физическихъ и нравственныхъ газовъ включительно. Но свои, сѣющіе вражду между своими, во имя мелкаго личнаго шовинизма, предатели и враги своего народа и своего прихода. Когда-то мы въ школѣ учили: *Concordia res parvae crescunt, discordia vero dilabuntur*. Но и это классическое изрѣченіе вмѣстѣ съ многими забытыми словами исчезло изъ памяти тѣхъ, кто не доучился или забылъ то, чему учился.

Проф. И. А. Линниченко.

Русскія начала въ русской Галиціи.

I.

Древнѣйшее извѣстное намъ названіе организованной территории позднѣйшаго Галицкаго княжества — Червенскіе города (отъ города Червена, въ историческую эпоху потерявшаго свое значеніе, которое онъ имѣлъ раньше, какъ, очевидно, главный городъ области).

Это названіе — источникъ средневѣковаго иностраннаго обозначенія *Russia rubra* (на картахъ съ XV вѣка — изъ неправильнаго толкованія значенія имени Червень). Болѣе позднее названіе (лѣтописное) — Галицкая земля — по главному городу области Галичу, Галицкое княжество.

Съ XIII ст. имя Русь переходитъ и на Галицкое княжество. Данииль уже именуется себя королемъ Русскимъ. *Rex Russiae* именуется себя и Юрій Львовичъ, а его братъ только *Dux Ladomiriae* т. е. названіе *Russia* примѣняется къ территории стараго Галицкаго княжества.

Съ XIV ст. Галицкіе князья называютъ себя: *Dux Russiae*, *Dux Terrae Russiae*, *Galicie et Ladomirie*, *Dux et dominus Russie*, а съ 1335 г. *Dux totius Russie Mynoris*. Грамоты Константинопольскаго патріарха называютъ эту область *Μικρα Ροσία*, Малая Русь.

По смерти послѣдняго князя всей Малороссіи Болеслава — Юрія, бояринъ Детко, правившій Малороссіей именуется себя *Prouvisor seu Capitaneus Terre Russiae*¹⁾.

Предикатъ *малая русь* имѣлъ значеніе исключительно отличія областей южныхъ отъ сѣверновосточныхъ, князья которыхъ усвоили себѣ титулъ князей *великихъ*, какъ преемники великихъ князей Кіевскихъ. Но характерно то, что старыя пле-

¹⁾ Подробности въ нашей статьѣ „Замѣчанія на соч. Режабка“ Юрій II, послѣдній князь всей Малороссіи, въ сборникѣ Академіи Наукъ „Болеславъ — Юрій II“.

менные названія—Хорватовъ, Уличей, Тиверцевъ, Русско-славянскихъ племенъ населенія Галицкой земли, исчезли такъ быстро. Ихъ покрыло общее имя *Русь*, у всѣхъ русско-славянскихъ племенъ замѣнившее старыя племенные названія отдѣльныхъ вѣтвей русскаго народа.

Названіе Малая Русь въ Галицкой области не удержалось, оно перешло на юговосточныя земли старыхъ русскихъ княжествъ, а здѣсь осталось одно названіе Русскій, русская вѣра.

Въ латинскихъ источникахъ русскіе называются то Russi (regnum Russiae), то Rutheni.

Любопытная судьба этого названія. Присоединивъ Галицію, вслѣдствіе недостаточнаго знакомства русской дипломатіи XVIII вѣка съ этнографическимъ составомъ ея населенія, австрійскіе дипломаты старались доказать, что населеніе Галиціи — племя особое, отличное отъ русскаго, изъ боязни, что *русское* населеніе станетъ тяготѣть къ Россіи.

Въ этомъ отношеніи интересенъ запросъ, сдѣланный намѣстникомъ Галиціи гр. Стадіономъ русской депутаціи „Sind de Russen odler Ruthenen, denn wenn sie Russen sind, sind mir die Polen lieber“ и русская депутація, ясно видѣвшая, къ чему клонить графъ, отреклась отъ имени Русскій.

Изъ средневѣковаго названія Rutheni австрійскіе дипломаты выковали названіе—Русины—этимъ названіемъ населеніе Галиціи отмежевывалось и отъ русскихъ вообще, и отъ малороссовъ.

Галицкая Русь *Украиной себя никогда не называла и не называетъ*. По словамъ Брикнера (s. Hr. Potockiego prace i zaslugi naukowe, Warszawa) 1911 р. 59, названіе украины (Galbo Matorusi) употреблено впервые Потоцкимъ 2 его chroniques, memoires et recherches pour servir a l'histoire de tous les peuples slaves, W. 1793. Украина просто означаетъ границу (украина польская, литовская — т. е. граница съ Польшей, Литвой, Москвой; украинные города—пограничные). Расширеніе этого названія произошло слѣдующимъ образомъ. Постройкой пограничныхъ замковъ границы расширились—населеніе выдвигалось дальше подъ защитой укрѣпленныхъ пунктовъ. Новыя укрѣпленія опять расширяли эту границу, и такимъ образомъ старая граница начинаетъ включать въ себя уже цѣлыя области, и Украина изъ *общаго* названія (граница Литовская, Татарская, Волошская) переходитъ въ наименованіе области. Воеводства

Кіевское, Брацлавское, ¹⁾ Подольское не раньше конца XVI ст. начинают называться Украиной, и однако, население такого названія не употребляетъ, испоконъ вѣка именуя себя *рускими*.

Названіе Русины введено официально гр. Стадіономъ съ 1848 г.; въ 1851 г. Сафиръ пишетъ письмо гр. Стадіону, помѣтивъ его „три года послѣ изобрѣтенія Русиновъ“.

Татарское нашествіе много содѣйствовало укрѣпленію *русского* сознанія въ Галицкой области. Запустѣніе южно-русскихъ областей послѣ татарскаго погрома не подлежитъ сомнѣнію, какъ бы его не пытались опровергнуть нѣкоторые историки. Достаточно сослаться на извѣстное свидѣтельство, очевидца «Плано Карпини» «Жителей вездѣ мало (въ Волынской и Кіевской земляхъ), они истреблены монголами, или отведены ими въ плѣнъ».

Изъ разоренныхъ татарами областей населеніе разбѣжалось по разнымъ направленіямъ въ области, представлявшія большую безопасность отъ татаръ, на сѣверо-востокъ и на западъ, въ область Галицкаго княжества, хотя и подпавшаго власти татаръ, и платившаго татарамъ дань, но, благодаря удаленности отъ орды, и ловкой политикѣ Галицкихъ князей, не чувствовавшей столь непосредственнаго гнета татарской силы, какъ другія южнорусскія области. Бѣженцами изъ татарскаго плѣна заполняются Галицкіе города (какъ Холмъ, по описанію лѣтописца). Этотъ притокъ населенія укрѣпилъ *общерусское* сознаніе русскаго населенія Галиціи.

Сознаніе это еще болѣе укрѣпилось послѣ перехода (завоеванія) Галицкой Руси Польшей. Разница въ вѣрѣ, языкѣ, бытѣ, потеря правъ политическихъ и части гражданскихъ населенія Галиціи, а позже и усилія всяческими способами ввести среди русскаго православнаго населенія католицизмъ, сплотило русское населеніе и обратили его взоры на далекую Москву, единовѣрную и единоплеменную — о воссоединеніи съ остальной Русью мечтаютъ столѣтіями Галицкіе русскіе, *иначе какъ русскими себя не называвшіе*.

¹⁾ См. Rawita - Gawrónski Nazwar Ukrainy (Rus, 1911, I). Малая Русь, Кіевъ, 1918 I, (рядъ статей) и (нашу полемику съ С. П. Шелухинимъ). „Что такое Украина“, „Еще одно послѣднее сказаніе“ О. Н. 1908 г. Брошюра Б. Барвинскаго, „звѣдикъ пішло імя Украина“, тенденціозна и передергиваетъ факты съ безнадежной цѣлью доказать, что понятіе Украины терминъ этнографическій, а не территориальный.

Древне-русскія княжества—государства еще въ лѣтописную эпоху сознавали свое племенное единство, сознавали себя членами одного русскаго племени; *Русскими, Русью*, единой русскою землею, сознавали себя въ отношеніи иноплеменниковъ всѣ обитатели какъ близкой къ Кіеву, матери городовъ русскихъ, Сѣверщины, такъ и отдаленные отъ нея Новгородцы, Рязанцы, Галичане.

Отдѣльныя княжества, политически самостоятельныя, связывало въ одно цѣлое не только борьба съ внѣшними врагами, но и цѣлый рядъ разнообразныхъ нитей — общій для всѣхъ княжескій родъ (развѣ мнѣ нѣтъ мѣста въ русской землѣ, спрашиваетъ обдѣленный наслѣдствомъ князь), общій языкъ для всѣхъ, не только литературный, какимъ писаны дошедшія до насъ книги Кіевскія, Новгородскія, Галицкія, Смоленскія, но и языкъ живой — дѣленіе на нарѣчія—великорусское-малорусское, бѣлорусское, явленіе позднѣйшаго времени. Общая для всѣхъ православная, принятая изъ Византіи, религія, духовенство, подчиненное одной центральной іерархіи — цареградскому патріарху внѣ Руси, и Кіевскому митрополиту внутри ея. Общій бытъ съ мѣстными его разновидностями; постоянныя то военныя, то мирныя (торговыя, экономическія) сношенія, поддерживали постоянно общее *національное* сознание — «Русская земля уже за шоломомъ еси», съ грустью восклицаетъ сѣверный князь, идущій въ походъ на Половцевъ. Невзгоды Русской земли воспѣваетъ пѣвецъ „Слова о полку Игоревѣ“.

Это сознание національнаго единства, поддерживаемое общностью языка и религіи, живетъ и не умираетъ въ теченіи ряда столѣтій и въ такихъ русскихъ областяхъ, которыя очень рано политически были оторваны отъ общерусскаго единства, и чѣмъ сиротливѣе чувствовали себя такія отшибленныя части, чѣмъ труднѣе имъ жилось въ новыхъ гражданскихъ и политическихъ условіяхъ, тѣмъ сильнѣе звучала въ нихъ эта нота національнаго единства со всей Русью, тѣмъ больше обращались ихъ молящія взоры къ окрѣпшимъ и объединившимся частямъ *своей* Руси, отъ которой умаленные въ своихъ политическихъ, религіозныхъ и гражданскихъ правахъ ожидали защиты и спасенія.

Одной изъ первыхъ отъ общерусскаго тѣла была оторвана Русь Галицкая, Галицкое княжество. Болѣе пяти вѣковъ оно живетъ подъ чужой политической властью, и, несмотря на всѣ

усилія чужихъ владыкъ, а въ послѣднее время и своихъ ренегатовъ, или попитическихъ утопистовъ, не потеряла сознанія своего общерусскаго единства.

1340 г. окончивается самостоятельное существованіе Галицко-русскаго княжества. Съ этого времени политическая его исторія часть исторіи Польши. Вопросами нашей исторіи остаются въ ней русскія начала, русскіе элементы, поскольку они тамъ переживали, а вѣдь Галицкая Русь болѣе 4 вѣковъ находилась подъ властью Польши и полтора столѣтія подъ властью Австріи, и поэтому колонизація и германизація должны были пустить здѣсь особенно сильныя корни. Галицкая Русь оставалась подъ чужой властью на два съ лишнимъ столѣтія больше, чѣмъ остальные русскія области, отошедшія сначала къ Литвѣ, а лишь съ 1569 г. къ Польшѣ — положеніе русскихъ областей подъ Литвой кореннымъ образомъ отличалось отъ положенія областей подвластныхъ Польшѣ. „А мы старины не рухаемо, а новизны не вводимо“, было политическимъ принципомъ Литовскихъ князей. Русскія области подъ Литвой были феодальными владѣніями, сохранившими значительную долю автономіи, свою религію, свой языкъ, тѣмъ болѣе, что этотъ русскій языкъ былъ тамъ и языкомъ государственнымъ. И однако, несмотря на почти шестивѣковую чужеземную власть, Галицкая Русь остается *русской*—въ ней живутъ основные старыя элементы народа — языкъ, бытъ и религія. Последнее можетъ подвергнуться нѣкоторому сомнѣнію т. к. въ Галицкой Руси (за исключеніемъ Буковины) православныхъ если не десятки всего, то все же только сотни, остальные уніаты. Но вѣдь унія въ дѣйствительности ближе къ православію, чѣмъ къ католицизму. Уніатъ признаетъ filioque, чистилище (съ точки зрѣнія католицизма можетъ быть особенно необходимое для него, какъ для неполнаго католика—только очистившись въ чистилищѣ отъ этого грѣха, уніатъ попадаетъ въ рай) и папу. Но народъ русскій въ Галиціи сохранилъ свои обряды и церковно-славянскій языкъ въ богослуженіи, а поэтому русскій храмъ ему болѣе родной, чѣмъ католическій монастырь.

Сохраненіемъ русской фیزیоміи Галицкая Русь обязана главнымъ образомъ двумъ элементамъ: духовенству и среднему сословію — галицко - русскому мѣщанству, отчасти и мѣстной шляхтѣ. Оба эти элемента объединились въ своеобразныхъ церковно-общественныхъ и политическихъ союзахъ—церковныхъ братствахъ, сыгравшихъ и въ другихъ русскихъ областяхъ, на-

ходившихся подъ Польшей, такую огромную роль въ дѣлѣ защиты родныхъ началъ.

Государствамъ, составленнымъ изъ разнородныхъ племенныхъ элементовъ, предстоитъ всегда трудная задача образовать изъ разноплеменныхъ частей одно цѣлое — *Націю*. Для этого есть два пути — одинъ мирный и вѣрный — созданіе реальныхъ основъ для единенія — путемъ равноправія каждой національности, уваженія къ ея религіи, языку и быту, насколько послѣдній не идетъ въ разрѣзъ съ общегосударственными интересами. Только при этихъ условіяхъ общегосударственные интересы становятся своими для разнородныхъ частей государства.

Польша избрала иной путь, по чужому указанію, тотъ путь, примѣненіе котораго къ нимъ же самимъ возбуждаетъ теперь такую жестокую вражду къ создателямъ этого приѣма — нѣмцамъ, путь насильственнаго превращенія чужаго въ свое.

Среди польскихъ королей и государственныхъ людей было не мало людей съ государственнымъ умомъ, понимавшихъ трагическія послѣдствія этого второго пути, но отстоять свою точку зрѣнія они были безсильны, настоящими господами въ государствѣ было вельможновладство и духовенство, а для этихъ двухъ элементовъ надѣленіе Руси одинаковыми съ поляками правами было равносильно умаленію ихъ матеріальнаго и политическаго благополучія. Литовско-русскіе земли до 1569 года были въ персональной уніи съ Польшей, и поляки были чужеземцами въ Литвѣ, не имѣвшими права здѣсь исполнять урядовъ и пріобрѣтать земли, или получать богатые староства. Огромные фондуши православной церкви возбуждали у католическаго духовенства желаніе ими завладѣть. Этими причинами и объясняются обѣ уніи — политическая 1569 и религіозная — 1596. Первая дала доступъ полякамъ въ Западно-русскія и Литовскія земли, вторая отдала католицизму богатые владѣнія православнаго духовенства (Спытко Мелштинскій — владѣлъ всей Подоліей, Калиновскій — всей Полтавской губ.). На защиту русскихъ началъ выступили два элемента — военный — казачество и мирный — граждане, объединившіеся около южныхъ церковныхъ братствъ. О первомъ говорить не буду — козачества не было въ Галицкой Руси. Но церковныя братства не только были тамъ, но и стали во главѣ всѣхъ западнорусскихъ братствъ. Братства при церквахъ существовали издревле на Руси, но о нихъ мало извѣстно, да и политическаго значенія они до конца XVI вѣка не имѣли. Они

реформируются на совершенно новый ладъ благодаря содѣйствию патріарха Антіохійскаго, Іоакима (въ 1586 г. былъ на Руси) и Константинопольскаго Іереміи (1588—9).

У нихъ теперь двѣ задачи — матеріальная и духовная, и вторая, вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ времени начинаетъ преобладать. Главная цѣль братства—защита православія. Для этой цѣли братства берутъ въ свои руки просвѣщеніе — устраиваютъ православныя школы, типографіи, ведутъ полемику съ католическимъ духовенствомъ, участвуютъ своими представителями въ духовныхъ соборахъ. Во главѣ всѣхъ братствъ стоитъ братство Львовское (Успенское), ставропигиальное, т. е. независимое отъ власти епископовъ, подчиненное прямо Константинопольскому патріарху. Уставъ братства даетъ ему право духовнаго надзора надъ православнымъ насел. ніемъ, даже надъ самими епископами, и это важное право было одной изъ причинъ если не ихъ гибели, то потери ими значенія въ XVIII в.; съ такимъ положеніемъ не могли мириться честолюбія епископовъ. Огромное политическое значеніе братствъ понимали всѣ тогдашніе ревнители православія — Львовское братство находилось подъ покровительствомъ кн. Конст. Острожскаго въ члены его вступаютъ: Тышкевичи, Сапѣги, Вишневецкіе, Ружинскіе, Анна Потоцкая (Могилянка), мѣщане, шляхтичи, епископы. Братства устраиваютъ госпитали, страннопріимные дома, бursы для учащихся, школы (лучшая изъ нихъ Львовская, дававшая тонъ остальнымъ), печатаютъ богослужебныя, полемическія и учебныя книги, вступаютъ въ сношенія съ Москвой, Молдавіей, получаютъ отсюда помощь и матеріальную, и моральную, и всѣми силами борются противъ католицизма и уніи. Борьба эта тянется съ конца XVI-го до начала XVIII в., когда наконецъ и братства, истомленные непосильной борьбой, склоняются къ уніи при Іосифѣ Шумлянскомъ. Однако Львовское братство остается ставропигиальнымъ, т. е. подчиненнымъ прямо папѣ.

На эту крупную роль средняго сословія указываетъ уже въ наивно-трогательныхъ словахъ знаменитый первопечатникъ Иванъ Федоровъ въ послѣсловіи къ Апостолу, отпечатанному имъ во Львовѣ въ 1574 г. „обтицахъ многаши богатыхъ и блородныхъ въ мірѣ, помощи прося отъ нихъ и метаніе сотворяя, колѣномъ касаяся и припадая на лицѣ земномъ сердечно каплющими слезами моими ноги ихъ омывая... не испросахъ умиленными глаголы, не умолихъ многослезнымъ рыданіемъ... но

мали нѣцѣи въ іерейскомъ чину, иніи же неславніи въ мірѣ, обрѣтошася, помощь подающе. Не мно бо отъ избытка имъ сія творити, но якоже оная убогая вдовица, отъ лишенія своего двѣ лепты совергшая... (Строевъ. Описаніе старыхъ книгъ гр. Толстого 1829 р. 37. сп. Папковъ, Братства, р. 8). Старые русскіе княжескіе и магнатскіе роды, первые отъ Рюриковичей и Гедиминовичей, Слуцкіе, Мстиславскіе, Друцкіе, Вишневецкіе, Пронскіе, Чарторижскіе, Сапѣги, Сангушки, Ходкевичи, Хребтовичи, Горностаи, Солтаны, Тышкевичи, Тризны, Кмиты, Волловичи, даже Острожскіе, нѣсколько столѣтій отстаивающіе русскую народность и религію, не выдержали борьбы съ польской культурой и католицизмомъ и, желая сохранить свое политическое значеніе и матеріальное благосостояніе, перешли въ чужой лагерь, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ юные прозелиты, стали *plus royalistes que le roi même* въ преслѣдованіи тѣхъ началъ, которыя ихъ предки столѣтіями отстаивали.

Польская историографія, сдѣлавшая въ послѣднія десятилѣтія огромныя успѣхи въ смыслѣ критики не только фактовъ, но и старыхъ традиціонныхъ историческихъ взглядовъ, совершенно иначе теперь оцѣниваетъ и старый польскій общинный строй и причины паденія Польши. Та золотая вольность польской шляхты, которую воспѣвали не только старые шляхтичи-историки, но и Лелевель, такими историками, какъ Бобржинскій признаются одной изъ червоточинъ, подточившихъ государственное зданіе старой Польши. И въ теперешнихъ польскихъ историческихъ трудахъ частью громогласно, частью между строкъ можно прочесть ясное сознаніе, что Польшу подточили два червя: можновладство и фанатизмъ чуждаго Польшѣ пришлого духовенства принесшаго государство Польское въ жертву политическимъ притязаніямъ Римской курии, болѣе чѣмъ идиферентнаго въ внутреннимъ задачамъ государства.

XVIII вѣкъ самый печальный періодъ въ исторіи русскихъ началъ въ Галицкой Руси. Возрожденіе ея начинается съ конца XVIII и начала XIX вѣка. Литературное возрожденіе съ изданія Маркіаномъ Шаליкевичемъ „Русалки Днѣстровой“ и, особенно съ 60-хъ годовъ. Но въ этомъ возрожденіи въ послѣднія десятилѣтія слишкомъ сильно сказывается стремленіе отмежеваться не только отъ началъ польскихъ и нѣмецкихъ, но и отъ началъ общерусскихъ; это сказывается особенно сильно въ литературномъ языкѣ, получающемъ характеръ чего-то искусствен-

наго, неуклюжаго. Въ немъ слишкомъ много всякаго декадентства, въ томъ числѣ и политическаго, и малороссамъ этотъ языкъ, далекій отъ рѣчи Шевченка и Стороженка, уже теперь малопонятенъ.

Этотъ новый языкъ созданъ совмѣстными усиліями нѣмцевъ австрійскихъ, поляковъ и мѣстныхъ русскихъ политикановъ, по разнымъ соображеніямъ желавшихъ остаться при Австріи, отъ которой надѣялись получить такія же политическія преимущества для русскаго населенія Галицкой Руси, какимъ въ ней уже пользовались поляки.

Этихъ мѣстныхъ политиковъ успѣли напугать печальными перспективами присоединенія Галиціи къ Россіи. Галиція превратилась бы въ губернію деспотической русской монархіи, и въ ней начались бы преслѣдованія всего малорусскаго, какимъ подвергается, по увѣреніямъ австрійцевъ, малорусское населеніе юго-западной Руси.

Еще въ 60-хъ годахъ австрійскіе политики стремятся создать въ Галицкой Руси такую „антирусскую“ Русь, которая, связанная уніей съ поляками, была бы для Австріи крѣпкимъ оплотомъ противъ Россіи, а въ 1898 году созданная нѣмцами украинофильская партія включила въ свою программу образованіе свободной независимой державы Русь-Украины отъ Карпатъ до Кавказа (См. О. Мончаловскаго-Положенія и нужды Галицкой Руси, М. 1915). Еще въ 1859 г. Австрійскіе политики въ родѣ Фонъ-Бунзена составили прое́ктъ расширенія границъ Австріи до самаго Крыма, прое́ктъ, противъ котораго возсталъ Бисмаркъ (См. Max. Harden, Krieg und Friede, 1918).

Въ числѣ мѣръ борьбы съ старорусской партіей въ Галиціи, искавшей сближенія съ Россіей, доказывавшей единство языка Галиціи съ языкомъ русскимъ, изучавшей русскую литературу и русскую культуру, особенное вниманіе было обращено на созданіе искусственнаго литературнаго языка, отличнаго не только отъ общерусскаго языка литературнаго, но и отъ малорусскаго литературнаго языка. Дѣлались официальные попытки замѣны кириллицы латиницей (гр. Голуховскій писалъ центральному австрійскому правительству: безусловно необходимо отдѣлить русскій языкъ отъ великорусскаго). Старое этимологическое правописаніе было замѣнено правописаніемъ фонетическимъ, а при ковкѣ новаго литературнаго языка наблюдалось очень строго чтобы новосоздаваемые слова брались изъ какого угодно

славянского языка — преимущественно однако изъ языка польскаго, но отнюдь не изъ языка русскаго. Т. о. созданъ такъ называемый „украинскій“ языкъ, не понятный ни населенію Галицкой Руси, а тѣмъ болѣе непонятный населенію малорусскихъ областей Россіи.

Полувѣковыя старанія австрійской политики привели къ тѣмъ результатамъ, которые мы видимъ теперь — попыткѣ создать подъ австрійско-нѣмецкимъ протекторатомъ украинскую державу.

Если эта попытка имѣла временный успѣхъ, то только потому, что населеніе Малороссіи, *совершенно равнодушное къ политической сторонѣ дѣла созданія отдѣльнаго государства*, поднимается исключительно старыми испытанными лозунгами *Земля и воля*. По первому лозунгу населенію обѣщается прирѣзка земли изъ несуществующаго земельного фонда, второй лозунгъ — чисто большевистскій — вся власть совдепамъ. Земли населеніе еще не получило и никогда ея не получить въ силу того, что свободныхъ земель нѣтъ, а конфискація или экспроприация помѣщичьихъ земель дала бы прирѣзку лишь одной доли десятины на человѣка. Второй лозунгъ населеніе поняло такъ, какъ оно, при его темнотѣ и грубыхъ животныхъ инстинктахъ, только и способно понимать — иди и грабь все, что можешь грабить.

Въ результатъ полное раззореніе недавно цвѣтущей земли, разгромъ культурныхъ хозяйствъ, избіеніе интеллигенціи, и въ недалекомъ будущемъ полное обнищаніе обманутаго народа.

Такимъ образомъ такъ называемое украинское движеніе *отнюдь не національное дѣло*, а одинъ изъ приемовъ австрійской политики, — *divide et impera*. Задача его — расчлененіе Россіи и соотвѣтственно этому *усиленіе Австро-Германіи*. Потери на западѣ Австрія и Германія надѣются восполнить пріобрѣтеніемъ на востокъ — вмѣсто пресловутаго «самоопредѣленія народностей» нужно читать въ подлинникъ: «*Drang nach Osten*».

Проф. А. И. Линниченко.

Единство русскаго языка въ его нарѣчіяхъ.

Что такое русскій языкъ? Прежде всего это языкъ, обычно употребляемый въ рѣчи образованныхъ классовъ, въ правительственныхъ учрежденіяхъ русскаго государства, обработанный литераторами и учеными русскими, изучаемый въ русскихъ школахъ, т. е. съ одной стороны языкъ „обще-русскій“ разговорный, съ другой—русскій государственный и литературный. Такой языкъ имѣетъ своимъ идеаломъ единство, достигаемое до извѣстной степени путемъ школы, по крайней мѣрѣ въ книгѣ, но всегда страдающее невольными отступленіями въ живой рѣчи. Эти послѣднія объясняются тѣмъ, что „русскій языкъ“ долженъ быть понимаемъ и въ другомъ смыслѣ, а именно, какъ живой языкъ многомилліоннаго, какъ исконно-русскаго, такъ и усвоившаго себя его путемъ воспріятія русской культуры инородческаго населенія. Этотъ живой языкъ въ своей внѣшней формѣ, т. е. звукахъ, формахъ склоненія и спряженія, и въ словарѣ, тѣмъ болѣе разнообразится, чѣмъ менѣе носители его подвержены вліянію русскаго литературнаго и государственнаго языка, чѣмъ менѣе они грамотны. Этотъ живой языкъ слышится и произносится на огромномъ пространствѣ бывшаго русскаго государства въ Европѣ и Азіи и за предѣлами его въ восточной Галиціи, сѣверо-восточной Венгріи и сѣверной Буковинѣ, мѣстами сплошь (въ особенности въ центральной Россіи, въ бассейнахъ верхней Волги, Оки, Дона, Днѣпра), мѣстами рядомъ или среди иноязычнаго населенія, лишь частію воспринимающаго кромѣ своей родной и русскую областную и государственную рѣчь (въ особенности въ Сибири, сѣверо-восточныхъ, восточныхъ и сѣверо-западныхъ губ. Европейской Россіи, въ Бессарабіи, на Кавказѣ, въ Крыму и въ Средней Азіи). Согласно только что сказанному, этотъ слышимый на большомъ пространствѣ живой русскій языкъ неграмотнаго и полуграмотнаго населенія естественно, какъ и всякій живой языкъ, распадается на множество говоровъ, которые по большому или меньшему сходству между собою могутъ быть объединяемы

въ группы, называемыя обычно нарѣчіями и поднарѣчіями. Такимъ образомъ, языкъ мы дѣлимъ на нарѣчія, нарѣчіе на поднарѣчія, поднарѣчіе на говоры.

Необходимо замѣтить, что какъ русскій народъ вмѣстѣ съ болгарами, сербами, словѣнцами, чехами, словаками, поляками, кашубами и лужичанами составляютъ одну группу народовъ словянскихъ, такъ и русскій языкъ вмѣстѣ съ языками указанныхъ народовъ входитъ въ большую группу языковъ словянскихъ. Сходство словянскихъ языковъ между собою, тѣмъ большее, чѣмъ болѣе вглубь вѣковъ проникаетъ наше изслѣдованіе ихъ, а въ особенности отношеніе ихъ къ языку древне-церковно словянскому (старословянскому), какъ древнѣйшему письменному свидѣтелю о словянской рѣчи, дало право изслѣдователямъ сдѣлать выводъ объ общемъ происхожденіи всѣхъ этихъ языковъ изъ одного общаго языка-предка, называемаго нами языкомъ „прасловянскимъ“ (по нѣмецкой терминологіи „Urslavische Sprache“, по французской („Langue slave commune“)). Можно думать, что такой „общесловянской“, еще не распавшейся, лишь съ незначительными диалектическими варіаціями, языкъ слышался на небольшомъ пространствѣ гдѣ-нибудь въ предѣлахъ нынѣшней западной Россіи приблизительно около 2000 лѣтъ тому назадъ.

Но не слѣдуетъ обольщаться мыслью, что общее происхожденіе языковъ свидѣтельствуетъ всегда объ общности происхожденія народовъ: въ исторіи не мало примѣровъ воспріятія народами чужихъ языковъ, то побѣдителей, то побѣжденныхъ, вообще языковъ болѣе культурныхъ сосѣдей. Мы знаемъ, что древніе галлы приняли языкъ римскихъ колонистовъ, а романизованные галлы въ свою очередь передали свой романскій языкъ покорившимъ ихъ франкамъ германскаго племени, причемъ, и воспринимавшій народъ оставляетъ извѣстные слѣды своего прежняго языка то въ произношеніи, то въ формахъ, то въ словарѣ.

Въ словянскомъ мірѣ наиболѣе яркій примѣръ такого воспріятія не словянами словянскаго языка покореннаго ими и частью смѣшавшагося съ ними словянскаго населенія представляютъ болгары, по происхожденію турки, остатки которыхъ извѣстны въ русской исторіи дотатарскаго періода по берегамъ Волги близъ впаденія Камы. Восточные (русскіе) словяне путемъ колонизаціи распространили свой языкъ среди финскихъ инородцевъ, нѣкогда сплошными массами населявшихъ сѣверо-востокъ, а въ болѣе древнее время и центръ нынѣшней Европейской Россіи.

Съ другой стороны, масса славянскаго населенія онѣмечилась, принявъ нѣмецкій языкъ по нижнему теченію Эльбы и по берегамъ Балтійскаго моря, а также въ нынѣшней Каринтіи и Штиріи, значительная часть омадярилась въ Юго-Западной Венгріи (древней Панноніи IX-го вѣка). Однако, прививая свой языкъ славянамъ, и нѣмцы и особенно мадьяры (венгры) заимствовали немало словъ славянскихъ. То же надо сказать и о румынахъ потомкахъ римскихъ колонистовъ въ Дакии и Македоніи.

Возвращаясь къ вопросу о древнѣйшихъ судьбахъ русскаго народа и русскаго языка, мы прежде всего должны указать, что уже въ первые вѣка нашей эры началось распаденіе единаго славянскаго народа и *праславянскаго языка. Минувъ всѣ гадательныя предположенія акад. Шахматова ¹⁾ о первой болѣе сѣверной — прибалтійской и второй привислинской прародинахъ славянъ, мы можемъ считать несомнѣннымъ, что въ VI вѣкѣ по Р. Х. не только не было славянскаго единства, но что славяне уже успѣли осѣсть приблизительно въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ застасть ихъ исторія въ IX-омъ вѣкѣ, когда всѣ они уже выступаютъ подъ своими особыми именами. Византійскій писатель VI-го вѣка Прокопій говоритъ о словѣнахъ, перешедшихъ за Дунай на Балканскій полуостровъ, и объ Антахъ, ихъ восточныхъ сосѣдяхъ. Въ послѣднихъ, сидѣвшихъ, по словамъ Прокопія, къ сѣверу отъ гунскихъ племенъ, занимавшихъ въ VI-омъ вѣкѣ берега Азовскаго и Чернаго морей, мы вслѣдъ за Шахматовымъ согласны признать предковъ русскихъ, восточныхъ славянъ, которые сидѣли до своего раздѣленія въ мѣстностяхъ нынѣшней Волынской и сѣв. ч. Кіевской г. Здѣсь, въ бассейнахъ рѣкъ Тетерева, Припети и праваго берега средняго теченія Днѣпра — до Южнаго Буга, мы можемъ предположить колыбель русскаго племени, откуда оно разселялось въ видѣ отдѣльныхъ племенъ, названія которыхъ сохранены русской лѣтописью, дающей ясное, свидѣтельство что уже въ IX-омъ вѣкѣ было не одно, а нѣсколько русскихъ племенъ на довольно значительномъ пространствѣ: *Поляне* по правому берегу средняго течен. Днѣпра (въ нынѣшней Кіевской губ.), *Древляне* или „*Дерева*“ къ сѣверо-западу отъ нихъ, въ сѣв. ч. Кіевской и м. б. въ смежныхъ частяхъ нынѣшнихъ Минской и Волынской г., *Дреговичи* въ

¹⁾ Введеніе въ курсъ исторіи русскаго языка, Петроградъ 1916, с. 19—42, также въ изданной Отдѣленіемъ Русскаго яз. и слов. И. А. Н. Энциклопедіи слав. филол., вып. II, с. XII—XVI.

нынѣшней Минской между р. Припетью*) и Двиною, *Кривичи* по верховьямъ Двины, Волги и Днѣпра, еще сѣвернѣе, по Велхову и озеру Ильмену *Словѣне*; по лѣвую сторону Днѣпра лѣтописецъ называетъ „*Сѣверъ*“ (сѣверянь) по Деснѣ, Сулѣ и Семи (въ нынѣшней Черниговской и Полтавской г.), *Радимичей* между Днѣпромъ и Сожемъ (въ Могил. г.), *Вятичей* по среднему теч. Оки; справа отъ Днѣпра *Дульбовъ* и *Бужанъ* по южному Бугу, а *Уличей* и *Тиверцевъ* въ самыхъ южныхъ предѣлахъ между устьями Днѣстра и южнаго Буга. Какъ бы ни были незначительны различія въ языкѣ этихъ племенъ, несомнѣнно, что на столь значительномъ пространствѣ уже тогда существовало множество говоровъ, которые различались оттѣнками произношенія гласныхъ и согласныхъ (на сѣверѣ было смѣшеніе *ц* и *ч*, произношеніе *г* какъ латинск. *g*, на югѣ рано произносилось *h*), но не эти различія обусловили позднѣйшее раздѣленіе русскаго языка на 3 или 4 нарѣчія. Можно сказать, что по XI-ое столѣтіе существовалъ единый общерусскій праязыкъ съ незначительными діалектическими варіаціями.

Въ X-омъ столѣтіи на Русь (сначала въ Кіевъ, а потомъ въ Новгородъ) проникаетъ съ юга славянскаго письменность, возникшая въ IX-омъ в. трудами братьевъ Константина и Меѳодія на языкѣ южно-македонскихъ славянъ, причисляемыхъ по лингвистическимъ признакамъ къ славянамъ болгарскимъ. Русскій языкъ въ то время уже вполне обособился отъ южно-славянскихъ и западно-славянскихъ языковъ, хотя различія не были еще столь значительны, чтобы затруднять пониманіе среди грамотныхъ русскихъ южно-славянскаго текста, читавшагося ими впрочемъ согласно съ звуками своего языка. Это видно изъ того, что уже въ древнѣйшихъ письменныхъ памятникахъ, переписанныхъ русскими, мы видимъ проявленіе почти всѣхъ важнѣйшихъ отличій звуковъ и формъ, составляющихъ вмѣстѣ типъ русскаго языка въ отличіе отъ другихъ славянскихъ языковъ. Эти признаки до XII го столѣтія являются общими для памятниковъ и русскаго сѣвера и русскаго юга. Ак. Шахматовъ (Введеніе въ курсъ ист. рус. яз., 15—16) указалъ 12 такихъ признаковъ, общихъ русскому югу и сѣверу. Въ числѣ этихъ признаковъ есть общіе съ особенностями нѣкоторыхъ южныхъ и западныхъ славянскихъ языковъ, слѣдовательно они сами по себѣ безъ другихъ не характерны, но важны именно: 1) со-

*) Съ *е* пишется названіе этой рѣки въ древнѣйшихъ спискахъ.

вокупность этихъ признаковъ, ни въ одномъ изъ южныхъ и западныхъ словянскихъ языковъ не наблюдаемая, 2) присутствіе въ числѣ ихъ такихъ, которые нигдѣ кромѣ русскаго языка не извѣстны.

Упомяну сначала признаки, общіе съ языками южно-славянскими. Таковы: 1) измѣненіе сочетаній *dl, tl* въ *l* (*мыло* изъ —*дло*, *вели* изъ *вед—ли*, *плели* изъ *плет—ли* и т. п. согласно съ такимъ же измѣненіемъ въ языкахъ старо-церковно-славянскомъ, болгарскомъ, сербскомъ и словѣнскомъ, отлично отъ польскихъ и чешскихъ *mydlo, wiedli, vedli, pleli* и т. п.); 2)—сочетаній *pj, bj, vj, mj* въ *pl', bl', vl', ml'* (*люблю*, *земля*, *купля*... согласно съ языками сербскимъ и словѣнскимъ и наиболѣе древними памятниками старословянскими); 3) звуки *ч* и *ж* изъ смягченныхъ *т* и *д* (*хочю*, *свѣча*, *одежа*, *межа*, частію тожественно со словѣнскимъ, имѣющимъ въ тѣхъ же словахъ *ч*, а по шипящему элементу сходно и съ старословянскими *свѣшта*, *межда* и съ сербскими мягкими *чь, джь*, имѣющими особыя буквы въ сербской графикѣ, отлично отъ свистящихъ *с* и *дз*, *з* въ польскомъ и чешскомъ: *svieca, miedza, meze*); 4) звукъ *ч* изъ *ктъ* въ *ночь*, *печь*, и т. п. согласно съ такимъ же *ч* у словѣнцевъ и сходно съ соотвѣтствующимъ сербскимъ произношеніемъ *чь (тъ)* и старослов. и болгарскимъ *ноштъ, пештъ* (польск. и чешск. пос. *ріес*...). Какъ признакъ, сходный съ разными и южно и западно славянскими языками, слѣдуетъ назвать 5) переходъ носовыхъ *о* въ *у*, *е* въ *а* (*я*): *рука*, *дубъ*, *мука* согласно съ такимъ же *у* въ языкахъ сербскомъ, чешскомъ, лужицкихъ, *сяду*, *пять*, *мясо* сходно по крайней мѣрѣ съ чешскимъ то *е*, то *а* въ *pieť*, (*печь*) *patý, maso*..., но въ польскомъ сохранилось носовое произношеніе („*пениць*“, „*пѣнты*“, „*менсо*“).

6) Не особенно характерно *цв* и *зв* въ словахъ *цвѣтъ*, *звѣзда* согласно съ старо-славянскимъ, сербскимъ и словѣнскимъ языками, въ отличіе отъ польскихъ и чешскихъ *kv, gv, hv* въ *kviat, kviet, gwiazda, hviezda*, такъ какъ и въ русскихъ говорахъ находимъ и *кв* въ малорусскомъ *квітка* и великорусскомъ *квѣлитъ*.

Признаки, общіе съ языками западно-славянскими (польскимъ и чешскимъ): 7) переходъ *or—, ol—* передъ согласными въ началѣ словъ въ *го—, lo—* въ тѣхъ же словахъ, что и въ западно-славянскихъ яз. (*лодья*, *лодѣка*, *локѣть*, *ролья*, *розница*, *ровный*, сравн. польск. и чешск. *lo—, го—*, въ тѣхъ же словахъ отлично отъ ст. слов. и сербск. *ла, ра* и т. п.); 8) переходъ

носового *ѣ*, которому въ старословянскомъ соотвѣтствуетъ юсь малый, въ *ѣ* чистое согласно съ древнепольскимъ (род. ед. *дѣвиць*, *душѣ*, вин. мн. *мужѣ*, *конѣ*, сравн. др. польск. р. ед. *winnice*, др. и новопольск. в. мн. *konie*).

Признаки, специально русскіе: 9) переходъ начального *е* въ *о* (озеро, олень, одинъ, сравн. ст. слов. *езеро*, *елень*, сербск. *jezero*, *јелень*, *један*, польск. *jezioro*, *jeden*...); 10) измѣненіе *е* и *ь* передъ *Л* въ концѣ слога въ *о* и *ѣ* (прарусское **молко* изъ **мелко*, *вълкѣ* изъ *вълкѣ*, откуда далѣе древнерусскія формы *молоко*, *вълкѣ* и новорусскія *молоко*, *волкѣ*, *молчатѣ* изъ *мѣлчатѣ* и т. п., при *мѣлко* въ старослов., *тѣлко* въ польск., чешск. и др., *вълкѣ* старослов., *wilk*, *milczę* въ польскомъ); 11) полногласіе (*городѣ* изъ прасловянскаго **gordę*, *мордѣ* изъ **morę*, *бѣрегѣ* изъ **bergę*, *берѣза* изъ **berza*, *головѣ*, *жѣлобѣ*, *человѣкѣ* и др., сравн. старослов. *градѣ*, *мразѣ*, *брѣгѣ*, *глава*, *чловѣкъ*, серб. *grād*, *mraz* и т. п., чешск. *hrad*, *mraz*, польск. *gród*, *mroz*, *głowa*, *złób*, *жлуб*, *człowiek*...)—признакъ самый характерный для всего русскаго языка; 12) смягченіе полумягкихъ согласныхъ передъ гласными передняго ряда (*е*, *и*, *я*): *несу*, *тихо*, *сяду* произносились во всемъ древнерусскомъ языкѣ со вполнѣ мягкими *н*, *т*, *с*, какъ въ нынѣшнихъ нарѣчіяхъ великорусскомъ и бѣлорусскомъ. Можно было бы указать еще другіе признаки, общіе издревле и русскому сѣверу и русскому югу (напр. исконную мягкость шипящихъ, *ц* и *тѣхъ* *з* и *с* которые получались на словянской *жочѣ* изъ *г* и *х*, каковы *з* и *с*, въ *князь* *весь*, исконную склонность *ѣ* къ *о*, а *ь* къ *е* и друг.), такъ что число ихъ значительно больше 12, но довольно и указанныхъ для доказательства единства русскаго языка для времени до XII в.

Въ настоящее время русскій живой языкъ дѣлится на нарѣчія великорусское, бѣлорусское и малорусское¹⁾, при чемъ въ средѣ великорусскаго нарѣчія, обнимающаго губерніи сѣверныя въ бассейнахъ Великихъ Озеръ, Сѣверной Двины, верхней Волги и Камы, губерніи центральныя въ бассейнахъ правыхъ притоковъ Волги и юго-восточныя въ бассейнахъ Дона, средней и нижней Волги, а также въ Сибири, различаются поднарѣчія сѣверно-великорусское и южно-великорусское. Первое характеризуется большею устойчивостью древняго вокалізма (сохране-

¹⁾ Названія эти простому русскому народу неизвѣстны и употребляютъ только образованными людьми (ср. академика А. И. Соболевскаго „Русскій народъ какъ этнографическое цѣлое“ (Харьковъ, 1907), стр. 11.

ніемъ звука *о* безъ ударенія, напимѣрь, произношеніемъ *вода*, *жонá*, *сѣлò*, *мѣлой* и т. п., почему нарѣчіе это называется „окающимъ“; сохраненіемъ произношенія древняго *л* отлично отъ древняго *е*), а въ консонантизмѣ произношеніемъ звука *г* въ словахъ „городъ“, „нога“ и т. п., обычно твердымъ *т* въ ф. 3 л. ед. и мн. ч. настоящ. вр. и діалектическимъ смѣшеніемъ *ц* и *ч* (съ XI стол.). Второе отличается сильно измѣнившимся вокализмомъ подъ вліяніемъ неударяемости (произношеніемъ съ XIV-го в. „а“, „я“ въ словахъ, которыя мы пишемъ традиціонно съ буквами „о“, „е“, напр. *вада*, *жана*, *сяло*, *бярү* и т. п., сохраненіемъ мягкаго *т* въ окончаніяхъ формъ 3 л. ед. и множ. ч. настоящ. врем. (*бяруть*), очень древнимъ (съ Хв.) произношеніемъ *н* вм. *г*: *һалава́* (=головá), *һаһá* и т. п. Между сѣвернымъ, распространеннымъ въ губерніяхъ Новгородской, Олонецкой, Архангельской, Вологодской, Ярославской, Костромской, Вятской, сѣверныхъ частяхъ Псковской, Московской, Владимирской и б. ч. Поволжья и Сибири (см. границы на „Діалектологической картѣ русскаго языка“, изданной въ 1916 г. московской Діалектологической комиссіей), и южнымъ, слышимымъ въ губерніяхъ Тульской, Рязанской, Орловской, Тамбовской и б. ч. Калужской, Воронежской, Курской, земли Войска Донскаго, частию въ южной части Пензенской и зап. ч. Саратовской, слѣдуетъ отмѣтить какъ переходную „средне-великорусскую“ полосу, центромъ которой является Москва и прилегающіе къ ней съ юга уѣзды Московской губерніи.

Эта средняя полоса по вокализму ближе къ южно-великорусскому, по консонантизму—къ сѣверно-великорусскому; здѣсь именно то умѣренное аканье при сохраненіи произношенія *г* въ словахъ „городъ“, „гора“ и т. п. и твердомъ *т* въ ф. 3 л. наст. вр., которыми отличается обычное произношеніе „общерусскаго“ языка.

Чѣмъ же обусловлено отнесеніе всѣхъ этихъ поднарѣчій и говоровъ къ нарѣчію великорусскому? Всѣмъ этимъ говорамъ свойственны слѣдующія подновленія въ звукахъ и формахъ, неизвѣстныя древне-русскому языку и другимъ русскимъ нарѣчіямъ, объединившія со времени сліянія въ одномъ Московскомъ Государствѣ два ранѣе совершенно различныя между собою нарѣчія—*сѣверно-русское* (говоры потомковъ древнихъ „кривичей“ и ильменскихъ „словѣнь“) и *восточно-русское* (говоры „вятичей“ и, можетъ быть, нѣкоторыхъ „сѣверянъ“): 1) *о* изъ древняго *ы*,

е изъ *i* въ положеніи передъ *й* (*i*), *я* (*йа*), *е* (*йе*), *ю* напр. „дорогой“, „молодой“, „мѡю“, „крѡю“, „шѣя“ изъ др. русскихъ „другой“, „молодой“, „мѡю“, „крѡю“, „шия“, что явилось не ранѣе XIV-го столѣтія, 2) „крови“, „креста“ изъ крѣви, крѣста, 3) *к*, *г* (или *h*), *х* въ формахъ склоненія и спряженія вмѣсто древнихъ *ц*, *з*, *с*, напр. „рукѣ“, „ногѣ“, „сохѣ“, „пеки“, „стереги“ и т. п., явившееся съ XI по XIV столѣтіе, 4) утрата формъ зват. пад. въ сѣв. русск. (съ XIII вѣка), 5) замѣна формъ им. вин. п. двойственного чис. формами род. п. ед. и мн. ч. („два берега“, „двѣ руки“, „два кольца золотыхъ“) въ московскихъ грамотахъ съ XIV-го стол., 6) имен. вин. множ. ч. муж. р. въ словахъ съ измѣнчивымъ удареніемъ на *а* („берега“, „бока“, „города“, „глаза“, „рога“), появившійся въ словахъ съ парнымъ значеніемъ („рога“) и въ собирательныхъ („господа“) очень давно, но не существовавшій во многихъ словахъ даже въ московскомъ языкѣ XVII в. (въ Уложеніи царя Алексѣя Мих. 1649 г. „города“), а у нѣкоторыхъ писателей даже въ XIX-омъ (у Гоголя обычно „дома“). Къ этому слѣдуетъ прибавить нѣкоторую, отличную отъ другихъ нарѣчій, общность словаря: 1) частицу „если“, 2) слова „изба“ (изъ др. русск. „истѣба“), „пахать“ вм. „орать“, „соха“, „лошадь“ (изъ татарскаго „алоша“) вм. „конь“. Если мы обратимъ вниманіе на всѣ эти типичныя общерусскія черты, ставшія достояніемъ и „общерусскаго“ и русскаго литературнаго языка, то убѣдимся, что оба великорусскихъ поднарѣчія связаны между собою не древними, а новыми, явившимися частію не ранѣе XIII—XIV стол., частію гораздо позднѣе особенностями, и что наоборотъ нѣкоторыя мѣстныя черты говоровъ гораздо древнѣе: древнее произношеніе *ь* въ нѣкоторыхъ сѣв. говорахъ, древнее смѣшеніе *ц* и *ч* (съ XI в.), южно-великорусское *h*, сходное съ произношеніемъ (вмѣсто *г*) въ бѣло-русскомъ и малорусскомъ, можетъ быть, уже съ X-го вѣка, такъ какъ Константинъ Порфирогенетъ передаетъ старослов. прагъ въ произношеніи южноруссовъ черезъ *прах*; очень древне *ть* въ ф. 3. л. глаголовъ, ибо за него стоитъ вся древняя русская письменность до конца XIV в.; южно-великорусское *аканье* мы должны признать также древнѣе общихъ великорусскихъ чертъ, ибо то же *аканье* характеризуетъ западно-русское нарѣчіе (бѣлорусское) и, хотя определенныя указанія на это явленіе мы находимъ лишь въ памятникахъ XIV-го столѣтія, нѣкоторые намеки на него мы рѣшаемъ видѣть уже въ Смоленской грамотѣ 1229 г.

Бѣлорусское нарѣчіе ¹⁾, обнимающее говоры губерній Минской, Могилевской, Витебской, частью Виленской, Смоленской и Черниговской, отдѣляется отъ великорусскихъ переходными полосами въ южной части Псковской и Тверской губерній и юго-восточныхъ у. Смоленской, западныхъ Калужской и частью Орловской губ. Характеризуется оно, кромѣ общихъ съ южно-великорусскимъ нарѣчіемъ и произношеніемъ *h* и мягкаго *ть* и *ць* въ 3 л. глаг., частью древними чертами, общими съ обоими великорусскими (сохраненіемъ разницы между *ы* и *и*, мягкимъ произношеніемъ согласныхъ передъ древн. *е* и *и*), частью архаическими чертами, общими съ малорусскимъ (сохраненіемъ *ы*, *и* передъ гласными въ словахъ „святыи“, „мѣлю“, — разницы „кров“, „глотка“ и „крьви“, „глытати“ изъ древнерусскихъ „крѣви“, глѣтати, сохраненіемъ *ц*, *з* въ ф. „руцѣ“, „назѣ“, сохраненіемъ формъ дв. ч. и зват. пад., древнихъ формъ повелит. „несѣте“, „несѣмо“, древнихъ формъ вин. мн. на *ы* и др. т. п.), частью болѣе новыми, общими съ малорусскимъ, каково измѣненіе *з* и твердаго *л* передъ согласными и частью в концѣ словъ въ *у* неслоговое (произносится „крѣу“, „любѣу“ вм. „кровь“, „воук“, „шѣу“ вм. „волкъ“, „шелѣ“), частью новыми, характерными специально для бѣлорускаго, каковы отвердѣніе всякаго мягкаго *р* („мора“, „варѣный“, „гарачи“ вм. „моря“, „варѣный“, „горячій“ и т. п.), извѣстное только нѣкоторымъ (сѣвернымъ) говорамъ малорусскимъ, и произношеніе мягкихъ *д* и *т* какъ *дзь* *ць*, извѣстное въ очень немногихъ говорахъ великорусскихъ, но весьма характерное для польскаго языка, западнаго сосѣда бѣлоруссовъ. Замѣтимъ, что эти двѣ черты постепенно исчезаютъ въ пограничныхъ съ великорусскимъ нарѣчіемъ мѣстностяхъ.

Малорусское нарѣчіе, обнимающее губерніи Кіевскую, Полтавскую, Волынскую, Подольскую и б. ч. Харьковской, Екатеринославской и Херсонской, южные уѣзды Черниговской, Курской и Воронежской, область Кубанскую и часть Донской, части губ. Гродненской и Люблинской, восточную Галицію, многія мѣстности сѣв. Венгріи и Буковины, отличается отъ прочихъ только двумя или тремя чертами фонетики: 1) измѣненіемъ *о* и *е* въ словахъ закрытыхъ, т. е. оканчивающихся на согласный, вслѣдствіе утраты за нимъ бывшихъ въ прарусскомъ яз. гласныхъ *ѡ* или *ѣ*,

¹⁾ Лучшее изслѣдованіе о бѣлорусскомъ нарѣчій и бѣлоруссахъ принадлежитъ академику Е. О. Карскому (многолѣтній трудъ „Бѣлоруссы“ съ 1903 по 1916 г.г.).

при чемъ въ сѣверномъ поднарѣчьи малорусскаго *о* въ такомъ положеніи (разумѣется не только старое *о* общесловянское, но и *о* изъ *е* послѣ мягкихъ согласныхъ въ такихъ словахъ, какъ „жонка“, „нѣсъ“) измѣнилось въ дифтонгъ *уо* (близко къ франц. *oi*), *е* въ *іе* (франц. *ue, ie*) и совпало такимъ образомъ съ древнимъ *ѣ*; въ южномъ поднарѣчьи то и другое дало *і*, вполнѣ смягчающее предшествующіе зубные согласные, хотя въ болѣе архаическихъ западныхъ говорахъ отличаются болѣе мягкими *н* и *т* слова „нѣс“, „тѣк“ въ значеніи „нѣсъ“, „тѣкъ“ (=сѣв. малорус. „нюос“, „тюок“), совпадая съ произношеніемъ этихъ согласныхъ передъ древнимъ *ѣ* („нѣмец“, „тѣло“), чѣмъ „нѣс“, „тѣк“ въ знач. „носъ“, „токъ“ (=сѣв. мар. „нуос“, „туок“). 2) Отвердженіемъ согласныхъ передъ древними *е, и* (*і*), что вызвало въ большинствѣ говоровъ (кромя карпатскихъ) 3) совпаденіе въ одномъ среднемъ звукѣ древнихъ *и* и *ы*: „не“, „тебе“ (ф. род. ед.), „несу“ (произноси *нэ, тэ*), „тихо“ и „тин“ (изъ древн. „тынъ“), „син“ (=„сынъ“) и „сивый“ (=„сивый“). Остальныя особенности звуковъ не типичны, ибо встрѣчаются или въ бѣлорусскомъ (разница между „кров“=„кровь“ изъ древнерус. „крѣвь“ и „кривавый“=„кровавый“ изъ др. рус. „крѣвавый“, формы „молодий“, „святій“, „старій“, „крию“ изъ древ. р. „молодѣй“, „святѣй“, „старѣй“, „крыю“, болѣе новое *в* или *у* изъ твердаго *л*: „вовк“, „шов“, произношеніе *h* вмѣсто *г* и др.), или въ сѣверно-великорусскомъ (сохраненіе древнерусскаго *о* безъ ударенія: „вода“, „жона“, діалектич. *в* изъ *л*). Древнія морфологическія черты (ф. зват. ед. ч., двойст. ч., повел., оконч. Іл. множ. наст. вр. и повелит. на-*мо*, формы личныхъ мѣстоименій въ дат. мѣстн. п. п. „тобі“, „собі“) также общи частію съ бѣлорусскимъ, частію съ южновеликорусскимъ (южновеликорус. и бѣлорус. „табѣ“, „сабѣ“ изъ общихъ древнерусскому до XIV в. „тобѣ“, „собѣ“). Можно считать характернымъ образованіе формы будущаго изъ инфинитива и ф. глагола „иму“: „ходитиму“, „носитиму“, замѣнившей древнерусскія „ходити имамъ“ и т. п., сравните франц. „j'irai“, „je porterai“ изъ древнихъ „ego ire habeo“, „ego portare habeo“. Кромѣ сохраненія древнерусскихъ чертъ и подновленій, встрѣчающихся и въ другихъ нарѣчьяхъ, три указанныя выше черты малорусской фонетики по памятникамъ неизвѣстны ранѣе XII-го вѣка, если не считать сомнительныхъ примѣровъ постановки буквы *ы* вм. *и*, которая можетъ быть въ сборникахъ Святослава 1073 и 1076 г.г. отнесена и на счетъ южно-словянскаго оригинала этихъ памят-

никовъ, при чемъ главная изъ этихъ чертъ встрѣчается лишь въ памятникахъ второй половины XII-го вѣка. Такимъ образомъ, зачатки главныхъ отличій малорусскаго языка появились не ранѣе XII-го вѣка, при чемъ ничто не препятствуетъ предками малоруссовъ считать не только лѣтописныхъ бужанъ, уличей и тиверцевъ, но и полянъ, древлянъ и даже лѣвобережныхъ сѣверянъ, ибо большая часть памятниковъ второй половины XII вѣка (съ 1164 г.), имѣющихъ указаніе на дифтонгизацію *e* (написанія буквы *ѣ* вмѣсто *e* въ словахъ „камѣнь“, „зѣлье“, „пѣшь“ и т. п.), честь открытія которыхъ принадлежитъ академику Соболевскому, не имѣетъ точнаго указанія мѣстности, гдѣ они написаны.

Мы видѣли, что общевеликорусскій типъ является еще болѣе позднимъ (его сложеніе совершалось отъ XIII до XVII-го столѣтія). Едва ли не еще болѣе позднимъ является окончательное образованіе бѣлорусскаго нарѣчія: отвердѣніе *p* изрѣдка появляется уже въ памятникахъ западно-русскаго письма XII—XIII в., см. Лекціи по исторіи русскаго языка ак. Соболевскаго, с. 140, но несомнѣнные примѣры этого явленія въ западно-русскихъ грамотахъ отмѣчены акад. Карскимъ, Бѣлоруссы, II, 383, лишь съ послѣднихъ годовъ XIV-го столѣтія и часто только въ актахъ и памятникахъ XV—XVI в., *дз* вм. *д*, *ц* вм. *т*, лишь въ памятникахъ XVI в. Предками бѣлоруссовъ мы должны считать древнихъ *дреговичей*, *радимичей*, а въ пограничныхъ мѣстностяхъ на сѣверѣ также *кривичей*, на югѣ—продвинувшихся до Припети и за Припеть *древлянъ*, при чемъ потомки кривичей дали типъ переходный къ великорусскому, потомки древлянъ—переходный къ малорусскому. Кромѣ того не лишено вѣроятія и вліяніе вятичское, которое сказалось въ общемъ съ южно-великорусскимъ нарѣчіемъ аканіи, если согласиться съ выводами акад. Шахматова о древнихъ поселеніяхъ вятичей на юго-востокѣ, въ бассейнѣ Дона, и постепенномъ продвиженіи ихъ на сѣверо-западъ въ область верхняго теченія Оки и далѣе въ область *радимичей*, которыхъ лѣтописецъ считаетъ переселенцами отъ „ляховъ“, т. е. изъ области поселенія польскихъ славянъ.

Самыя названія „великая“, „малая“ и „бѣлая“, какъ и „черная“ („nigra“), „червоная“ („rubra“) Русь ¹⁾ не ранѣе XIV-го

¹⁾ Напомнимъ, что пришедшее изъ Скандинавіи черезъ финновъ имя Русь (Ruotsi) въ древности (до XIII-го в.) приурочено было только къ южной, Кіевской области.

столѣт. и имѣли первоначально чисто географическое значеніе, при чемъ „Малая Русь“ имѣла ограниченное значеніе Галицко-волынской земли. Замѣтимъ, что очень рано (въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1187 г.) встрѣчается и названіе Украина: о смерти переяславскаго князя Володимира Глѣбовича сказано, что „о немъ же Оукраина много постана“. Но это названіе имѣло значеніе лишь пограничной съ областью степныхъ кочевниковъ мѣстности. Такой и было древнее Переяславское княжество, колонизованное, вѣроятно, сѣверянами, а позднѣе такъ назывались окраины Московскаго государства въ нынѣшнихъ Курской и Воронежской губ., которыя отодвигались на югъ по мѣрѣ продвиженія сторожевыхъ укрѣпленій для защиты отъ нападенія кочевниковъ. Хотя и названіе „малорусскій“ въ смыслѣ общаго термина для всей области распространенія этого языка неточно, но перенесеніе его на болѣе восточныя мѣстности лѣвобережной поднѣпровской области по крайней мѣрѣ въ XVII в. (въ московскихъ грамотахъ) оправдываетъ его употребленіе въ качествѣ научнаго термина. Что же касается термина „Украинскій“, то его можно считать примѣнимымъ лишь къ области южно-малорусскаго поднарѣчія, и распространеніе его до степни общаго объясняется лишь: 1) тѣмъ, что южное поднарѣчіе раньше получило художественную литературную обработку въ произведеніяхъ полтавца Котляревскаго, харьковца Квитки-Основяненка, уроженца южной части Кіевской губ. талантливаго поэта Шевченка и другихъ, 2) тѣмъ, что съ 1860-хъ г.г. въ Галиціи рядомъ съ старорусскимъ направленіемъ началось движеніе такъ называемыхъ „народовцевъ“, стремившееся пересадить украинскую литературу съ ея новымъ фонетическимъ правописаніемъ Кулиша въ Галицію, 3) поддержкой этого движенія со стороны австрійскаго правительства, опасавшагося развитія русскаго самосознанія у галицкихъ малороссовъ, въ прошломъ столѣтіи называвшихъ себя только „руськими“, а языкъ свой „руськимъ“ (это видимъ не только у поборника принятія русскаго литературнаго языка, придерживавшагося этимологическаго правописанія даже при изданіи народныхъ пѣсень Я. О. Головацкаго, но и у приверженцевъ идеи созданія литературы на чисто народномъ языкѣ, какъ филологъ Эм. Огоновскій, какъ авторъ художественныхъ повѣстей изъ быта русскаго православнаго населенія Карпатскихъ горъ—Осипъ Федьковичъ). Только въ XX-мъ столѣтіи галицкая „народная“ партія откидываетъ старое, именно въ про-

стомъ галицкомъ крестьянствѣ популярное имя „русский“ и замѣняетъ его сначала въ видѣ прибавки къ нему впереди ставившимся, а потомъ совершенно его вытѣснившимъ именемъ „український“. Но прикрываясь традиціями имени поэта Шевченка, львовское ученое украинское „товарищество“ совершенно не слѣдуетъ въ созданіи своего научнаго языка традиціямъ славнаго украинскаго поэта, писавшаго непосредственнымъ живымъ языкомъ крестьянства приднѣпровскаго края безъ тенденціознаго желанія отдалить его отъ русскаго литературнаго языка, а также и примѣру такихъ талантливыхъ самородковъ, какъ буковинскій гуцулъ Осипъ Юрій Федьковичъ ¹⁾).

Стремясь создать „українскій“ научный языкъ, львовскіе ученые украинской партіи умышленно избѣгаютъ совпаденій съ русской научной терминологіей и, порвавъ всякія традиціи и связи съ ученой, общей всей древнерусской письменности, терминологіей церковно-славянской, предпочитаютъ заимствовать, польскую терминологию, перемѣнивъ лишь польскіе звуки на украинскіе, или нѣмецкую; такъ: „ріжничка“ (дифференціаль) съ польскаго „różniczka“ или „назвукъ“ (начальный звукъ слова) съ нѣм. „Anlaut“, „визвукъ“ съ нѣмецкаго „Auslaut“ и т. п., „пень“ буквально переведенъ съ нѣм. „Stamm“, между тѣмъ какъ въ русскомъ языкѣ существуетъ старое слово „основа“ (объ этомъ искусственномъ языкѣ галицкихъ ученыхъ, мало понятномъ не только нашимъ малороссамъ вообще, но и тѣмъ, которые считаютъ желательнымъ созданіе малорусскаго литературнаго языка, см. въ книгѣ проф. Т. Д. Флоринскаго „Малорусскій языкъ и „українсько-руський“ литературный сепаратизмъ“ (П. 1900).

Мы видимъ, такимъ образомъ, среди извѣстной партіи галицко-русской интеллигенціи стремленіе не только создать особый ученый и литературный языкъ, приспособленный для передачи научнаго мышленія, но и доказать его полную отдѣльность отъ созданнаго уже общерусскаго языка. Среди ученыхъ этого толка, однимъ изъ ярыхъ представителей котораго является со-

¹⁾ Его образная поэтическая рѣчь, близкая къ народной рѣчи нашей Малороссіи, отличается, однако, кое чѣмъ отъ послѣдней въ формахъ и словарѣ, но не въ смыслѣ отдаленія отъ древнерусскаго источника, а въ смыслѣ приближенія къ нему: въ образномъ языкѣ Федьковича мы встрѣчаемъ обороты, свойственныя древне-русскимъ лѣтописямъ, напр. частое употребленіе родит. времени („одного вечора“, „одної днини“, см. Львовск. изд. 1902, II, 87, 95).

ставитель новѣйшихъ грамматикъ, извѣстный филологъ Смаль-Стоцкій, возникаетъ даже совершенно нелѣпое съ научной точки зрѣнія стремленіе доказать *исконную самостоятельность* малорусскаго языка рядомъ съ великорусскимъ и другими словянскими ¹⁾. Между тѣмъ правильная точка зрѣнія, доказанная нами выше, можетъ быть одна: *малорусскій и великорусскій языки — два родные брата, дѣти языка древне-русскаго до половины XII-го вѣка*, и каждый изъ нихъ можетъ быть сравниваемъ съ другими словянскими не самостоятельно, а лишь при посредствѣ возведенія къ языку прарусскому, который въ главныхъ чертахъ сохранился еще въ древнерусскомъ языкѣ до XII в.

Доказавъ *единство русскаго языка въ его нарѣчійхъ*, мы должны сказать нѣсколько словъ и о томъ русскомъ языкѣ, который изучается въ русскихъ школахъ и который мы называемъ общерусскимъ. Именно его нерѣдко представители украинской самостоятельности умышленно или неумышленно смѣшиваютъ съ языкомъ великорусскимъ, что глубоко невѣрно. Если внимательно изучать русскіе говоры, то мы найдемъ иногда въ народномъ великорусскомъ языкѣ больше совпаденія съ народнымъ же малорусскимъ, чѣмъ съ русскимъ литературнымъ или общерусскимъ. Лишь господствующее произношеніе этого послѣдняго языка, обусловленное послѣдней стадіей его развитія на почвѣ средневеликорусской, приняло преимущественно великорусскій характеръ, но изъ этого не слѣдуетъ, что всѣ особенности средневеликорусской народной рѣчи тождественны съ особенностями общерусскаго языка. Чтобы убѣдиться въ этомъ различіи, стоитъ сравнить съ общерусской рѣчью тѣ образцы говоровъ Московской г., которые помѣщены въ Хрестоматіи по великорусской діалектологіи Дурново и Ушакова (М. 1910), с. 124, 125 и слѣд.

Съ точки зрѣнія общерусскаго языка новѣйшей формаціи всякій мѣстный говоръ является „неправильнымъ“, „нечистымъ“, хотя бы онъ носилъ замѣчательные слѣды древности и передавалъ точнѣе древне-русскія традиции, чѣмъ нормированный „общерусскій“ языкъ. Этотъ послѣдній обязанъ своимъ образованіемъ не одному

¹⁾ См. рецензію акад. Е. О. Карскаго въ Русск. Филол. Вѣстникѣ 1914 г. № 2 (вып. 2-ой тома LXXI-го), стр. 635—640, на „Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache“ von St. von Smal Stockyi und Theodor Gartner“ (Wien, 1913). Подробнѣе разобраны доводы См. Стоцкаго и доказана ихъ несостоятельность въ статьѣ акад. А. А. Шахматова: „До питанія про початок української мови“ (въ журналѣ „Україна“ 1914, I, стр. 7—19).

какому нибудь нарѣчію, а созданъ усиліями культурныхъ дѣтелей изъ области разныхъ нарѣчій въ разныя эпохи русской исторіи. Онъ создавался путемъ невольныхъ соглашеній и уступокъ при живыхъ сношеніяхъ между собою верхнихъ слоевъ древне-русскаго общества, выросшихъ въ разныхъ мѣстностяхъ, среди различной діалектической обстановки, при чемъ сильное вліяніе на этотъ общій языкъ оказалъ языкъ древне-русской письменности—древне-церковно-словянскій, по своему происхожденію живой языкъ южно-македонскихъ словянъ IX-го вѣка, принадлежавшихъ къ той словянской вѣтви, которая нынѣ называется болгарской. Благодаря переводу священнаго писанія на этотъ языкъ словянскими апостолами Константиномъ и Меѳодіемъ, онъ сталъ церковнымъ и литературнымъ языкомъ увсѣхъ словянъ греко-восточнаго вѣроисповѣданія, а частію и у словянъ католиковъ, получившихъ въ 1248 г. буллою папы Иннокентія IV-го разрѣшеніе на употребленіе словянскихъ богослужебныхъ книгъ, написанныхъ глаголической азбукой. Какъ выше упомянуто, этотъ общесловянскій литературный языкъ читался русскими грамотниками согласно съ ихъ собственнымъ въ соответствующихъ словахъ живымъ произношеніемъ, а потому мы находимъ изрѣдка уже въ древнѣйшихъ памятникахъ XI-го вѣка, каково Остромирово Еванг. 1056—57, чаще съ конца XI и въ памятникахъ XII-го в. замѣну буквъ, непонятныхъ для русскаго переписчика, буквами, соответствующими звукамъ русскаго яз. (постепенно исчезала буква юса большого и замѣнялась буквою оу, У, а буква юса малаго получила значеніе звука а послѣ смягченнаго согласнаго, буква ѣ иногда замѣнялась буквами е или и, а вмѣсто е въ извѣстныхъ случаяхъ, особенно памятники южно-русскіе, стали употреблять ѣ). Такъ образовалась въ XI—XII в. русская редакція церковно-словянскаго языка. Этотъ языкъ былъ литературнымъ органомъ на Руси. На немъ писали всѣ серьезныя духовныя и свѣтскія произведенія: поученія, житія святыхъ, лѣтописи, при чемъ въ послѣднихъ лишь при описаніи событій народной жизни невольно проникала живая русская рѣчь въ значительной степени, но и она постоянно чередовала формы русскія съ южно-словянскими, что и свидѣтельствуетъ о томъ, что и разговорная рѣчь грамотнаго населенія усваивала церковно-словянизмы. Замѣтимъ, что нынѣ фиксированный въ печатныхъ синодальныхъ изданіяхъ церковно-словянскій текстъ, являющійся общимъ для всѣхъ словянскихъ церквей восточнаго исповѣ

данія, нетождественъ съ древне-русской редакціей, которая съ XIV-го вѣка испытала очень много новыхъ вліяній и исправленій: съ конца XIV-го вѣка усилилось южнославянское вліяніе на русскую письменность, и русскія книги получили новыя южнославянизмы, еще болѣе чуждые живому русскому языку, чѣмъ древніе; а въ XVII в. было радикальное исправленіе церковныхъ книгъ въ Москвѣ, при чемъ, съ одной стороны, были закрѣплены кое-какіе словарные сербизмы (пѣтель, коснѣти), съ другой, восстановлены нѣкоторыя особенности древнѣйшихъ текстовъ.

Параллельно съ исторіей русскаго церковнаго текста шла исторія живого русскаго языка. Появлялись произведенія на народномъ языкѣ въ XVI—XVII в.в. въ Литовской и Московской Руси (Евангеліе Тяпинскаго, Домострой, Библія Скорины и др.). Но русскій языкъ образованныхъ классовъ разныхъ городовъ рано могъ получать однообразный характеръ, соединяя съ общерусскими чертами и нѣкоторые заимствованные изъ письменности церковно-славянизмы. Такой общій разговорный языкъ уже въ древнее время XI—XII в. могъ существовать въ „матери городовъ русскихъ“ древнемъ Кіевѣ, гдѣ была постоянная смѣна княжескихъ дружинниковъ, благодаря удѣльно-вѣчевому строю и наслѣдованію князей не по прямой линіи. Изъ древняго Кіева этотъ языкъ, въ которомъ сглаживались діалектическія различія и выступали лишь общія всѣмъ говорамъ русскія особенности, переносился въ область суздальскую, Владимиръ на Князьмѣ и далѣе въ Москву. Конечно, послѣ раздѣленія русскихъ земель на Московскую и Литовскую Русь, а въ особенности съ паденіемъ удѣльнаго строя, содѣйствовавшаго частымъ переселеніямъ, языкъ Московской Руси все болѣе отдалялся отъ языка Руси Литовской, которая послѣ соединенія съ Польшей начала воспринимать и полонизмы. Но вліяніе южнорусскихъ дѣятелей на Москву, на ея письменность, а черезъ посредство послѣдней и на живой языкъ высшихъ классовъ Москвы не прекращалось въ XVI-омъ, особенно же усилилось въ XVII-омъ столѣтіи, когда цѣлый рядъ кіевскихъ ученыхъ приносилъ свои произведенія въ Москву. Эти ученые и литераторы южно-русскіе (Мелетій Смотрицкій, Стефанъ Яворскій, Дмитрій Ростовскій и друг.) въ XVII—XVIII стол., несомнѣнно, содѣйствовали притоку южнорусизмовъ (малорусизмовъ) въ русскую литературную и общерусскую рѣчь на сѣверѣ. Съ другой стороны, литературный русскій языкъ,

воспитавшійся на ц. словянской основѣ, постепенно все больше воспринимаетъ народныхъ русскихъ элементовъ разныхъ мѣстностей, что особенно усилилось послѣ дѣятельности Ломоносова, вносившаго много сѣверо-великорусскихъ народныхъ словъ и оборотовъ. Послѣ Ломоносова, освятившаго своимъ разсужденіемъ о стиляхъ доступъ народнаго языка въ литературу, послѣдній входитъ въ нее уже въ качествѣ господствующей стихіи въ произведеніяхъ И. А. Крылова, Пушкина, Грибоѣдова, и еще болѣе писателей второй половины XIX-го в. Важно указать, что кромѣ великорусской рѣчи въ литературу и общерусскій языкъ продолжаетъ *проникать и малорусская* въ произведеніяхъ Гнѣдича, Гоголя, Кохановской, Данилевскаго и мн. др. Народный воронежскій поэтъ Кольцовъ, кромѣ внесенія народной южно-великорусской стихіи, имѣетъ кое-что и малорусское. *Такимъ образомъ, русскій литературный языкъ никоимъ образомъ не можетъ считаться исключительно великорусскимъ, не можетъ считаться вполне великорусскимъ и общерусскій разговорный языкъ. Ясно, что русскій литературный языкъ есть общерусское достояніе.*

Б. Ляпуновъ.

Мартъ 1919 г.

Профессоръ Александръ Билимовичъ.

Экономическое единство Россіи.

Расчлененіе Россіи и образованія изъ нея ряда самостоятельныхъ государствъ разъединило бы части страны, связанныхъ другъ съ другомъ тѣснѣйшими экономическими узами. Оно уничтожило бы единство обширной народно - хозяйственной области, образовавшейся путемъ долгаго историческаго процесса. Разрывъ этой области нанесъ бы не поддающійся сейчасъ исчисленію вредъ всѣмъ частямъ Россіи — югу и сѣверу, западу и востоку.

Сохраненіе бывшей до сихъ поръ обширной *россійской* народно - хозяйственной области, съ разнообразіемъ ея природныхъ богатствъ, физико-географическихъ условій и промысловъ населенія, — имѣетъ огромное значеніе для каждой, входившей въ составъ Россіи, части. Надо быть знакомымъ съ историческимъ развитіемъ народно - хозяйственныхъ областей, надо подмѣтить ясно проглядывающую сквозь калейдаскопъ слаганія и распаденія государствъ основную тенденцію къ расширенію объединенныхъ хозяйственныхъ областей. Надо вдуматься хотя бы въ знаменитую схему К. Бюхера, отмѣчающую прохожденіе человѣческимъ хозяйствомъ стадій домашняго замкнутаго, городского — мѣстнаго и народнаго хозяйства. И тогда понятна будетъ величайшая цѣнность сохраненія единства обширной экономической области бывшей Россіи.

Въ частности отторженіе юга Россіи отъ сѣвера, въ видѣ созданія самостоятельнаго украинскаго государства изъ 9 южныхъ губерній, было бы насильственнымъ разъединеніемъ территорій, населенныхъ вѣтвями одного и того же народа, связанныхъ единствомъ вѣры и долгой общностью исторической судьбы. Но что особенно важно для насъ въ данномъ случаѣ — территоріи. Эти тысячами экономическихъ связей спаяны другъ съ другомъ, нуждаются другъ въ другѣ, естественно дополняютъ одна другую и потому не могутъ свободно и полно экономически развиваться одна безъ другой. Не случайно, а стихійно, стремясь къ достиженію важнѣйшихъ экономическихъ цѣлей и подчиняясь глубокимъ и неустранимымъ законамъ хозяйственнаго развитія, великорусское и малорусское племя слилось въ одно государственное цѣлое и образовали единую экономическую область. Переживаемая

нами послѣдствія разрыва этой области во время нынѣшней революціи, показали, насколько неестественно было бы и чѣмъ грозило бы ея окончательное раздѣленіе. Противорѣчіе „его сознанію великорусскихъ и малорусскихъ народныхъ массъ“ обнаружилось всю его искусственность. А дважды потерпѣвшая фіаско попытка образовать изъ южной Россіи самостоятельное украинское государство, демонстрировала практическую невыполнимость отдѣленія сѣвера отъ юга. И особенно показательно, что неудача такого отдѣленія оба раза произошла подъ сильнымъ вліяніемъ экономическихъ условій.

Въ сохраненіи экономическаго единства Россіи взаимно заинтересованы сѣверъ и югъ, востокъ и западъ—Великороссія и Малороссія съ Новороссіей. И нельзя подсчитать, кто въ комъ нуждается болѣе сѣверъ въ югѣ или югъ въ сѣверѣ.

Значеніе сѣвера для юга состоитъ въ слѣдующемъ.

1. Весь югъ Евр. Россіи, кромѣ полѣскихъ частей Волынской, Кіевской и Черниговской губ., либо бѣденъ лѣсомъ, либо совершенно безлѣсенъ. Сѣверъ поэтому является единственнымъ для всего юга источникомъ полученія лѣсныхъ матеріаловъ и древеснаго топлива.

2. Весь югъ Россіи почти не имѣетъ текстильной промышленности. Лишь въ немногихъ пунктахъ юга она достигла нѣкотораго развитія, но и тамъ она создана великороссами выходцами изъ сѣвера (напр. Клинцы Черниговской губ.). Вмѣстѣ съ тѣмъ создать эту промышленность при нынѣшнихъ условіяхъ быстро не представляется возможнымъ. Кромѣ того внѣ связи съ Велико-россіей и востокомъ югъ не можетъ рассчитывать на полученіе хлопка изъ Туркестана. Поэтому югъ Россіи вынужденъ получать мануфактуру либо отъ сѣвера Россіи (Московскій районъ), либо изъ Польши, либо изъ западно-европейскихъ государствъ.

3. Югъ Россіи, и именно Малороссія, является за исключеніемъ Польши, почти монопольнымъ производителемъ въ странѣ сахара. Это одно изъ важнѣйшихъ преимуществъ Малороссіи и одна изъ главнѣйшихъ отраслей ея промышленности. Но свыше $\frac{1}{2}$ производимаго здѣсь сахара сбывалось на сѣверъ и востокъ Россіи. Отдѣленіе юга уничтожило бы привилегированное положеніе южно-русскаго сахара на рынкахъ остальной Россіи, охраняемыхъ единою таможенною границей государства. Стдѣленной Велико-россіи съ Сибирью и Кавказомъ не будетъ никакого смысла переплачивать на сахаръ Украины, когда они въ состояніи полу-

чать безошлинно дешовый сахаръ изъ Польши, Германіи и тростниковый сахаръ изъ Англіи. Сахарная промышленность юга, отдѣленнаго отъ остальной Россіи, должна была бы въ виду этого сократиться до $\frac{1}{2}$ ея нормального размѣра, а можетъ быть еще сильнѣе.

4. Въ болѣе слабой степени, вслѣдствіе громоздкости своихъ продуктовъ, но также испытала бы сокращеніе района сбыта и наростаніе иностранной конкуренціи металлургическая промышленность Донецкаго бассейна. А между тѣмъ промышленность эта является исключительнымъ по своему богатству и народно-хозяйственному значенію достояніемъ юга.

5. Наконецъ, югъ Россіи долженъ серьезно учесть то, что кромѣ частей Херсонской, Екатеринославской и степныхъ уѣздовъ Таврической губ. онъ сравнительно густо населенъ. Особенно густо населеніе въ Малороссіи, въ тѣсномъ смыслѣ слова. Земель свободныхъ для колонизаціи въ ней совершенно нѣтъ. Между тѣмъ сѣверъ и востокъ Россіи до настоящаго времени обладаютъ необъятными земельными ресурсами. Малорусское племя издавна пользовалось ими, переселяясь на свободныя земли. Это дѣлало возможнымъ интенсивное распространеніе малорускаго племени на территоріи Россіи. Отдѣленіе Малороссіи отъ остальной Россіи закрыло бы для него эту возможность.

Мы указали лишь главнѣйшія стороны экономической заинтересованности юга въ сохраненіи единства съ сѣверомъ и востокомъ Россіи. Кромѣ нихъ существуетъ много другихъ сторонъ, менѣе важныхъ. Таковы: полученіе нефти и нефтяныхъ продуктовъ съ Кавказа, рыбы изъ прикаспійскаго района и др.

Съ другой стороны, сѣверъ не менѣе заинтересованъ въ сохраненіи единства Россіи и связи съ нимъ.

Значеніе юга для сѣвера состоитъ въ слѣдующемъ.

1. Для сбыта нѣкоторыхъ своихъ продуктовъ и полученія иностранныхъ товаровъ сѣверъ нуждается въ южныхъ портахъ.

2. Югъ является крупнымъ рынкомъ для продуктовъ мануфактурной промышленности Великороссіи.

3. На югъ сбывается много лѣсныхъ матеріаловъ и дровъ.

4. Сѣверъ и востокъ Россіи получаетъ изъ Малороссіи почти весь потребляемый ими сахаръ, такъ какъ въ Великороссіи существуютъ лишь единичные песочные заводы и нѣсколько рафинадныхъ. По климатическимъ и почвеннымъ условіямъ сахарная промышленность въ большинствѣ мѣстъ Великороссіи и

не можетъ достигнуть широкаго развитія. Между тѣмъ получение сахара изъ частей своего же государства важно, такъ какъ избавляетъ сѣверъ отъ иностранной зависимости въ отношеніи этого товара и предупреждаетъ отягощеніе торговаго баланса на значительную сумму,

5. Сѣверъ Россіи получаетъ отъ юга значительное количество металла и отчасти каменнаго угля, равно какъ продуктовъ металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности. Сказанное выше о полученіи изъ за границы сахара въ главномъ приложимо также къ продуктамъ горнаго дѣла и металлургіи. По крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ пока не получить достаточнаго развитія горная промышленность Урала и Сибири.

6. Сѣверъ Россіи кромѣ того получаетъ съ юга большія количества скота, а также табака и др. товаровъ.

7. Наконецъ, густо населенная Малороссія оказывала и можетъ оказать въ дальнѣйшемъ сѣверу Россіи и особенно ея восточнымъ окраинамъ услугу въ качествѣ источника людскихъ массъ, колонизирующихъ и этимъ оживляющихъ и закрѣпляющихъ за Россіей обширныя свободныя земельныя пространства. Какъ показываетъ историческій опытъ и ходъ нашего переселенческаго движенія, малорусское племя, съ его тягой къ землѣ, любовью къ ней и умѣньемъ переносить свой малорусскій бытъ на далекую чужбину, является прекраснымъ племенемъ—колонизаторомъ.

Сказанное, конечно, не исчерпываетъ многочисленныхъ сторонъ экономической зависимости сѣвера и востока Россіи отъ юга ея. Выше перечислено лишь главнѣйшее. Но въ одномъ отношеніи эта зависимость сѣвера и востока Россіи совершенно извращается. Мы имѣемъ въ виду усиленно распространяемое сторонниками отдѣленія Украины отъ Россіи заявленіе, что не Украина нуждается въ Великороссіи, а, наоборотъ, Великороссія умиретъ съ голоду безъ Украины, такъ какъ первая получаетъ хлѣбъ отъ второй. Это братоненавистническое заявленіе совершенно ложно для нормальнаго времени. Великороссія хлѣба изъ Малороссіи и Новороссіи въ общемъ не получала. Она жила хлѣбомъ своихъ центрально-земледѣльческихъ губерній, затѣмъ хлѣбомъ Поволжья и Заволжья, а въ послѣднее время, но и то очень мало, хлѣбомъ Зап. Сибири. Хлѣбные же избытки юга Россіи шли не въ Великороссію, а въ главной своей массѣ вывозились за границу черезъ порты Чернаго и Азовскаго морей. Другая часть ихъ вывозилась въ Германію черезъ западную сухо-

лутую границу. Наконецъ, третья часть ихъ, сравнительно небольшая, шла въ Польшу и въ бѣдныя своимъ собственнымъ хлѣбомъ Бѣлоруссію и Литву. Но отнюдь не въ Великороссію. Если же въ настоящее время Великороссія, дѣйствительно, умираетъ съ голоду и рвется къ хлѣбу южной Россіи, то это объясняется большевистскимъ режимомъ, господствующимъ безъ перерыва уже болѣе года въ Великороссіи, разрушеніемъ земледѣлія въ центральной Россіи и Поволжья, наконецъ полнымъ разстройствомъ желѣзнодорожнаго и волжскаго транспорта. Каковы будутъ излишки хлѣба въ самой Малороссіи послѣ новаго господства въ ней сперва большевиковъ Винниченка, а затѣмъ большевиковъ Пятакова это покажетъ будущее. Хлѣбъ юга игралъ важную роль въ хозяйственной жизни всей Россіи, и въ частности Великороссіи, но не тѣмъ, что онъ питалъ послѣднюю. Его значеніе было въ томъ, что онъ составлялъ важную часть русскаго экспорта, и потому на немъ въ значительной степени покоился внѣшній товарообмѣнъ и расчетный балансъ Россіи. Но въ этомъ южномъ, вывозимомъ за границу хлѣбѣ, сравнительно невелика была доля хлѣба изъ Малороссіи въ тѣсномъ смыслѣ слова. Наибольшую его массу представляли хлѣбные избытки Новороссіи и Сѣв. Кавказа. Такова взаимная заинтересованность сѣвера и юга Россіи и связь между ними. Она даетъ возможность понять, какой тяжелый ущербъ хозяйственнымъ интересамъ каждому изъ нихъ нанесло бы раздѣленіе ихъ и превращеніе въ отдѣльныя государства. Но, помимо отмѣченнаго выше, расчлененіе Россіи лишило бы всѣ части ея, какъ Малороссію, такъ и Великороссію, преимуществъ принадлежности къ одному большому цѣльному государству и народному хозяйству.

Могутъ быть отмѣчены слѣдующія наиболѣе ясныя и важныя изъ этихъ преимуществъ, лежащія въ сферѣ хозяйственной жизни.

1. Единство обширной территоріи съ большимъ разнообразіемъ природныхъ богатствъ и большой численности населенія съ разнообразіемъ хозяйственнаго быта и навыковъ составляющихъ это населеніе племенъ. Такая территорія и такое населеніе обеспечиваютъ каждой части страны выгоды широкаго территоріальнаго раздѣленія труда внутри общей народно-хозяйственной области. А это раздѣленіе труда обеспечиваетъ полноту и гармоничную всесторонность экономического развитія. Разорвите эту территорію на части, раздѣлите населеніе ея на

отдѣльные народцы—и это преимущество, съ такимъ трудомъ достигавшееся Россіей долгимъ историческимъ путемъ, такъ ревниво охраняемое у себя другими великими державами, будетъ погублено.

2. Единство непрерывной, по общему плану сознанный и развиваемой далѣе, обширной рельсовой сѣти, равно какъ единство сѣти водныхъ путей, связанное съ этимъ единство тарифной политики, обеспечивающей свободу и удобство товарообмѣна на протяженіи всей громадной территоріи.

3. Свобода внутренней торговли внутри обширнѣйшей области. Постепенное собираніе государства и постепенное устраненіе внутреннихъ таможенъ, закончившееся въ эпоху Екатерины II, создало указанную свободу внутренней торговли. Расчлененіе Россіи на рядъ государствъ уничтожило бы выгоды этой свободы, установило-бы рядъ таможенныхъ границъ, многочисленныя новыя таможенные сборы, запрещеніе ввоза и вывоза, расходы на погребничную стражу и на таможенные учрежденія. Закрѣпленъ бы былъ на все время тотъ параличъ товарообмѣна и тѣ торговые споры и междоусобицы, которые мы наблюдаемъ въ настоящее время.

4. Свобода расселенія, переселенія и передвиженія населенія, приобрѣтеніе имъ имущества и занятія промыслами на протяженіи громадной территоріи. Эта свобода есть одна изъ величайшихъ завоеваній населенія Россіи, постепенно съ трудомъ достигнутыхъ, заверщенное уничтоженіемъ ограниченій осѣдлости и провозглашеніемъ равноправія всѣхъ національностей. Раздѣлъ Россіи на части обрѣзалъ бы значительную часть этого важнаго элемента свободы личности. Мы не говоримъ уже о трудностяхъ переходнаго времени, когда массы людей окажутся у себя дома иностранцами, Мы имѣемъ въ виду стѣсненія, особенно тягостныя въ сферѣ хозяйственныхъ отношеній, которыя создались бы на длительный періодъ времени.

5. Единство колонизаціонной политики, которое создаетъ возможность приобщить по единому плану всѣ части страны и всѣ населяющіе ихъ народы къ использованию принадлежащихъ государству свободныхъ земель.

6. Единство обширной области, противостоящей, какъ одно цѣлое, другимъ народнымъ хозяйствамъ. Такое положеніе обеспечиваетъ крупныя выгоды въ области внѣшней торговли, въ сферѣ политики этой торговли, при международныхъ эконо-

мических конфликтахъ и при заключеніи торговыхъ договоровъ. Планъ Германіи, клонившійся къ расчлененію Россіи, преслѣдовалъ въ значительной мѣрѣ цѣль разбить одно большое народное хозяйство, выступавшее, какъ мощный монолитъ въ области международной торговой политики, и замѣнить его рядомъ мелкихъ единицъ, не способныхъ отстаивать свои интересы и сопротивляться внѣшнему поработенію. Единство международной торговой политики особенно важно въ предстоящую эпоху, такъ какъ судя по всему европейско-американскій міръ вступаетъ въ полосу строго регламентированнаго международного товарообмѣна. Регламентация коснется повидимому не только установленія таможенныхъ пошлинъ, какъ это дѣлалось до сихъ поръ, но и количества вывоза и ввоза различныхъ товаровъ сырья, полуфабрикатовъ и готовыхъ издѣлій, распредѣленія того и другого по государствамъ, даже расцѣнки этихъ товаровъ и можетъ быть государственной монополизацией различныхъ отраслей внѣшней торговли. Выступать при такой, частью государственной, частью междугосударственной, регламентации въ качествѣ одного большого цѣлаго имѣетъ очевидное преимущество.

7. Единство денежной системы. Выгоды его до того очевидны, что ихъ нѣтъ нужды подробно доказывать. Особенно важно это единство при неразмѣнныхъ бумажныхъ деньгахъ. Хожденіе полноцѣнной звонкой монеты обеспечивается цѣнностью металла. Хожденіе же бумажныхъ денегъ обусловливается вѣліемъ государственной власти и потому сфера хожденія ихъ ограничивается территоріей, подчиненной данной власти. При этомъ увеличеніе сферы хожденія денегъ въ возрастающей степени упрочиваетъ эти деньги. Отсюда понятно крупнѣйшее преимущество единства денежной системы на территоріи всей Россіи передъ бумажными деньгами, выпускаемыми отдѣльными частями ея и не имѣющими хожденія въ другихъ частяхъ. Прелести расчлененія денежной системы мы наблюдаемъ въ настоящее время. Но сейчасъ эти прелести еще не полны, такъ какъ сохраняются общерусскія деньги, имѣющія повсемѣстное хожденіе. При полномъ расчлененіи валюты на одномъ промѣнѣ денегъ и колебаніяхъ курсовъ денегъ различныхъ частей Россіи какія потери несло бы населеніе. Это выгодно было бы лишь мѣняламъ и спекулянтамъ на разрозненныхъ валютахъ.

8. Единство основныхъ принциповъ финансовой и въ частности налоговой политики. Особенно важно единство косвеннаго

обложенія, такъ какъ неравенство его будетъ вызывать искусственное передвиженіе товаровъ и даже переселеніе предприятий, которое много хлопотъ причинило бы пограничной стражѣ и торговой политикѣ отдѣльныхъ частей расчлененной Россіи.

Единство Россіи представляетъ, наконецъ, громадныя преимущества въ дѣлѣ государственнаго кредита. Кредитоспособность Россіи, какъ единаго громаднаго государства, настолько же больше отдѣльной кредитоспособности всѣхъ ея частей, взятыхъ вмѣстѣ, насколько одинъ брилліантъ дороже вмѣстѣ взятыхъ кусковъ его, на которые его разбили бы. Каждая часть Россіи, даже относительно болѣе богатая, потеряла бы въ смыслѣ кредитоспособности при своемъ отдѣленіи отъ прочихъ частей. По этимъ же мотивамъ въ сохраненіи единства Россіи заинтересованы и иностранныя державы—наши кредиторы (Франція и др.). Ибо кредиторъ всегда предпочитаетъ, чтобы по его ссудѣ отвѣчалъ одинъ владѣлецъ всѣмъ своимъ имуществомъ, а не рядъ его, частью очень не надежныхъ и недобросовѣстныхъ, наслѣдниковъ, раздѣлившихъ и при дѣлѣжѣ частично погубившихъ его состояніе.

Таковы основныя экономическія связи сѣвера и юга Россіи, запада и востока. И такова выгода единства государства въ сферѣ экономической.

Эти связи такъ сильны, эти выгоды такъ велики, что ни одной части Россіи безъ тяжкихъ экономическихъ лишеній невыгодно отрываться отъ цѣлаго. Люди, которые, выполняя чужіе планы, или объятые сепаратистскимъ энтузіазмомъ и ненавистью къ цѣлому, или преслѣдуя свои мелкія корыстныя цѣли, стремятся оторвать отъ Россіи ту или иную ея часть, ослабляя всѣ другія части, вмѣстѣ съ тѣмъ нанесли бы непоправимый ущербъ населенію своей части. Это въ полной мѣрѣ имѣетъ приложеніе и къ той части Россіи, состоящей изъ 9 южныхъ губерній, которую галиційско-украинскіе политики стремятся отдѣлить отъ Россіи подъ видомъ особаго Украинскаго государства. Стремясь къ этому они или по невѣжеству своему не понимаютъ тягостныхъ экономическихъ послѣдствій такого отдѣленія для малорускаго народа или съ присущей имъ склонностью къ обману понимаютъ, но скрываютъ это отъ народа, увѣряя его въ обратномъ. Но неумолимые экономическіе факты такъ убѣдительны, что даже мало просвѣщенный и усиленно сбиваемый съ толку, терроризируемый малорусскій народъ, какъ и все остальное населеніе южной Россіи разберутся въ нихъ. На этомъ мы болѣе,

нежели на чемъ-либо другомъ основываемъ нашу глубокую увѣренность въ томъ, что отдѣленіе юга Россіи отъ ея сѣвера не осуществится.

Конечно сохраненіе государственнаго и хозяйственнаго единства Россіи не устраняетъ, но наоборотъ настоятельно требуетъ самостоятельности хозяйственной жизни, хозяйственнаго и въ частности финансоваго самоуправленія отдѣльныхъ автономныхъ областей обширнаго государства. Определеніе предѣловъ широкой хозяйственной самостоятельности этихъ областей есть сложная и серьезная проблема построенія на новыхъ началахъ жизни возрождающейся единой Россіи.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

Профессоръ Александръ Билимовичъ.

Дѣленіе южной Россіи на области.

При устроеніи возрождающейся Россіи на новыхъ началахъ страна мыслится нами раздѣленнѣй на рядъ автономныхъ областей.

Области эти должны состоять по нѣскольکو губерній, отличающихся общностью физико-географическихъ, этнографическихъ, экономическихъ и историческо-политическихъ признаковъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ автономныя области не могутъ быть чрезмѣрно большими, такъ какъ тогда въ одну область соединены будутъ мѣстности очень отличныя одна отъ другой, а кромѣ того при чрезмѣрномъ увеличеніи размѣровъ областей внутри ихъ окажется примѣнимымъ принципъ централизаціи и въ значительной мѣрѣ уничтоженъ будетъ смыслъ созданія областныхъ автономій.

Поскольку рѣчь идетъ о Южной Россіи, мы встрѣчаемся съ настойчивымъ стремленіемъ украинскихъ сепаратистовъ къ мѣстному украинскому централизму. Они стремятся слить въ одну область въ видѣ самостоятельнаго государства громадную площадь южной Россіи, обнимающую 9 губерній. Область эта, согласно ихъ плану, должна дѣлиться затѣмъ прямо на мелкія административныя единицы, значительно меньше нынѣшнихъ губерній. При такомъ дѣленіи получилась бы область невѣроятно большая, въ которой сохранились бы всѣ недостатки прежняго централизма. Область эта, далѣе обнимала бы мѣстности, ничего между собой общаго не имѣющія и другъ съ другомъ, какъ части области, ничѣмъ не связанныя. Что, напри- мѣръ, общаго у Волынской и Херсонской или сѣверной части Таврической губерній, и почему они должны быть соединены въ одну область?

Не подлежитъ сомнѣнію, что при примѣненіи принципа областныхъ автономій южная Россія (Украина, какъ ее теперь называютъ) должна быть раздѣлена на нѣскольکو областей.

Въ основу такого дѣленія слѣдуетъ положить главнѣйшіе физико-географическіе признаки, равно какъ признаки демографическіе и хозяйственные. Но получающіеся на основаніи этихъ признаковъ области необходимо корректировать съ точки зрѣнія удобства административнаго и иного управленія. А для

этого устанавливаемая дѣленія должны соответствовать сложившимся историческимъ отношеніямъ, быть не слишкомъ большими и не слишкомъ малыми, быть насколько возможно равновеликими по пространству, быть по возможности удобнаго очертанія, имѣть центрами нынѣшніе центры тяготѣнія и, наконецъ, поскольку это представляется допустимымъ, совпадать съ существующими нынѣ административными дѣленіями. Последнее требованіе диктуется тѣмъ, что къ нынѣшнимъ административнымъ дѣленіямъ приурочены многочисленныя статистическія данныя, собиравшіяся въ теченіи ряда десятилѣтій. Нарушеніе сравнимости этихъ данныхъ, вызвало бы много затрудненій въ дѣлѣ изученія мѣстной жизни, равно какъ въ области специальной районной политики и общаго административнаго управленія. Кромѣ того перекраиваніе нынѣшнихъ дѣленій нарушило бы преимущество многолѣтней дѣятельности органовъ мѣстнаго самоуправленія въ старыхъ земскихъ губерніяхъ южной Россіи.

Для построенія такого дѣленія воспользуемся уже произведеннымъ, хотя и неполнымъ, изученіемъ южной Россіи. Точно также воспользуемся построенными на основаніи такого изученія дѣленіемъ на области территоріи южной Россіи, предложенными многочисленными авторами. изслѣдовавшими вопросъ о районахъ Европейской Россіи и въ частности ея южной части

Въ другой работѣ нами изложены и разобраны проекты дѣленій, предложенные слѣдующими изслѣдователями:

1. К. Арсеньевъ (1818 г.);
2. П. П. Семеновъ (1871 г. и 1877 г.);
3. Кн. А. Васильчиковъ (1876 г.);
4. Ю. Э. Янсонъ (1878 г.);
5. М. П. Драгомановъ (1884 г.);
6. Д. И. Менделѣевъ (1893 г. и 1906 г.);
7. А. О. Фортунатовъ (1896 г.);
8. Г. И. Танфильевъ (1897 г.);
9. Д. И. Рихтеръ (1898 г.);
10. Н. Г. Кулябко-Корецкій (1903 г.);
11. А. Н. Челинцевъ (1911 г.);
12. А. И. Ярошевичъ (1911 г. и 1914 г.);
13. В. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій (1912 г.);
14. А. И. Скворцовъ (1914 г.);
15. М. С. Грушевскій (1917 г.);
16. Украинская федеративная демократическая партія (1918 г.)

Если воспользоваться работою, продѣланною въ теченіи цѣлаго столѣтія этими авторами, и суммировать добытые ими результаты, то ясно вырисовывается распаденіе южной Россіи на три области:

1. Юго-западный край или Правобережную Малороссію изъ Кіевской, Вслынской и Подольской губ.

2. Лѣвобережную Малороссію изъ Черниговской, Полтавской и Харьковской губ.

3. Новороссію или южную степную область изъ Херсонской, Екатеринославской и трехъ континентальныхъ уѣздовъ Таврической губ. А при воссоединеніи съ Россією Бессарабіи и Бессарабской губерніи.

Двѣ первыя области по преобладающему своему характеру являются лѣсостепными, третья — носить чисто степной характеръ. Правда, сѣверныя части первыхъ двухъ областей, а именно сѣверныя полѣсскія части Волынской, Кіевской и Черниговской губерній, довольно рѣзко отличаются отъ болѣе южныхъ мѣстностей своими природными и экономическими свойствами. Указанныя части, поэтому, слѣдовало бы выдѣлить, какъ выдѣляютъ ихъ многіе изъ авторовъ. Но эта полѣсская полоса тянется длинной и узкой извилистой линіей на громадное пространство, и потому ее нѣтъ возможности выдѣлить въ особую область и вообще въ особую административную единицу. Кромѣ того полоса эта на западѣ Волынской и на сѣверѣ Черниговской губ. далеко не одинакова по своимъ свойствамъ, поэтому изъ нея все равно нельзя создать однородной области. Даже границы губерній нельзя провести такъ, чтобы образовать особыя полѣсскія губерніи въ предѣлахъ областей южной Россіи. Этому мѣшаетъ своеобразное очертаніе полѣсскихъ мѣстностей въ предѣлахъ южно-русскихъ губерній.

Приведенному выше трехчленному дѣленію южной Россіи нѣкоторые авторы противопоставляютъ двучленное, сливая правобережную и лѣвобережную Малороссію, или по крайней мѣрѣ двѣ лѣвобережныя губерніи (Черниговскую и Полтавскую) въ одну область. Но при такомъ дѣленіи получается слишкомъ большая область, составленная изъ губерній во многомъ отличныхъ другъ отъ друга.

Другіе предлагаютъ четырехчленное дѣленіе южной Россіи, раздѣляя лѣвобережныя губерніи на двѣ области: одна — лѣвобережная Малороссія изъ Черниговской и Полтавской губ., и

другая—Слободская Украина изъ Харьковской губ. съ примыкающими къ ней малорусскими уѣздами Курской и Воронежской губ. Это дѣленіе имѣетъ за себя извѣстныя историческія основанія. Оно отбѣнило бы также то, что Черниговская и Полтавская губ. западными частями своими тяготеютъ болѣе къ Кіеву, нежели къ Харькову. Но такое дѣленіе создало бы на ряду съ тремя крупными областями четвертую очень небольшую, которая какъ самостоятельная область была бы слабой и нецѣлесообразной. Кромѣ того такое дѣленіе не вызывается никакой необходимостью съ точки зрѣнія природныхъ и экономическихъ свойствъ этихъ мѣстностей, ибо въ этомъ отношеніи между Полтавской губ., Харьковской губ. и южной частью Черниговской губерніи не существуетъ какихъ-либо существенныхъ различій.

Точно также мы не видимъ основаній выдѣлять, подобно нѣкоторымъ авторамъ, въ особую область горно-промышленный районъ. Важный и отличающійся существенными особенностями районъ этотъ слишкомъ малъ, чтобы быть отдѣльной областью. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ достаточно выдѣляется въ качествѣ особой мѣстной территоріальной и административной единицы въ видѣ Екатеринославской губ. Новороссійской области.

Наконецъ въ противовѣсъ раздѣленію южной Россіи на нѣсколько областей представитель украинскаго сепаратизма, проф. М. Грушевскій, предложилъ дѣленіе, уничтожая всѣ крупныя области и даже губерніи. вмѣсто этого онъ дѣлитъ Украину на 30 частей: 27 земель + 3 города—Кіевъ, Одессу и Харьковъ. Мы въ другомъ мѣстѣ подробно разбираемъ это дѣленіе. Здѣсь скажемъ, что оно создало бы изъ Украины одну большую область и, слѣдовательно, лишь замѣнило бы бывшій общероссійскій централизмъ, централизмомъ украинскимъ. Каждая часть при этомъ дѣленіи состоитъ всего изъ 2—3 уѣздовъ. Такія области оказались бы слишкомъ слабыми, какъ административныя и земскія единицы, а областная администрація и земство оказались бы въ нихъ слишкомъ дорогими. Но это мало беспокоило автора дѣленія. Стремленіе къ украинскому централизму и боязнь встрѣтить противодѣйствіе со стороны крупныхъ самоуправляющихся единицъ, очевидно, доминировали у автора надъ всѣмъ. Кромѣ того дѣленіе на земли въ цѣломъ рядѣ случаевъ совершенно не соотвѣтствуетъ экономическимъ и инымъ современнымъ требованіямъ. Земли установлены авторомъ на основаніи однихъ историческихъ признаковъ (Деревская земля, Болоховская земля, По-

ляне или Русь, Сѣчь, Запорожье, Половецкая земля и др.), что конечно недостаточно. Къ тому же мы показываемъ въ спеціальной работѣ, посвященной этому вопросу, что дѣленіе это не выдерживаетъ критики даже съ этой исторической точки зрѣнія. Оно является лишь грубымъ историческимъ маскарадомъ, на которомъ специализировался проф. М. Грушевскій въ своихъ попыткахъ оторвать Малороссію отъ Россіи.

Таковы тѣ основанія, въ силу которыхъ должно быть отдано предпочтеніе дѣленію южной Россіи на три перечисленныя выше области.

Областными городами этихъ областей могутъ быть: Кіевъ, Харьковъ и Одесса.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

Объ автономіи Новороссіи.

Новороссіей называется пространство занятое нынѣ четырьмя губерніями — Бессарабской, Херсонской, Екатеринославской и Таврической.

Новороссія рѣзко отличается отъ расположенныхъ сѣвернѣе частей Россіи по своимъ географическимъ, историческимъ, этнографическимъ и экономическимъ особенностямъ.

Въ географическомъ отношеніи Новороссію можно назвать приморскою степью или, точнѣе, Черноморско-Азовскою степною полосой. Между тѣмъ пограничье съ нею сѣверныя губерніи имѣютъ лѣсостепную или лѣсную природу и совершенно не испытываютъ вліянія Чернаго моря, вліянія не простирающагося за предѣлы Новороссіи. Сѣверная граница Новороссіи совпадаетъ съ южной границей культуры свеклы и клевера и является сѣверной границей промышленнаго виноградарства.

По своему рельефу Новороссія представляетъ, за небольшими исключеніями, равнину, иногда слегка расчлененную, весьма постепенно и равномерно понижающуюся къ мору. Равнина Новороссіи сливается на востокъ съ необозримыми пространствами азіатскихъ степей.

Степной характеръ, равнинность мѣстности и то обстоятельство, что нынѣшняя Новороссія составляла западный предѣлъ движенія кочевническихъ народовъ съ востока, препятствовали здѣсь прочной осѣдлости и исторической жизни.

Исторія Новороссіи за весь первоначальный тысячелѣтній періодъ опредѣляется какъ *исторія великаго пути*, по которому проходили народы, не задерживаясь прочно и не оставляя никакой преемственности.

Русскіе славяне также дѣлали попытки утвердиться въ предѣлахъ южно - русской степи въ своемъ стремленіи на югъ, къ берегамъ Чернаго моря и достигали ихъ и Дуная, но дѣлили здѣсь общую участь всѣхъ пытавшихся начать въ степи осѣдлую жизнь—новый натискъ кочевниковъ сметалъ всѣ эти попытки. Поэтому сѣверная граница Новороссіи совпадаетъ съ тѣмъ предѣломъ, на которомъ надолго, до середины XVIII в. остановилась осѣдлая жизнь Русскаго племени.

Въ XVI, XVII и первой половинѣ XVIII вѣка Новороссія представляла собою необитаемую степь, куда проникла лишь вольница, жившая военной добычей. Въ польскихъ хроникахъ вся эта мѣстность носила характерное названіе „Дикаго поля“. Географы того времени имѣли очень смутное представленіе о границахъ этого пространства, совершенно неправильно изображавшагося ими на картахъ.

Въ срединѣ XVIII вѣка начинается формированіе этого края какъ русской области. Правда полукочевая - полуосѣдлая казацкая колонизація по долинѣ Днѣпра происходила и раньше, но она являлась не прочной и не оставила преемственности.

Первыя поселенія, носившія полу-военный, полу-земледѣльческій характеръ, соотвѣтственно условіямъ южно - русскаго пограничнаго быта, возникли въ сѣверной части Новороссіи въ 1752 году изъ сербовъ и венгровъ и эта группа поселеній получила названіе «Новой Сербіи». Этимъ какъ бы открывается колонизація южно - русскихъ степей, по мѣрѣ продвигенія къ берегамъ Чернаго моря, закончившагося въ 1812 году, когда Россія наконецъ овладѣла устьемъ Дуная и такимъ образомъ прочно утвердилась на Черноморскомъ побережьи.

Колонизація Новороссіи происходила при широкомъ содѣйствіи Правительства. Сюда привлекались иностранцы различными льготами, русскимъ старообрядцамъ здѣсь была предоставлена религіозная свобода, скрывавшіеся отъ крѣпостного уклада находили здѣсь сознательное попустительство со стороны властей.

Помимо такой свободной колонизаціи правительство примѣняло такъ же принудительную колонизацію, путемъ перевода казенныхъ крестьянъ изъ великорусскихъ губерній, образованія поселковъ изъ сосланныхъ сюда за коллективныя преступленія и раздачи земель помѣщикамъ съ обязательствомъ ихъ заселить.

Въ одномъ Херсонскомъ уѣздѣ земское обслѣдованіе обнаружило, что села въ этомъ уѣздѣ основаны выходцами изъ 23 губерній.

Всероссійская народная перепись 1897 года зарегистрировала въ Новороссіи слѣдующіе народы въ болѣе или менѣ замѣтномъ количествѣ:

Бессар. губ. Херсон. губ. Таврич. губ. Екатер. губ.

Великороссы.....	8,2 ⁰ / ₁₀₀	21,1 ⁰ / ₁₀₀	27,9 ⁰ / ₁₀₀	17,3 ⁰ / ₁₀₀
Малороссы и русины	19,6 "	53,5 "	42,2 "	68,9 "
Болгары	5,3 "	0,9 "	2,8 "	— "
Молдаване.....	47,6 "	5,4 "	0,2 "	0,4 "
Нѣмцы.....	3,1 "	4,5 "	5,4 "	3,8 "
Греки.....	— "	0,3 "	1,3 "	2,3 "
Евреи.....	11,8 "	11,8 "	3,8 "	4,7 "
Турки.....	2,9 "	— "	0,2 "	0,8 "
Татары.....	— "	0,1 "	13,0 "	0,2 "

Всероссійская однодневная народная перепись 1897 года производилась въ Россіи впервые и была встрѣчена населеніемъ съ нескрываемымъ недоувѣріемъ и даже суевѣрнымъ предубѣжденіемъ.

Но и при искренномъ желаніи населенія разобратъ въ своемъ племенномъ составѣ переписчикамъ, производившимъ регистрацію, было бы чрезвычайно трудно распредѣлить населеніе Новороссіи по національностямъ, вслѣдствіи чрезвычайной его смѣшанности. Несомнѣнно, что не только отдѣльныя члены семей, но и цѣлыя семьи причислялись не къ той національности, къ которой они принадлежатъ. Такъ, на примѣръ, въ составѣ населенія не значится сербовъ, которые благодаря смѣшаннымъ бракамъ, совершенно слились съ прочимъ населеніемъ.

Но если и придерживаться вышеприведенныхъ данныхъ о національномъ составѣ, за неимѣніемъ лучшихъ, и сравнить пестрый національный составъ Новороссійскихъ губерній съ однороднымъ составомъ сосѣднихъ и вообще прочихъ губерній Россіи, то обнаружится рѣзкая разница. Такъ въ Подольской губерніи $\frac{0}{100}$ малороссовъ доходитъ до 81,0 и дополняютъ эту народность только поляки и евреи, въ Кіевской губерніи малороссовъ 79,2⁰/₁₀₀, несмотря на понижающее вліяніе такого огромнаго города какъ Кіевъ, въ Подтавской—93,0⁰/₁₀₀, въ

Харьковской—80,7⁰/₀%. Во всѣхъ этихъ губерніяхъ сельское население, можно сказать, сплошь состоитъ изъ малороссовъ, между тѣмъ какъ въ Новороссіи, даже въ тѣхъ двухъ губерніяхъ, гдѣ они имѣютъ абсолютное большинство (53 и 68,9⁰/₀), они сожительствуютъ въ перемежку съ другими національностями и признаютъ себя русскими. Достаточно въ этомъ отношеніи сослаться на результаты опроса земствами населенія въ 1918 году, въ разгаръ украинскаго національнаго движенія, на какомъ языкѣ оно желаетъ обучать своихъ дѣтей въ школахъ. Населеніе въ подавляющемъ большинствѣ, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ сплошь, отвѣтило, что на русскомъ.

Вообще процессъ слиянія національностей въ Новороссіи происходилъ свободно и чрезвычайно быстро. Такъ рядъ національностей (сербы, черногорцы, венгры и др.) совершенно растворился въ массѣ прочихъ народностей.

Изъ пестрой смѣси языковъ, религій и народовъ упорнѣе всѣхъ свои исконныя культурно-національныя особенности отстаиваютъ татары, нѣмцы и болгары. Однако ни одна національность не сохраняетъ для себя выходящей изъ ея среды интеллигенции, которая забываетъ свой прежній языкъ, становится русской и иначе себя и не мыслитъ. Только по фамиліямъ можно судить о разноплеменномъ происхожденіи правящихъ классовъ и интеллигенціи Новороссіи.

Всѣ безъ исключенія національности, на ряду съ своимъ языкомъ, стремились усвоить русскій языкъ, который теперь является общимъ для всего края.

Исслѣдователи Новороссійскаго края совершенно правильно указываютъ, что его развитіе во многомъ напоминаетъ Сѣверную Америку. Населеніе Новороссіи быстро приспособлялось къ однороднымъ физическимъ условіямъ степи и вырабатывался, независимо отъ религіи, которую онъ исповѣдуетъ и національности, отъ которой онъ происходитъ, типъ новоросса—степняка—энергичнаго, смѣлаго, трудоспособнаго, предприимчиваго, считающаго себя сыномъ единой Россіи.

Этому новому своеобразному типу, богатому личной инициативой, природнымъ богатствомъ самой степи съ плодородной землей, заключающей въ своихъ нѣдрахъ изобиліе различныхъ полезныхъ ископаемыхъ—залежи минеральнаго топлива, желѣзные и другія руды, коалинь, соль, известнякъ и проч., и Чер-

ному морю Новороссія обязана тѣмъ, что развитіе ея хозяйственной жизни шло въ другомъ направленіи, чѣмъ въ старыхъ частяхъ Россіи и Малороссіи, съ ихъ перенаселеніемъ, съ наслѣдіемъ крѣпостного уклада — малоземеліемъ, медленнымъ ростомъ городовъ. Въ Новороссіи $\frac{0}{0}\frac{0}{0}$ городского населенія почти въ два раза выше средняго въ остальной Россіи.

Главнымъ занятіемъ жителей Новороссіи является земледѣліе. Его исторія исчерпывается двумя процессами, взаимно противоположными—распашкой степи по мѣрѣ возрастанія населенія и развитія вывоза хлѣба за-границу и сокращеніемъ животноводства, особенно тенкоруннаго овцеводства, съ паденіемъ цѣны на мериновую шерсть. Процессы эти шли съ юга на сѣверъ, отъ рынковъ сбыта портовыхъ городовъ; въ послѣднее время ту же роль стали играть станціи желѣзныхъ дорогъ. Сельское хозяйство Новороссіи, не только крупнее, но и мелкое, раньше чѣмъ хозяйства другихъ районовъ Россіи, стало работать на міровой рынокъ, приобрѣло промышленный характеръ.

Въ настоящее время изъ Новороссіи вывозится колоссальное количество зерна.

По губерніямъ вывозъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Херсонская губ.	107.000.000 пуд.
Екатеринославская	80.000.000 „
Таврическая	74.000.000 „
Бессарабская	60.000.000 „
Итого.....	321.000.000 пуд.

По разсчету на 1 душу населенія вывозныя излишки даютъ:

Бессарабская губ.....	22,30 пуд.
Екатеринославская губ.....	24,92 „
Херсонская губ.	30,05 „
Таврическая губ.....	37,66 „

Въ этомъ отношеніи Новороссія рѣзко отличается отъ сосѣднихъ губерній. Подольская губ. вывозитъ всего 11.000.000 пуд. зерна, при чемъ на душу населенія приходится только 2,92 пуд. излишка, Кіевская губернія—9.000.000 пуд. и 2,01 пуд. излишка и, наконецъ, богатая Полтавская губернія вывозитъ всего 33.000.000 пуд. хлѣба и имѣетъ 9,24 пуд. излишка на душу населенія, т. е. въ 4 раза меньше чѣмъ въ Таврической губерніи.

Переходъ къ зерновому хозяйству въ Новороссіи тормозился: во первыхъ, малонаселенностью края и нуждою въ

пришлыхъ рабочихъ изъ сосѣднихъ губерній и, во вторыхъ, медленностью производства полевыхъ работъ, что зависѣло отъ несовершенства техники и земледѣльческихъ орудій, не приспособленныхъ къ условіямъ сельскаго хозяйства въ Новороссіи. Выходъ былъ найденъ въ мѣстномъ производствѣ сельскохозяйственныхъ орудій, приноровленномъ къ мѣстнымъ естественно-историческимъ и бытовымъ условіямъ.

Такъ, напримѣръ, для быстрой распашки изобрѣтенъ былъ буккеръ, а для уборки—простой конструкціи жатвенная машина, названная народомъ „лобогрѣйкой“.

Параллельно съ приспособленіемъ машинъ шла замѣна вола лошадыю.

Перемѣны указаннаго порядка требовали внесенія въ мелкое хозяйство значительнаго капитала. Последнее выдвигало изъ среды мелкихъ землепашцевъ, въ лицѣ мелкихъ промышленныхъ хозяйствъ, сильныхъ и устойчивыхъ конкурентовъ крупному и среднему частно-владѣльческому хозяйству, особенно въ дѣлѣ производства хлѣба на вывозъ.

Создавался новый разрядъ арендаторовъ и покупателей частно-владѣльческой земли, чрезвычайно содѣйствовавшій повышенію производительности всего сельскаго хозяйства и усиленной распашки земли.

Только тѣ крупныя и среднія хозяйства могли выдержать конкуренцію съ мелкимъ производителемъ, которыя обладали капиталомъ и интенсифицировали свое хозяйство. Создавался своего рода отборъ и, въ происходившей борьбѣ, слагалось крѣпкое мелкое землевладѣніе и культурное среднее и крупное.

Приложеніе капитала въ мелкомъ хозяйствѣ, въ виду большихъ затратъ на с. х. орудія, могло быть выгоднымъ только при извѣстной наименьшей площади посѣва, соотвѣтственно средней урожайности данной мѣстности и арендной платѣ. Вслѣдствіе этого развитіе мелкаго земледѣлія шло къ утвержденію здѣсь хозяйствъ обезпеченныхъ достаточной земельной площадью. Дѣйствительно, Новороссіи принадлежит наибольшее количество десятинъ посѣва на дворъ, съ рѣзкимъ повышеніемъ сравнительно съ сосѣдними губерніями. Въ Бессарабской губерніи на дворъ приходится посѣва 4,5 дес., въ Херсонской 6,9 дес., въ Екатеринославской 5,3 дес., въ Таврической 10,0 дес. Между тѣмъ какъ сосѣдняя Подольская губернія имѣетъ всего 2,1 дес., Кіевская 2,2 дес.

Кромѣ полеводства и скотоводства, обеспеченнаго большимъ количествомъ гуменныхъ кормовъ и поэтому выкармливающего большое количество молодняка, по сравненію съ сосѣдними малорусскими губерніями, Новороссія обладаетъ рядомъ культуръ, которыя въ малороссійскихъ губерніяхъ не могутъ имѣть промышленнаго значенія. Таковы виноградарство, культура южныхъ сортовъ фруктовъ—грушъ, яблокъ и персиковъ, табаку и др.

Кромѣ сельскохозяйственной промышленности, развившейся въ масштабѣ удовлетворенія общероссійскаго рынка, Новороссія располагаетъ исключительными минеральными богатствами, разработка которыхъ ведется для удовлетворенія требованій всей Россіи. Такъ въ 1910 г. въ Новороссіи было получено 260.000.000 пудовъ желѣзныхъ рудъ. Горныя богатства Новороссіи вызвали горнозаводскую промышленность, о размѣрахъ которой можно судить по слѣдующимъ даннымъ. Въ 1910 году выплавлено чугуна 104.780.000 пуд. и получено литого металла и стали въ болванкахъ 91.146.500 пуд. Въ связи съ этимъ въ Новороссіи развилось крупное производство сельскохозяйственныхъ орудій въ соотвѣтствіи съ требованіемъ всероссійскаго рынка. Въ 1913 г. это производство Новороссіи оцѣнивалось въ 24.811.000 руб. и составляло 45% всего производства въ Россіи.

Сказанное далеко не исчерпываетъ хозяйственныхъ силъ Новороссіи, но все же можно видѣть, что экономическая жизнь Новороссіи самостоятельно прокладывала свой путь прогресса.

Если въ области экономическихъ отношеній она опережала другіе районы Россіи, раньше ихъ усваивая промышленный характеръ, то въ отысканіи подходящихъ хозяйственныхъ силъ и средствъ—породъ скота, орудій производства и сортовъ культурныхъ растений, въ разработкѣ богатствъ края, въ организаціи его торговли, Новороссія шло своей собственной трудной дорогой, не имѣя образцовъ для позаимствованія и утверждая своими силами культуру и экономическую мощь края. Въ этомъ дѣлѣ каждая изъ многочисленныхъ національностей, обрѣвшихъ здѣсь новую родину, внесла что нибудь полезное.

Жители Новороссіи имѣютъ недолгую исторію своего здѣсь пребыванія, но они уже тѣсно связаны живымъ непрерывнымъ творчествомъ нѣсколькихъ поколѣній, выработавшихъ своеобразныя формы жизни и экономическія отношенія рѣзко отличающіяся отъ отношеній сложившихся въ Малороссіи.

Казалось бы, что послѣ всего вышеизложеннаго нѣтъ надобности искать дальнѣйшихъ доказательствъ тому, что, при наличности національнаго состава Новороссіи, крѣпко спаяннаго общими интересами съ Россіей и съ русской культурой, сознающаго свою задачу обслуживать природными богатствами и Чернымъ моремъ общерусскіе интересы, нельзя строить дальнѣйшую судьбу этого края по національному признаку одной изъ населяющихъ Новороссію національностей, въ самой Новороссіи не только на это не претендующей, но даже относящейся къ этому явно отрицательно.

Изъ ознакомленія съ образованіемъ Новороссіи и ея современнымъ культурнымъ и экономическимъ состояніемъ нельзя не притти къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1. Новороссія представляетъ край, слагавшійся подъ вліяніемъ совершенно другихъ историческихъ факторовъ, чѣмъ Малороссія и остальные части Россіи.

2. Населеніе Новороссіи образовалось въ теченіи половины XVIII вѣка и въ XIX вѣкѣ изъ разноплеменной колонизаціи.

3. Встрѣтивъ здѣсь новую степную природу и условія труда, оно быстро приспособилось и утратило свои національныя черты, сознаетъ себя жителями Новороссіи и сынами единой великой Россіи.

4. Условія быта, особенности сельскохозяйственной и промышленной жизни въ Новороссіи рѣзко отличаютъ ее отъ ближайшихъ губерній, вслѣдствіе чего Русское правительство съ самаго начала выделяло ее въ особую провинцію.

5. Степная природа Новороссіи отличается отъ лѣсостепныхъ и лѣсныхъ губерній, граничащихъ съ ней съ сѣвера.

6. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ факторовъ создалась Новороссія—своеобразная страна, гдѣ выработался своеобразный типъ новоросса путемъ культурнаго взаимодействія разныхъ народностей, гдѣ языкомъ литературы и науки является великій русскій литературный языкъ, а для сношенія служить тотъ же русскій языкъ, хотя и съ новороссійскимъ акцентомъ и рядомъ мѣстныхъ словъ.

7. Всѣ особенности Новороссіи (исторія, обособленное географическое положеніе, количество и составъ населенія, размѣры территоріи и естественныя богатства края) даютъ ей право на провинціальную автономію съ великой Россіей.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ СТАТЬѢ „ОБЪ АВТОНОМІИ НОВОРОССІИ“.

Название губерній	Площадь въ квадр. верстахъ	Площадь въ десятин.	Населеніе въ губерніи на 1915 г.	ВЪ ТОМЪ ЧИСЛѢ:				На 1 кв. версту	
				Въ уѣздахъ	% къ об- щему числу	Въ городахъ	% къ об- щему числу	Душъ об- щ. пола	Сельскихъ жителей
Бессарабская	39,014,9	4,064,200	2,686,600	2,274,100	85	412,500	15	68,9	58,3
Херсонская	62,213,2	6,488,386	3,806,900	2,660,100	61,5	1,146,800	38,5	61,2	42,8
Таврическая	53,053,8	5,526,800	2,133,300	1,619,200	75,9	514,100	24,1	40,2	30,5
Екатеринославская	55,705,2	5,802,800	3,537,300	2,990,400	81,7	546,900	18,3	63,5	50,7
ВСЕГО	211,068,8	21,882,186	12,164,100	9,543,800	78,5	2,620,300	21,5		

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

Л III 534 011

ОРК-9423 1948

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І.І. МЕЧНИКОВА

